ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

Сборник статей



Москва 2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ИСТОРИИ РОССИИ (до 1917 г.)

Сборник статей

Москва 2003 Очередной выпуск сборника охватывает хронологический период от XII до первой половины XIX в. Он открывается статьей об эволюции религиозного сознания русского человека XII-XV вв. Ряд работ касается функционирования государственного аппарата и внешней политики России XVII — начала XVIII в.: особое внимание исследователей привлекла деятельность Посольского приказа, источники, характеризующие жизнь государева двора, дипломатические связи русского государства с Речью Посполитой, а также Великое посольство Петра I. Источниковедческие исследования истории XVIII — первой половины XIX в. в основном велись в русле двух тем: изучение социальных слоев и групп русского общества (купечества и офицерства времен войны 1812 г.) и истории общественной мысли и культуры (работа А.С.Пушкина над историей путачевского восстания и переписка В.Г.Белинского). Историографической проблематике (трудам историка В.А.Александрова) посвящена статья В.И.Буганова. Сборник призван обратить внимание специалистов — историков и источниковедов на малоизученные источники русской истории средних веков и нового времени.

Редакционная коллегия: *Аксенов А.И.* (отв. редактор), *Тихонова Е.Ю.* (отв. составитель)

Этот сборник посвящен Андрею Григорьевичу Тартаковскому (27.04.1931-25.09.1999), неизменному рецензенту едва ли не всех предыдущих выпусков и выпускающему редактору ряда из них. Несмотря на то, что сборник изначально предназначался по преимуществу для публикации статей аспирантов и молодых ученых Центра (ранее – Сектора). Андрей Григорьевич никогда не проявлял к ним и капли снисхождения, как, впрочем, и по отношению к работам всех ученых. В этом, пожалуй, проявлялась коренная его черта – высочайшая требовательность к историческому исследованию. был ли его автором он сам, маститый академик или выпускник ВУЗа. Многим это не нравилось, у многих вызывало раздражение, но почти всегда результатом его бескомпромиссной критики, если она воспринималась адекватно, было повышение научного уровня рецензируемой или редактируемой (а он был редактором от бога) работы. В основе этой критики лежали не личностные мотивы отношения к авторам, а громадный исторический, источниковедческий и просто культурный потенциал, приобретенный им в беспощадной самоотдаче при изучении отечественной истории.

К истории России и ее изучению он относился с настоящей любовью и не терпел спекуляций на эту тему. Чувство это взращивалось интеллигентностью его родителей. Его отец, Григорий Яковлевич, был крупным врачом-психиатром, а мама, Изабелла Абелевна, ученым-вирусологом с мировым именем. Без сомнения, огромное влияние на выбор жизненного пути Андрея, его интерес и любовь к русской культуре и истории оказал Ираклий Андроников, женой которого была родная сестра матери. Случайно ли, что главной монотемой Андрея Григорьевича в его творческом пути стала самая героическая и самая поэтическая эпоха русской истории — Отечественная война 1812 года, оказавшая решающее влияние на развитие России, ее культуры, науки, интеллектуальных и политических движений. То есть, всего того, что в широком смысле и стало объектом его изысканий.

Областью научных интересов А.Г.Тартаковского, как явствует из его ответов на анкету об историках России, были по-

литическая история, история войн, культуры, общественной мысли, революционного движения, историческая биография. Важнейшее место в научном творчестве А.Г.Тартаковского занимали вопросы средств исторического исследования. Отсюда пристальное внимание к методологии, методике исторической науки, что совпало с огромным интересом в 60-70-х годах ХХ в. к общим проблемам источниковедения, где по сути и формулировались новые теории исторического познания, по форме разрабатывавшие марксистское миропонимание, но по сути развивавшие объективистские гносеологические концепции. Это стало важнейшим этапом в научной деятельности Андрея Григорьевича, позволившим ему не только уяснить для себя роль инструментария в работе историка, но и в известной мере обобщить существующие представления, выведя их на новый теоретический уровень.

Если взглянуть на все научное творчество А.Г.Тартаковского, красной нитью через него пройдет неиссякаемый интерес к источнику. Интерес, воспринятый им от своих учителей по историческому факультету МГУ, — С.С.Дмитриева и, в особенности, П.А.Зайончковского. Настоящей источниковедческой школой стала, после окончания в 1955 г. МГУ, работа научным сотрудником в Отделе Рукописей ГБЛ — богатейшем архивохранилище страны. Но и перейдя в 1958 г. в Институт востоковедения АН СССР, Андрей Григорьевич не оставил источниковедческих штудий. Именно в это время развернулась его публикаторская деятельность и раскрылся археографический талант.

Осознание источника начинается не с его выявления и первичной критики, а с понимания места, которое он занимает в видовой структуре себе подобных. Может быть, более всего такому пониманию способствует работа над подготовкой публикаций, в которой уже один отбор документов заставляет осмыслить их значение и занимаемое ими положение. В этой связи совсем не случайно то обстоятельство, что публикации предшествовали защите Андреем Григорьевичем кандидатской диссертации. Ее общая тема — история Отечественной войны 1812 года — определилась еще в студенческие годы. Но А.Г.Тартаковского интересовал именно источниковедческий аспект, конкретизированный на армейской публицистике. И потому, в силу обстоятельств вынуж-

денный работать не в профильном академическом учреждении (в Институте востоковедения АН СССР), он находит возможность заниматься близким ему делом. Таковым стала работа над подготовкой документальной публикации «Листовки Отечественной войны 1812 г.» (М., 1962). Это сослужило добрую службу в теоретической разработке проблем кандидатской диссертации «Русская армейская публицистика Отечественной войны 1812 г.», защищенной в 1965 г. в Институте истории АН СССР, а затем и изданной в виде монографии «Военная публицистика 1812 г.» (М., 1967).

С переходом в 1969 г. в Сектор источниковедения Института истории СССР АН СССР в полной мере раскрылся источниковедческий талант Андрея Григорьевича. Являясь на протяжении более десяти лет бессменным ответственным секретарем Оргкомитетов Всесоюзных источниковедческих конференций (1972-1983), он проявил себя не только великолепным организатором, но и аккумулятором идей, вокруг которых развернулись чрезвычайно плодотворные дискуссии о природе и характере исторического источника и исторического факта. Ему принадлежит постановка кардинальных методологических проблем источниковедения, имеющая не только теоретико-познавательное, но и практическое конкретно-методическое значение. Будучи убежденным сторонником рассмотрения исторического источника как гносеологической категории, А.Г.Тартаковский значительно расширил традиционные представления об источниковедческой критике как способе выявления достоверности и полноты, введя такие понятия, как репрезентативность, аутентичность источников, ставшие классикой современного источниковедения и непременным атрибутом любой источниковедческой, да, пожалуй, и общеисторической работы.

Все это не было плодом сухого теоретизирования. Хотя основные положения были изложены А.Г.Тартаковским в специальных статьях (Некоторые аспекты проблемы доказательности в источниковедении // История СССР. 1973. 6; Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения // История СССР. 1983. 2), в основе лежали соображения, выстраданные в конкретно-источниковедческих исследованиях. Если отправная точка — 1812 год — осталась прежней, то значительно изменился

предмет изучения. Им на долгие годы стала русская мемуаристика, первое исследование которой было воплощено в монографии «1812 г. и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения» (М., 1980). (В 1983 г. эта тема была защищена в качестве докторской диссертации). Именно она вывела А.Г.Тартаковского на новые рубежи понимания как изменения видовых качеств дневников и воспоминаний, так и социальных функций источников, вызванных 1812 годом. Именно под мощным влиянием вызванных им сдвигов в общественной жизни и культуре начинается, как писал А.Г.Тартаковский, «осознание личностью своей причастности к общему движению истории» (Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1991. С. 220). Дальнейшее изучение русской мемуаристики А.Г.Тартаковский предпринял уже, как он сам выразился, на мировоззренческо-аксеологическом уровне, выясняя степень влияния исторического сознания на общее состояние мемуаристики, на воззрения о ней современников, на понимание ее места в системе духовных ценностей эпохи. В монографии «Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века» (М., 1997) он не просто обрисовал культурно-исторический статус мемуаристики в русском общественном сознании, но проследил «превращение мемуаристики в ходе ее длительной эволюции в фактор исторического сознания общества».

И опять отметим, что бок о бок с источниковедческим исследованием идет работа по публикации источников: здесь и стремление ознакомить читателя с корпусом изучаемых материалов, вводя их в целостном виде в научный оборот; это и попытка нового собственного прочтения и осмысления крупных комплексов памятников прошлого как феномена исторической действительности определенной эпохи. Результатом стали документальные публикации «1812 год... Военные дневники» (М., 1990) и «1812 год в воспоминаниях современников» (М., 1995), в которых А.Г.Тартаковский выступает составителем, автором вступительных статей и редактором, поскольку отдельные памятники публиковались здесь разными специалистами. И редактирование это отличалось столь высокой требовательностью и направленностью, что издания эти из типичных в таких случаях сборников документов превратились в нечто органически целостное.

Мы коснулись выше ключевых для научного творчества А.Г.Тартаковского проблем, разработка которых стала важнейшим событием отечественной историографии. Но его перу принадлежит более 100 печатных работ, в том числе опубликованных за рубежом. Им созданы ценные труды по военной истории (последняя его монография «Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года». М., 1996), историографии, внутренней политики, истории декабризма и освободительного движения (см. написанную им в соавторстве с Е.Л.Рудницкой монографию «14 декабря 1825 г. и его истолкователи. Герцен и Огарев против барона Корфа». М., 1994). Его исследования о литературно-общественной жизни конца XVIII-XIX вв. внесли немало нового в понимание историчебиографий социальной позишии взглялов. И И.А.Крылова. А.Н.Радишева. Н.М.Карамзина. П.А.Вяземского, А.И.Герцена и др. Последние изыскания А.Г.Тартаковского об исторических взглядах А.С.Пушкина стали заметным вкладом в пушкиниану и обещали еще много интересных открытий... Увы! Осталась неоконченной монография «Век XVIII глазами XIX-го. (Из истории общественно-исторической мысли в России)», которая должна была завершить его исследование русской мемуаристики XVIII-XIX вв. Недописана книга «Пробужденная Россия. Общественно-политическая борьба в Эпоху 1812 г.», посвященная влиянию 1812 г. на пробуждение в России гражданского самосознания, политической активности и общественного мнения. Только создан большой научный задел и начата работа над образом Павла I и его временем. Он очень хотел увидеть новое направление в источниковедении, которое можно было бы обозначить как «Мифы в истории и новые методы анализа источников».

Круг его интересов был чрезвычайно разнообразен, и всюду он пользовался безусловным авторитетом. А потому был постоянно востребован. Он являлся научным редактором библиографической серии «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах» (1984-1989), возглавляемой его учителем П.А.Зайончковским; научным руководителем с российской стороны совместного с американскими учеными проекта по подготовке библиографического сво-

да «Мемуаристика российского зарубежья. 1917-1991»; членом редколлегии декабристской серии «Полярная звезда» и ежегодника «Одиссей. Человек в истории»; руководителем научных чтений памяти Н.Я.Эйдельмана; членом ученых советов государственного Музея им. А.С.Пушкина, Государственной исторической библиотеки России (и, заметим, бессменным ее читателем), действительным членом Академии гуманитарных исследований России, почетным членом Наполеоновского общества (Франция-Канада).

Много внимания уделял А.Г.Тартаковский своим ученикам, работа одного из которых, Д.Г.Целорунго, публикуется в этом сборнике.

Андрей Григорьевич никогда не отличался корпоративной замкнутостью, созданные им труды пронизаны духом новаций, стремлением постичь не просто историю, но тайну бытия человека во времени и пространстве. Он обладал удивительной способностью видеть в каждой личности воплощение исторического процесса.

И все же главным, осмелимся утверждать, для А.Г.Тартаковского было источниковедение русской истории, где он, по тонкому замечанию Б.Г.Литвака, «обладал тем редким даром прозорливости и вдохновения, который превращает "прозу" источника в "поэзию" культуры».

Доктор исторических наук А.И.Аксенов Доктор исторических наук Н.М.Рогожин

ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ В РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВОМ СОЗНАНИИ И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ХОЖДЕНИЙ XII–XV ВВ.)

В ряду особо почитаемых православных святынь важное место принадлежит образу Богородицы — заступнице и защитнице земли русской. Тема не раз привлекала внимание церковных и светских авторов — историков, литераторов, искусствоведов, но на материале т.н. «хождений» или, подревнерусски, «хожений» — путевых записок средневековых паломников, купцов, дипломатов, изучалась фрагментарно и в полной мере исследована не была 1.

Иными словами, информационные слои хождений, связанные с культом Богородицы, не подвергались в нашей литературе тщательному источниковедческому анализу, и этот вопрос сегодня остается почти неисследованным.

Между тем, изучение материалов хождений, связанных с образом Богородицы, дает дополнительную и, на наш взгляд, очень важную информацию о роли этой святой в русском средневековом сознании, позволяя выявить не только динамику изменений культа Богородицы в мировоззрении и мировосприятии русских путешественников на протяжении нескольких столетий, но и внося при этом дополнительные краски в понимание роли «земного» и «небесного» (божественного) в жизни православного человека средневековья.

Почему на протяжении столетий многие православные искали в образе Богоматери духовную поддержку своим делам, ставшим неотъемлемой частью русской истории? Почему Богоматерь и места, связанные с ее жизнью, упомянуты в древних русских летописях, хождениях, житиях, агиографической литературе?

Ответы на эти вопросы выходят за рамки настоящей статьи. Наша цель путем более систематичного привлечения материалов нарративных или повествовательных источ-

ников — хождений — пополнить историю XII-XV вв., изучаемую в основном по летописям, новыми фактическими данными и сформировать более целостное представление о культе Богородицы в русском средневековом сознании.

В статье используются материалы десяти текстов хождений, начиная от хождения игумена Даниила (XII в.) — основоположника жанра путевых записок — до хождения за три моря Афанасия Никитина (XV в.) 2 .

* * *

Церковь прославила и чтит многих святых угодников: св. апостола Андрея Первозванного, св. Дмитрия Солунского, св. Николая Чудотворца и др. Но на русской земле с древнейших времен сложилось особое почитание Божией матери, что подтверждает более чем тысячелетняя история русского православия.

О зарождении Богородичного культа на Руси известно мало. Греческая литургика и иконография, без сомнения, оказали влияние на его формирование, хотя греческая теология для его развития почти ничего не дала. Первые христиане, принявшие учение Иисуса Христа, научились почитать христианских святых и Богородицу, но пантеон новой религии долгое время сосуществовал с древнерусским языческим пантеоном, в частности, с полумифическими образами Мокоши и св. Параскевы Пятницы. На Руси, в отличие от латинского Запада, поклонявшегося Деве Марии, в центре культа Богоматери было божественное материнство - Матерь Божья. Русская Мария (Богородица) воспринималась русскими православными людьми не только как мать Бога, или Христа, но, прежде всего, как мать всего человечества, предстательница за людей перед Небесным судией³. «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице, надеющийся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед. Ты бо еси спасение рода Христианского», - постоянно взывает к ней православная церковь⁴.

Храмом-памятником крещению, приобщившему Русь к богатейшей культуре народов Средиземноморья, стала каменная церковь Богородицы (Десятинная) в Киеве⁵. С переносом столицы из древнего Киева во Владимир поклонение Богоматери принимает государственную форму. Великий

князь Андрей Боголюбский в память о спасении молитвами Богоматери Константинополя (Царьграда) от славянской осады устанавливает особый праздник, неизвестный греческой церкви, — Покрова Богородицы — и приказывает построить церковь Покрова на Нерли. И хотя речь шла о победе греков над славянами, этот праздник оказался в числе наиболее любимых русским народом, т.к. в менталитете православных «правда Божия» всегда ценилась выше «своекорыстия» 6. Многие церковные и светские круги стали полагать, что Покров матери Божьей простерт над Россией.

Особо почитались на Руси изображения Пресвятой Богородицы. Многие из них составляют бесценную сокровищницу русского искусства⁷. Богородица под рукой иконописцев предстает во многих ипостасях: «Живоносный источник» и «Всех скорбящих радосте», «Неувядаемый цвет», «Утоли моя печали» и т.п. Богородичные иконы издревле занимали почетное место в православных храмах. К их заступничеству прибегали в самые опасные для Руси исторические периоды. Образ Владимирской Богоматери, созданный, по преданию, еще при земной жизни святой евангелистом Лукой, т.е. в I веке, пользовался наибольшим почтением и авторитетом⁸. Великий князь Дмитрий Донской вел русские дружины на Куликово поле с образом Божией матери⁹; в 1395 г., когда Тамерлан вторгся в пределы русских земель, по приказу великого князя Василия Дмитриевича, вышедшего с войском навстречу врагам, икона «Владимирской Богоматери» была перенесена из Владимира в Москву и через несколько дней, благодаря заступничеству Богородицы, иноземцы повернули обратно¹⁰; с чудотворным покровительством Богоматери русские летописи связывали уход хана Едигея из-под Москвы в $1408 \, \Gamma$. 11 , а позднее — избавление России от ордынского хана Ахмата в $1480 \, \Gamma$. $^{12} \, B \, XV \,$ столетии, когда насущным стал вопрос о консолидации всех русских земель вокруг Москвы с целью освобождения от татарского ига, ее правящие круги особенно настойчиво стремились утвердить мысль о том, что Москва находится под покровительством самой Богородицы. Этой цели служило и строительство в 1480 г. нового Успенского собора «дома пресвятой Богородицы» в Московском Кремле¹³.

Наряду с этим с древности и по сей день в православной церкви совершаются торжества в честь важнейших событий в земной жизни Христа и Богородицы, известные как Господские или Богородичные. Важнейшими праздниками считаются: Рождество Богородицы (8 сентября), Введение во храм (21 ноября), Благовещение (25 марта), Рождество Иисуса Христа (7 января), Успение (15 августа)¹⁴. Много праздников, посвященных чудотворным иконам Богоматери (Иерусалимской, Казанской, Иверской и др.).

Такова в немногих словах предыстория богородичного культа. Без нее невозможно подойти к пониманию сути рассматриваемых в настоящей статье проблем.

Образ Богородицы в картине мира русских путешественников XII-XIII вв.

От рождения и до смерти любовь к божественному и чувство страха перед ним сопровождали жителей средневековой Руси. Но их мировосприятие было далеко от религиозного фанатизма. Сначала Богородица, а затем и Бог воспринимались ими как милосердные отец и мать для кающихся грешников¹⁵. Русское благочестие основывалось на смирении, которое почиталось за первейшую добродетель. Показательно, что хвалились перед Богородицей и Христом не успехами, а страданиями и трудами. Но русский человек искал путь к Богу и к божественному не только через зрение (иконы) и слух (церковное пение). Важное место в его мировосприятии занимали чувства. Через касание, целование, обоняние ладона и т.п. он постигал и земной, и небесный миры.

Не столько Дух, сколько священная материя явилась предметом почитания и русских путешественников (главным образом, паломников) в Константинополь, в Святую землю и в основные религиозные центры средневековья — Царыград и Иерусалим 16. Являясь представителями страны поздней христианизации, они многому из увиденного придавали особый сакральный смысл, а Богородицу воспринимали многоликой: одновременно и божественной, и земной.

Игумен Даниил (1106-1108), паломник, дипломат, совершил путешествие из Чернигова в Палестину. В его путевых

записках особенно ярко прослеживается религиозное почитание культа Богородицы. Каждый его рассказ о чуде, связанном с Богоматерью, это всегда попытка найти подтверждение чуду в ее земной жизни. Так, рассказывая о Гефсимании, Даниил сообщает, что «это село, где находится гроб Богородицы, вблизи Иерусалима», отмечая, что «от городских ворот Иерусалима саженей восемь до места, где еврей Охония пытался свергнуть с одра тело Богородицы, когда ее апостолы несли погребать в Гефсиманию, и ангел отсек мечом ему обе руки и положил их на Афонию. На этом месте был монастырь, а ныне все разорено иноверцами» 17. Подробно и с благоговением он описывает место погребения Богородицы. «Гроб находится на ровном месте, в небольшой, высеченной в камне пещерке, с двумя небольшими дверцами, как можно человеку, наклонившись, войти. На дне пещерки, напротив дверец, высечена из того же пещерного камня лавка, на которой было положено тело Богородицы и оттуда было взято нетленным в рай. Пещерка чуть выше человеческого роста, в ширину четыре локтя, квадратная. Снаружи она сделана теремцом, облицованным красиво мраморными плитами. Вверху над гробом создана была большая церковь со стрельчатыми сводами во имя Успения» 18. Столь же подробен игумен Даниил при рассказе о пещере, где родила Богородица Христа¹⁹; о Назарете, где «было благовещение Богородице от архангела Гавриила и где был вскормлен Христос»²⁰. По словам русского игумена, «только божьей благодатью и молитвами Богородицы «путешествовали без пакости и обошли всю Палестинскую землю»²¹.

Из житийного сообщения о путешествии преподобной Евфросинии Полоцкой известно, что во второй половине XII в. в Иерусалиме был особый русский монастырь Преподобной Богородицы, основанный русскими монахами для приюта паломников. Таким образом, русские путешественники возлагали на Богородицу надежды не только на защиту в пути, но и во время ночлега²².

Добрыня Ядрейкович (святитель Антоний Новгородский) (1200-1204), паломник, дипломат, совершил путешествие из Новгорода в Константинополь. Его путевые записки являются продолжением религиозного осмысления действительности, заложенного игуменом Даниилом. Показательно, что

Добрыня «преже поклонихомся святьи Софъи... целовал икону пресвятая Богородицы, держащу Христа»²³. Описывая святыни Царыграда, он отмечает материальные символы присутствия Богоматери на земле: «Риза святыя Богородицы и посох Ея, сребромъ окованъ, и поясъ Ея»²⁴; подробно рассказывает о церкви святыя Богородицы²⁵ и о монастыре Испигаса, подчеркивая, что только «молитвами святыя Богородицы не оскудевает монастырь той»²⁶. Наибольший интерес для понимания культа Богородицы того времени представляет, на наш взгляд, следующий фрагмент: «Во Святьи же Софъи есть мороморъ (мрамор. – E.M.) багрянъ, и ту поставляють престол злать и на престоль поставляють царя на царьствоь и по странамъ того мъста есть мъсто огражено мъдию (медью. $-\vec{E}.M$.), и на не человъцы не воступають, но то мъсто цълуютъ народи: на томъ бо мъсть молилася святая Богородица къ Сыну своему и Богу нашему за родъ християнъский...»²⁷ Он свидетельствует о тесном взаимодействии и взаимовлиянии средневековых культур Востока и Запада.

Образ Богородицы в картине мира русских путешественников XIV-XV вв.

Аноним (конец XIII — начало XIV в.), паломник, совершил путешествие из Новгорода в Константинополь. «Пришлось мне быть, грешному и недостойному рабу божию, в Константинополе, называемом Царьград, и видеть престрашные чудеса, какое чудо творит икона Богородицы, подает исцеление болящим. И это видел я, грешный раб божий, и написал правоверным христианам на послушание», — сообщает он уже в самом начале своего повествования²⁸. Аноним подробно описывает икону св. Богородицы, «которая плакала, когда фряги — крестоносцы взяли Царьград и удерживали его 62 года, но веры ради не мучили никого»²⁹; Влахернский монастырь, где «в каменном ларце, окованном обручами, одежда Богородицы»³⁰; монастырь Пантократор, где «хранятся слезы Богородицы на доске»³¹.

Стефан Новгородец (1348-1349), паломник, совершил путешествие из Новгорода в Константинополь. Интересен его рассказ о ношении по городу иконы Богородицы. «Эту ико-

ну Лука евангелист писал, смотря на самую госпожу девицу Богородицу, еще при ее жизни. Икону в каждый вторник выносят. Чудное очень это зрелище. Сюда сходится весь народ, и из городов других приходят. Икона эта очень большая, окованная гораздо, и певцы перед нею поют красиво, а народ весь восклицает с плачем: «Господи, помилуй!». Одному человеку поставят на плечи икону стоймя, а он руки раскинет, как будто распятый, также и глаза у него закатятся, страшно видеть, – и по площади мечет его туда и сюда, очень сильно вертит его, а он не помнит себя, куда его икона носит. Потом другие подхватят, и с ними тоже бывает, также и третий и четвертый подхватывают... Дивное зрелище!»³² Путешественник отмечает, что во Влахернской церкви святой Богородицы «лежит риза в алтаре на престоле, в ковчеге запечатаны также, как и страсти господни, еще крепче того: прикованы железом, ковчег же сделан из камня очень хитро. $\dot{\mathbf{N}}$ мы приложились»³³.

Игнатий Смольнянин (1389), вероятно, дипломат, совершил путешествие из Смоленска в Царьград. В центре его внимания иконы константинопольских храмов и церкви во имя св. Богородицы. Прийдя в Константинополь, Игнатий сразу же отправился к святой Софии и «дойдя до великих ворот, поклонился чудотворной иконе Богородицы, от которой изошел голос к Марии Египетской, запрещая ей вход в святую церковь в Иерусалиме»³⁴. На другой день русский путешественник «отправился во Влахернскую церковь и целовал раку, где лежит риза и пояс пречистой Богородицы»³⁵. Как и его предшественники, побывал в монастыре Пантократор, где «целовал святую доску, на которую после снятия с креста положили тело Иисуса Христа. На этой доске остались следы слез Богородицы» ³⁶. Среди достопримечательностей церкви Богородицы, упоминает «икону Богородицы, написанную евангелистом Лукой»³⁷.

Иеродиакон Зосима (1419-1422), паломник, дипломат, совершил путешествие из Троицко-Сергиевой Лавры в Царьград, на Афон и в Палестину. В своих записках он подробно описывает многое из того, что уже зафиксировали его предшественники, — икону Богородицы в церкви св. Софии, монастырь Одигитрии, ризу и пояс Богородицы во Влахернской церкви и т.д. Но некоторые детали его описаний оказываются

новыми. «В монастыре великом Пантократоре, он зовется по-русски Вседержитель, стоит доска, на которой несли Христа к гробу, на этой доске и слезы Богородицы видны, знать, и доныне, белые, как молоко»³⁸. Во Влахернской церкви лежат «риза и пояс Богородицы и святого Потапия мощи»³⁹. Описывая достопримечательности Иерусалима, он вслед за Даниилом сообщает, что «от святого Сиона на расстоянии полета стрелы есть место, где ангел еврею руку отсек, когда тот хотел тело Богородицы с одра совлечь»⁴⁰.

Неизвестный Суздалец (1437-1440), дипломат, совершил путешествие в Германию и Италию на Ферраро – Флорентийский собор 1439 г., где решался вопрос об унии, т.е. объединении западной и восточной церквей. Находясь в составе представительной русской делегации во главе с митрополитом Исидором, он отправился из Москвы «на рождество святой Богородицы». Логично предположить, что выбор дня начала путешествия не был случаен. В пути, когда уже плыли на корабле по Балтийскому морю, внезапно начался шторм. «Корабль волнами захлестывался, и верхняя его постройка заливалась волнами». Все были напуганы, и тогда «митрополит начал молебен святой Богородице Одигитрии погречески со своими греками, а владыка Авраамий по-своему, по-русски. И начала тьма расходиться, – и уже было к вечеру, - и ветер повеял добрый, и далее мы не знали никакого зла»⁴¹. Приехав в Италию, Неизвестный Суздалец вынужден был большую часть своего времени уделить заседаниям церковного собора, но, с интересом приглядываясь к жизни западных городов, он находил много схожего у православных и у латинян в Богородичном культе: в частности, отождествление Богородицы с чудодейственными силами, способными исцелять. Так, описывая Флоренцию, русский путешественник отметил, что «есть в городе том икона чудотворная, образ Пречистой божьей матери. И перед иконой в божнице стоят фигуры исцелившихся людей, более шести тысяч сделанные из воска: кто разбит параличем, или хромой, или слепой..., — так все изображено и здесь стоит»⁴².

Варсонофий (1461-1462) официальный представитель русского духовенства, совершил путешествие из Полоцка в Египет, Синай и Палестину. Упоминает о церкви пречистой Богородицы в Каире, где «творил молитву и целовал святое место Церкви»⁴³. При посещении Синайской горы описывает церковь Рождества пречистой Богородицы и «камень большой, где сидела Пречистая, от него благоухание исходит и доныне. Возле этого святого камня церковь стоит»⁴⁴.

Гость Василий (1465-1466), торговец, дипломат, совершил путешествие из Москвы в Каир и Палестину. Меньше интересуясь святынями, возможно, из-за своих профессиональных занятий торговлей, он немногословен. Отмечает, что в г. Хомс и в г. Газа главная церковь Пречистая Богородица⁴⁵. Пересказывает в ряде случаев библейские легенды, например, о смоковнице неплодной, где скрылась Богородица с младенцем и с Иосифом, когда убежала из Иерусалима в Египет⁴⁶. Наряду с этим он внимателен к описанию гроба Богородицы в Гефсимании. «Вошли в церковь, прошли сорок восемь ступеней, подошли к гробу матери божьей и по-клонились»⁴⁷.

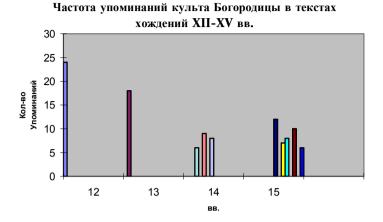
Афанасий Никитин (1466-1472 – датировка по И.И.Срезневскому, 1468-1475 — датировка по Л.С.Семенову)⁴⁸, торговец, совершил путешествие из Твери в Индию. Его путевые записки свидетельствуют о постепенной эволюции образа Богородицы в представлениях средневековых путешественников рассматриваемого времени. Афанасий Никитин лишь несколько раз фиксирует праздники в честь Богородицы. Записывает, например, что «из Джуннара вышли в день Успения Богородицы к Бидару, большому их городу, и шли месяц»⁴⁹; или «в Индостанской земле всякий товар покупают и продают на память шейха Алаеддина, а на русский праздник Покрова святой Богородицы»⁵⁰; либо сообщает, что «в Трапезунд пришел на Покров святой Богородицы и приснодевы Марии»⁵¹. Но надежды на благополучное завершение своего путешествия и возвращение на Русь он связывает уже не с Богородицей, а с Христом. Вот любопытная запись об этом: «А молился я Христу-Вседержителю, кто сотворил небо и землю, и иного никоторого имени не призывал, бог творец наш, бог милосердный, боже, ты бог всевышний»⁵².

* * *

В заключение приведем таблицу 1а и дополняющую ее диаграмму 16, которые наглядно представят полученные нами результаты.

Таблица 1а **Культ Богородицы в хождениях XII-XV вв.**

Игумен Даниил (1106-1108)	Более 24 упоминаний о Богородице и св. местах, связанных с ее культом
Добрыня Ядрейкович (святитель Антоний Новгородский), (1200-1204)	Более 18
Аноним (конец XIII-XIV вв.)	Более 6
Стефан Новгородец (1348-1349)	9
Игнатий Смольнянин (1389)	8
Иоеродиакон Зосима (1419-1422)	12
Неизвестный Суздалец (1437-1440)	7
Варсонофий (1461-1462)	8 В тексте его путевых записок заметно влияние не только восточной, но и западноевропейской культуры. Наряду с Богородицей автор упоминает деву Марию, больше чем, его предшественники, уделяет внимания образу Иисуса Христа.
Гость Василий (1465-1466)	9
Афанасий Никитин (1466-1472; 1468-1475)	6 Упоминает деву Марию, но молится уже не столько Богородице, сколько Христу Вседержителю



Как показывают приведенные материалы, анализ информационных слоев хождений, связанных с образом Богородицы в русском средневековом сознании, помогает обнаружить немаловажные детали, существенные для реконструкции особенностей мировоззрения и мировосприятия жителей средневековой Руси. О важности этой проблемы для русской истории, и, в частности, для истории русского феодализма, говорить излишне.

Известия отдельных текстов являются уникальными (путевые записки игумена Даниила, Добрыни Ядрейковича). Их ценность определяется тем, что они относятся к наиболее древнему периоду русской истории.

Главный же наш вывод сводится к следующему: если на протяжении XII-XV вв. культ Богородицы — спасительницы всего мира, главной заступницы и покровительницы русской земли, стабильно доминировал в мировоззрении русских путешественников (на основе хождений можно зафиксировать лишь колебания интереса к культу: пик внимания к Богородице — в XII столетии, временный спад в конце XIII и особенно в XIV в., вызванный сокращением количества путешествий из-за монголо-татарского ига, и возрождение интереса к ней в XV в.), то к концу XV столетия по мере укрепления

московского самодержавия и расширения международных связей культ Богородицы в их мировоззрении и мировосприятии начинает соседствовать с культом Иисуса Христа, постепенно уступая место святыням последующих эпох⁵³.

Богородице посвящен большой комплекс литературы. Важный вклад в изучение темы внесли труды историков (Иконникова В., Кондакова Н.П., Лисового Н.Н.) и искусствоведов (Смирновой Э.С., Рындиной А.В., Этингоф О.Е. и др.). См.: Иконников В. Опыт исследования. О культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 67-77; Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1886; Он же. Иконография Богоматери. Пг., 1917. Т. 2; Приди и виждь. Свидетельства Бога на земле / Автор-составитель Н.Н.Лисовой. М., 2000. С. 19-25, 207-211, 308-314, 356-361; Смирнова Э.С. Живопись Великого Новгорода (середина XII – начало XV в.). М., 1976; Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода XV в. М., 1982; Рындина А.В. Древнерусские паломнические реликвии. Образ Иерусалима в каменных иконах XIII-XV вв. // Иерусалим в русской культуре / Отв. ред. А.Л.Баталов, А.М.Лидов. М., 1994; Этингоф О.Е. Сопоставление сцен «Рождество Христово» и «Успение Богоматери» в росписях церквей Богородицы в Студенеце и Благовещения в Градаце. Новый взгляд // Древнерусское искусство: Сб. / Под ред. А.Л.Баталова. СПб., 1997. С. 59-76. Однако многие из светских исследований (в том числе упомянутых), прямо или косвенно рассматривавших интересующий нас круг проблем, базировались лишь на отдельных сочинениях, не достаточно полно представляющих жанр хождений.

Источники цитируются по следующим изданиям: Книга «Паломник» — Сказание мест Святых во Царыграде Антония, архиепископа Новгородского в 1200 г. / Под ред. *Х.М.Лопарева* // Православный Палестинский сборник. СПб., 1899. Т. 17, вып. 3; Книга хожений: Записки русских путешественников XI-XV вв. / Сост., подгот. тек-

ста, вступ. ст. и коммент. Н.И.Прокофьева. М., 1984.

³ Cm.: Fedotov G.P. The Russian religious mind: Kievan Christianity: The tenth to the thirteenth centures. Cambridge (Mass): Harvard

Univ. press, 1996. Vol. 1. P. 15, 33-55.

4 См.: Законъ Божий / Сост. протоиерей С. Слободской. Репринтное изд. Спасо-Преображенский Валаамский Ставропигиальный монастырь, 1991. С. 77, 79, 80, 257-278. Подробнее см.: Снессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы. СПб., 1898; Мария Богоматерь // Библейская энциклопедия. Репринтное изд. М., 1990. С. 454-456; Петрів Ј.М. Богородиця: історія культу. Киів, 1990. С. 6-25; Мария // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1992. С. 345-347.

5 Почему эта церковь посвящена Богородице? Изучением вопроса занялся О.М.Рапов. См.: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1998. 1 августа каждого года (по старому стилю) православные отмечают праздник «Происхождения изнесения честных дерев животворящего креста Господня», посвященный Иисусу Христу и его матери. В этот же день начинается Успенский пост, предшествующий празднику Успения Богородицы, который отмечается 15 августа. Таким образом, крещение киевлян, если оно имело место 1 августа, должно было, по мнению ученого, проходить под покровительством Богородицы, ибо этот день посвящен ее памяти. См.: Там же. С. 226-227. Подробнее об этом см.: Тихомиров М.Н. Начало христианства на Руси // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975: Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Собр. соч.: В 2 т. Т. І. М., 1992. И еще один любопытный факт. Основная масса новгородцев вслед за киевлянами была крещена 8 и 9 сентября, также в день Рождества Богородицы. См.: *Янин В.Л.* Как и когда крестили новгородцев // Наука и религия. 1983. 11. С. 28; Рапов О.М. Указ. соч. С. 255.

Шленов В. Покров Матери Божьей над Россией // Божий мир. 1999. 7 (19). C. 1-2.

См.: Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их и изображения / Сост. протоиерей И.Бухарев; Вступ. ст. Тюрина Ю. М., 1994. Следует подчеркнуть, что в русской богородичной иконографии наиболее распространен тип умиления (в Византии, напротив, – типы Оранты и Одигитрии). Последние научные изыскания подтвердили, что и у греков было умиление, но Русь отдала предпочтение этому иконографическому образу перед двумя другими.

Гребенюк В.П. Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери» // Древнерусское искусство: Сб. / Отв. ред. О.И.Подобедова, Г.В.Попов. М., 1972. С. 338-363; Он же. Цикл сказаний об иконе Владимирской Богоматери. Комплексное исследование: Авторефе-

рат дис. ... д-ра филол. наук М., 1993. С. 1-48.

Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их и изображения. С. 140-141. Там же. С. 61-68.

11 ПСРЛ. Т. XI. М., 1965. С. 209.

12 Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их и изображения... С. 65-66.

См.: Успенский собор Московского Кремля: (материалы и ис-

следования) / Под ред. Э.С.Смирновой. М., 1985.

14 См.: О великих господских Богородичных праздниках. Пушкино, 1990. Репринт. воспроизведение изд.: Киев, 1835. С. 1-190; *Филарет (Дроздов)*. Слава Богоматери. М., 1996. С. 21-23.

15 См.: Замалеев А.Ф., Овчинникова Е.А. Еретики и ортодоксы: Очерки древнерусской духовности. Л., 1991. С. 17.

¹⁶ Подробнее о русских путешественниках – авторах хождений см.: Данциг Д.М. Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; Он же. Ближний Восток в русской науке и литературе (Дооктябрьский период). М., 1973; Он же. Ближний Восток. М., 1976; Малето Е.И. Зарубежный Восток в восприятии русских путешественников XII-XV вв. (по материалам хожений) // Россия и внешний мир. Диалог культур / Под ред; Ю.С.Борисова. М., 1997. С. 6-21; Она же. Русские путешественники в странах Востока (XII-XV столетия) // История. 1998. Декабрь (45). Приложение к газете «Первое сентября»; Она же. Русские средневековые хождения (издания и публикации) // Археографический ежегодник за 1999 г. М., 2000. Она же. Хожения русских путешествеников XII-XV вв. М., 2000. C. 255-267; Selmainn K.D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. Munchen, 1976; Majeska G.P. Russian travelers to Constantinople in the fourteenth and fifteenth centuries. Wash., 1984.

Книга хожений... С. 216.

- 18 Там же. С. 217.
- ¹⁹ Там же. С. 226. ²⁰ Там же. С. 246.
- 21 Там же. С. 249.
- 22 Путешествие игуменьи Евфросинии, княжны Полоцкой в конце XII в. (1173 г.) см. в изд.: Сахаров И.П. Путешествия русских людей // Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 8; Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым / Предисл. *Г.П.Присенко*. Тула, 2000.
- ²³ Книга «Паломник» Сказание мест Святых во Царыграде ... C. 2.
- 24 Там же. С. 21.
- 25 Там же. С. 23.
- ²⁶ Там же. С. 37.
- Там же. С. 15.
- ²⁸ Книга хожений... С. 255.
- ²⁹ Там же. С. 257. ³⁰ Там же. С. 265-266.
- 31 Там же. С. 266.
- Там же. С. 271.
- Там же. С. 275.
- ³⁴ Там же. С. 279.
- 35 Там же. С. 280.
- ³⁶ Там же.
- Там же. С. 281.
- Там же. С. 301.
- ³⁹ Там же.
- 40 Там же. С. 308.
- 41 Там же. С. 318.
- Там же. С. 324.
- 43 Там же. С. 344.
- 44 Там же. С. 347.
- ⁴⁵ Там же. С. 354-355.
- ⁴⁶ Там же. С. 356.
- Там же. С. 358.

- 48 В прошлом столетии академик И.И.Срезневский предложил датировать путешествие Афанасия Никитина 1466-1472 гг., что и укоренилось в литературе. Хронология была пересмотрена в середине 80-х годов Л.С.Семеновым, убедительно доказавшим, что гость из Твери отправился в Индию в 1468 г. и находился там с 1474 г., а на Русь вернулся в 1475 г. Подробнее см.: Хождение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Я.С.Лурье, Л.С.Семенова. Л., 1986. С. 88-107.
- ⁴⁹ Книга хожений... С. 369.
- ⁵⁰ Там же.
- 51 Там же. 383.
- 52 Там же. С. 374.
- 53 См.: Прокофьев Н.И. Записки русских путешественников XVI-XVII вв. / Сост. подгот. текстов и коммент. Н.И.Прокофьева, Л.И.Алехиной. М., 1988.

ПРИЕМЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РАБОТЫ СЛУЖАЩИХ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА НАЧАЛА XVII ВЕКА

Одним из ценнейших источников по истории Московского государства XVI-XVII веков является документация дипломатического ведомства России — Посольского приказа. Столбцы и книги, составленные в Посольском приказе, дают исследователю богатый материал об отношениях и дипломатических контактах России с зарубежными державами, посольском церемониале, приказной системе, внутренней политике московских государей, представлениях русских людей о других странах. Высокая степень сохранности книг и столбцов Посольского приказа (большая часть которых в данный момент находится в фондах — коллекциях Российского государственного архива древних актов), массовость данного вида источников открывают широкие перспективы для исследования истории России эпохи позднего Средневековья.

Следует отметить, что использование материалов Посольского приказа в качестве источников началось достаточно давно - с начала XVIII века. Однако в гораздо большей степени исследователями привлекались так называемые «посольские книги». Хорошая сохранность, более высокий уровень обработки и отбора информации, довольно разборчивый тип скорописи, которым написано большинство книг, все эти достоинства определили активное обращение историков к книгам Посольского приказа как к историческому источнику. Источниковедческий анализ посольских книг стал предметом ряда специальных статей и исследований 1. В этом отношении менее изученными являются столбцы Посольского приказа. Тем не менее, столбцы по уровню информативности не уступают, а даже превосходят книги, поскольку в них содержится значительно больше сведений, нежели в книгах, составлявшихся в большинстве случаев путем сокращения столбцового материала. Большую ценность для исследователя представляет то, что столбцы являлись

рабочими документами: содержащиеся в них пометы, исправления, вставки позволяют делать выводы о характере и приемах делопроизводства Посольского приказа, его персонале, изменениях в дипломатической терминологии.

Предметом настоящей статьи является рассмотрение приемов делопроизводства служащих дипломатического ведомства эпохи Смуты и преодоления порожденного ею внешнеполитического кризиса Московского государства (1604-1619 гг.) на материалах столбцов Посольского приказа. В этой статье речь пойдет о составе и способах формирования столбцов; приемы составления книг оставлены автором за пределами работы, поскольку подобная тема может быть предметом отдельной статьи. Выбор указанного хронологического отрезка обусловлен тем, что для этого периода столбцы являются наиболее массовым источником по истории внешней политики России. Цель работы – показать, что, вопреки широко бытующим представлениям о том, что в условиях Смуты работа центрального административного аппарата (и Посольского приказа в том числе) была нарушена и парализована, в рассматриваемый период дипломатическое ведомство Московского государства продолжало работать целенаправленно и эффективно.

* * *

В эпоху Смуты делопроизводственная деятельность Посольского приказа, отражавшая внешнеполитические контакты Московского государства, велась довольно активно. По нашим данным, в рассматриваемое время в Посольском приказе было составлено около 450 столбцов по связям России с 24 зарубежными державами. Приблизительно четверть из них до наших дней не сохранилась; об их существовании известно по описям архива Посольского приказа XVII в., а также по упоминаниям в сохранившихся документах. Рассмотрение делопроизводства дипломатического ведомства показывает, что состав документации Посольского приказа рассматриваемого временного отрезка оставался прежним. Как и в предыдущий период, материалы делопроизводства приказа объединялись в целом в две группы: «приезды» и «отпуски», существовавшие в двух основных формах — в столбиах и книгах.

Первым этапом обработки и обобщения дипломатической документации являлось составление столбцов Посольского приказа. В них объединялись относящиеся к тому или иному дипломатическому вопросу материалы. Часть их составлялась непосредственно в Посольском приказе, часть поступала из городов, других ведомств, от российских дипломатов. Поступающие в Посольский приказ документы прочитывались, при необходимости представлялись государю и Думе, после чего на обороте первого листа документа (челобитной, отписки) дьяк делал помету: «Чтена. В столп», «Чтена, вклеить в столп», «Чтена. Вклеить к отпуску»², «Чтена государю и бояром»³, «Государю и бояром чтена. Вклеить в столп»⁴, «Чтена. В столп крымской»⁵. В делопроизводстве Посольского приказа начала XVII века удалось обнаружить лишь несколько случаев, когда помета «Чтена» была сделана на лицевой стороне отписки⁶. Часто на обороте входящих документов можно обнаружить не только резолюции о дальнейшей судьбе данного документа, но и приговор царя и бояр по вопросу, поднятому в нем. Так, на обороте отписки о том, что шведские послы забрали с собой шведского пленника, имеется запись: «Прочести государю и бояром. Чтена. Отнимати не велети»⁷.

Исходящие документы (грамоты, памяти, наказы) в обязательном порядке копировались в Посольском приказе. При этом черновик вклеивался в столбец; в большинстве случаев в конце документа помещалась помета, сообщавшая о том, с кем и когда подлинный документ был отправлен из приказа. Иногда делались более подробные пометы: «Такова ж память послана в Володимерскую четь, чтоб послали грамоты, потому что Данков и Переславль Резанской ведают в Володимерской чети, а в Розряд такова ж послана об одной воронежской грамоте с толмачом з Булгаком»⁸. Составленный первоначальный черновой вариант исходящего из приказа документа подвергался правке. Фрагменты текста, подлежащие удалению, вычеркивались: при этом небольшие участки текста (от слова до нескольких строк) перечеркивались одной горизонтальной чертой; если же удалению подлежал большой фрагмент текста, то первая и последняя строки фрагмента перечеркивались горизонтальными линиями, которые соединялись вертикальной чертой, перечеркивающей

остальные строки. Исправления текста производились путем написания правильного варианта поверх ошибочного (если исправлялась одна или несколько букв). Если объем исправлений был больше (одно или несколько слов, иногда — несколько строк), то новый вариант писался над строкой над зачеркнутыми словами. Наконец, если в текст документа следовало сделать обширную вставку, то на лицевой стороне документа в месте начала вставки врисовывался значок в виде креста, вписанного в круг («крыж»). На обороте соответствующего листа ставился этот же символ, после чего следовал текст вставки.

Иногда составлению грамоты предшествовала определенная справочная работа. Так, в Посольском приказе была составлена грамота к воеводе И.А.Хворостинину, причем в грамоте он был написан стольником и воеводой. Однако приказное руководство решило навести соответствующие справки, и перед текстом грамоты была помещена памятка: «отписати, стольником ли и воеводою пишетца князю Ивану Ондреевичю Хворостинину, или глухо». После наведения справок (вероятно — в Разрядном приказе) рядом с памяткой было приписано: «Глухо». Вследствие этого в черновом варианте грамоты И.А.Хворостинину титулы «стольник и воевода» были вымараны⁹.

Черновики грамот, посылавшихся из Посольского приказа, не всегда подклеивались в столбец немедленно. Свидетельством этого является следующий факт. В крымском столбце 1604-1606 гг. имеется черновой вариант грамоты от 22 октября 1605 г., отправленной из Посольского приказа в Мценск к приставу при крымских гонцах. На обороте же этой грамоты записан черновой вариант грамоты к смоленским воеводам, относящийся также к октябрю 1605 г. 10 Это свидетельствует о том, что черновик грамоты, посланной в Мценск, не был сразу подклеен к соответствующему крымскому столбцу, а в течение некоторого времени (вероятно – нескольких дней) лежал отдельно, вследствие чего оборотная его сторона и могла быть использована для составления грамоты в Смоленск. Подобная практика не была широко распространенной, но аналогичный пример можно обнаружить и в более ранний период. На обороте отрывка наказа посланнику в Данию И.Ржевскому, датированного 1 авгу-

ста 1601 г., был написан черновой вариант проезжей грамоты от 12 августа 1601 г. ястребникам, отправленным с посольством в Крым. Позднее соответствующий лист был включен в крымский столбец¹¹. Следовательно, иногда черновые варианты документации подклеивались в столбцы не сразу, а по прошествии некоторого времени (в данном случае отрывок датского дела должен был пролежать неподклеенным около двух недель). В большинстве же случаев, вероятно, документы подклеивались в столбцы сразу по их написании или поступлении в приказ. Так, 22 сентября 1613 г. в Посольском приказе получили отписку из Переяславля Рязанского. Копия отписки осталась в Посольском приказе, а подлинник переслали к царю, возвращавшемуся с богомолья. 30 сентября подлинник был передан в Посольский приказ и подклеен к столбцу, где уже находилась копия рязанской отписки¹². Следовательно, к 30 сентября столбец о приезде из Переяславля Рязанского ногайских гонцов уже начали составлять; в противном случае в столбце был бы вклеен лишь подлинник отписки. Черновой вариант исходившего из Посольского приказа документа иногда включался в несколько столбцов. Так, в ногайском столбце 1613-1614 г. после текста грамоты имеется помета: «Такова грамота послана с атаманом с Ыгнатьем Бедрищевым марта в 18 день, а подлинной отпуск атаману Игнатью Бедрищеву вклеен в Донском столпу, как отпущен на Дон Иван Опухтин»¹³.

Документы на иностранных языках, поступавшие в Посольский приказ, переводились переводчиками. Когда не было уверенности в точности перевода, к нему привлекалось одновременно несколько специалистов. Так, в 1618 г. верительную грамоту шведских послов переводили переводчики «Ульф с товарищи», а затем также Арн Бук, специально для этого вызванный из Казани. После перевода грамоты Буком и сверения текстов двух переводов над вторым экземпляром сделали помету: «Переводил Арн Бук вдругорядь для правки. Не писать. Так будет вдвое ж»¹⁴. Переводы грамот по распоряжению приказного руководства подклеивались в столбцы, причем строго в указанном руководством приказа месте; в крымском столбце 1616 г. после росписи подарков, врученных крымским послам на аудиенции у царя, помещена помета: «Подклеить тут переводы с грамот» (каковые и следуют

в столбце после этой пометы)15. Иногда с российскими дипломатическими миссиями отправлялись грамоты на иностранных языках, написанные находившимися в России иностранцами. Такие грамоты в обязательном порядке представлялись в Посольский приказ. Позднее, в 1626 г. переводчик Е.Еремеев провез из Москвы в Швецию частные письма живших в России немецких торговцев к их родственникам, не передав их для перевода в Посольский приказ. Когда дело раскрылось, Еремеев был уволен из переводчиков, несмотря на длительный стаж и богатый опыт службы в ди-пломатическом ведомстве¹⁶. Представленные грамоты в приказе переводили на русский язык (переводы подклеивались в столбцы). При этом содержание писем редактировалось служащими Посольского приказа. Так, например, в 1616 г. английский посол Дж. Меррик, посредничавший на русско – шведских переговорах, передал в Посольский приказ свое письмо к шведскому послу Я.Делагарди. Письмо было переведено, и руководители приказа распорядились: «Приписать о княгине Одоевской, чтоб и з детьми отпустил» (речь шла о жене князя И.Н.Одоевского, находившейся в оккупированном шведами Новгороде). На обороте перевода был записан пространный текст соответствующей вставки¹⁷. Переводы грамот от иностранцев также подклеивались в соответствующие столбцы.

При подготовке заграничной миссии важная роль отводилась составлению и оформлению грамоты к иностранному государю. При составлении грамоты использовались старые образцы. Так, при подготовке в Посольском приказе в 1610 г. грамоты от боярина Дмитрия Шуйского в Ногайскую Орду за образец был взят текст грамоты, отправленной в 1603 г. к князю Иштереку от астраханских воевод. Шертная запись (текст присяги для мусульман) также был составлен на основе документа трехлетней давности, о чем сохранилась соответствующая помета; «А написана ся запись против тое записи, по которой приведены к шерти Иштерек-князь и мурзы во 115 году у Балчика при боярине Федоре Ивановиче Шереметеве». Черновой вариант грамоты составлялся, по всей видимости, дьяком, а затем переписывался подьячим. В том же ногайском деле сохранилось два списка одной и той же грамоты, написанные разными почерками, причем перед

одним из вариантов была сделана помета: «А ся грамота списана с Васильева писма Григорьевича (Телепнева, судьи Посольского приказа. — \mathcal{J} . \mathcal{J} .) слово в слово для того, любо вскоре прочесть почище» 18. При составлении примерного варианта договорной записи (русско — шведские переговоры в Дедерино, 1616 г.) был использован текст Тявзинского договора 1595 г. (в сохранившемся черновике исправлены имена шведского короля Сигизмунда, царя Федора Ивановича, русских и шведских послов) 19. Иногда в столбце можно обнаружить пометы, содержащие самые общие указания по составлению грамоты: «Писати от государя, примерясь к цареве ж (ханской. — $\mathcal{I}.\mathcal{I}$.) грамоте» 20 . После составления грамота зачитывалась царю, о чем свидетельствует приписка перед текстом грамоты к датскому королю: «Честь государю»²¹. После представления текста грамоты царю и боярам иногда приходилось вносить некоторые изменения. В конце черновых вариантов грамот можно обнаружить распоряжения дья-ков: «Переписати»²². После внесения изменений текст переписывался начисто золотописцами и подьячими, запечатывался и заверялся подписью судьи Посольского приказа: при описании внешнего вида отправляемых за рубеж грамот в большинстве случаев отмечалось: «подпись назади дьячья» или «подпись дьячья на загибке»²³. Правленный черновой текст грамоты включался в столбец после тщательного сверения его с окончательным вариантом грамоты (об этом свидетельствуют пометы вроде «С подлинною грамотою правлена»)²⁴. В большинстве случаев грамоты писались на русском языке, но известны случаи, когда по распоряжению руководителей приказа подлинники переводились на иностранные языки: в столбцах на полях напротив русских текстов грамот, отправляемых за границу, сделаны пометы: «Писать в лист по-татарски»²⁵; «Такова грамота послана татарским пис-MOM»²⁶. .

После принятия царем и Боярской думой решения об отправлении посольства или гонца за границу служащие Посольского приказа приступали к оформлению посольского наказа — одного из важнейших документов дипломатической миссии. Составление наказа зачастую начиналось еще до определения кандидатуры посланника — об этом свидетельствуют многочисленные случаи, когда в столбцах оставля-

лись пропуски под имена дипломатов. Часто эти пробелы в черновиках наказов так и оставались незаполненными; иногда имена и фамилии послов и гонцов вписывались позднее чернилами другого цвета. Известны случаи, когда наказ составлялся для одного человека, но перед отправлением миссии его по какой-либо причине заменяли другим. Тогда в столбец вносились соответствующие исправления. Так, весной 1607 г. в качестве гонца в Крым планировали послать Даниила Протасьева, но вместо него был отправлен Степан Ушаков (сохранилась память, составленная для Протасьева, но его имя было вычеркнуто и вместо него был вписан Ушаков). В тексте наказа также первоначально было вписано имя «Данило», а затем исправлено на «Степан»; в некоторых местах имя Протасьева осталось невычеркнутым²⁷.

В составлении наказа посланникам, отправляемым за границу, принимали участие не только служащие Посольского приказа, но и члены Боярской думы. В столбце по связям России со Швецией можно обнаружить указание на то, что Дума имела прямое отношение к составлению наказов. Сохранился отрывок чернового варианта наказа российским посланникам, отправленным на съезд в Дедерино в 1615 г. Начинается отрывок дьячьей пометой: «Говорити з бояры о свейском деле, как в наказ писати». Далее аккуратным почерком были записаны предполагаемые ситуации и предложения шведских дипломатов, а рядом с ними другим почерком сделаны записи о боярском решении по данному вопро cy^{28} . Например, в тексте было записано: «А будет с свейскими послы на съезде будут толмачи, которые преж того бывали государевы – Анца Арпов и Анца Бракилев (толмачи, служившие в Посольском приказе в начале XVII в., а затем перешедшие на шведскую службу. – \mathcal{I} . \mathcal{I} .), или иные которые государевы толмачи, и при них государево дело делать ли и с ними говорити ль?» Рядом с этим вопросом было помещено боярское решение: «Бояре приговорили: отговариваться, а по самой неволе и с ними говорить»²⁹. Аналогичным образом составлялся наказ, отправленный к послам в Дедерино в январе $1616~\mathrm{f.}^{30}$ Как видно, основа наказа (в виде набора возможных ситуаций, осложнений и вопросов, которые могут возникнуть в ходе переговоров) составлялась в Посольском приказе; в Боярской думе определялась стратегия поведения дипломатов. В присутствии царя и Боярской думы решались и другие вопросы, связанные с подготовкой зарубежной миссии. Вопросы эти также формулировались руководством Посольского приказа. В том же шведском столбце приведен перечень предметов, которые следовало отправить с русскими послами на съезд (крест и икона для крестоцелования, шатер, бумага, чернила и т.д.). На следующем листе этот перечень был переписан с предварительной пометой: «Доложити государя... о свейских послех, чтоб с ними послать на съезд с Москвы». Напротив каждого предмета из перечня дьячьей рукой была приписана соответствующая резолюция: «Крест нарядной. От Пречистой из собору. Образ Пречистые Богородицы нарядной. От собору ж от Пречистые. Миса серебряна, на чем кресту быти. От Пречистые ж. Съезжей шатер, к шатру полы и к нему чемодан. На Дворец послать память». По окончании перечня помещена запись: «По сей помете память в Пречистую Соборную, и на Дворец, и на Казенной Двор посланы»³¹.

В процессе подготовки дипломатической миссии составлялся не один черновик наказа. Так, в «Описи 1626 года» упомянут «Наказ литовской самой черной, как посыланы на съезд с литовскими послы для мирного постановенья, а имян посольских не написано, черненье думного дьяка Петра Третьякова, 123-го году»³². Данная цитата доказывает факт существования двух или более черновых вариантов наказа русским послам под Смоленск; первый — «самой черной» наказ был составлен еще до определения состава российской дипломатической миссии. Кроме того, мы можем документально подтвердить факт активного участия судьи Посольского приказа — Петра Алексеевича Третьякова — в подготовке наказа.

При составлении наказа посланникам в Посольском приказе могли использовать тексты других наказов, написанных незадолго до этого. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в столбцах описки и исправления. Так, в наказе русским посланникам князю И.Борятинскому и дьяку Г.Богданову, отправившимся в 1613 г. в Данию, было записано: «И... говорити: великий государь наш, ...памятуючи прежних великих государей аглинских королей...» (слово «аглинских» в столбце было зачеркнуто, вместо него записали «датцких»)³³. Ана-

логичные исправления в том же деле встречаются и ниже: «А будет цесаревы думные люди учнут Степана ... спрашивати ...» («цесаревы» исправлено на «датцкого короля», имя посланника в Империю Степана Ушакова осталось неисправленным)³⁴; «И Степану и Семому говорити...» («Степану» исправлено на «князю Ивану», «Семому» (Семой Заборовский — дьяк в посольстве в Империю) — на «дьяку») 35 ; «А будет цесаревы люди учнут говорити...» (в данном случае текст не был исправлен) 36 ; «И Олексею Ивановичу и дьяку Олексею...» (здесь имена посланников в Англию исправлены на имена дипломатов, отправленных в Данию)37. Как видно, при составлении наказа посольству в Данию в качестве источника служащие Посольского приказа использовали наказы миссиям, направленным в Англию и Империю. Подобный прием представляется вполне оправданным, поскольку все три посольства (в Империю, Англию и Данию) были отправлены в 1613 г. практически одновременно, и перед русскими посланниками стояли одинаковые задачи — извещение о воцарении Михаила Федоровича и поиск союзников для борьбы с Польшей и Швецией. В данном случае руководство Посольского приказа сочло возможным при составлении наказа посольству в Данию использовать в качестве основы наказы миссиям в Империю и Англию. Подобные приемы делопроизводства, вероятно, использовались в Посольском приказе достаточно широко. Так, например, в наказе приставам, сопровождавшим в 1618 г. в Москву шведское посольство, было записано, что шведские дипломаты могут поинтересоваться отношениями русского царя со шведским королем. Подобный вопрос из уст шведских послов звучал бы нелепо, и в черновике наказа он был вымаран³⁸. Тем не менее, этот пример позволяет предположить, что наказ приставу при шведских дипломатах переписывался с наказа какому-либо другому приставу, сопровождавшему иную миссию.

Другим способом составления наказа посольству было использование материалов прошлых дипломатических миссий в ту же страну. Так, в черновом варианте наказа посольству 1614 г. в Крым Г.К.Волконского и П.Овдокимова можно обнаружить места, свидетельствующие об использовании при составлении этого документа более раннего наказа посольству в Крым, отправленному при Борисе Годунове. Приведем

несколько примеров. Первоначальный текст наказа выглядел следующим образом: «А однолично б промыслить, и государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии без вести не учинить»; «А будет калга учнет говорити, что Казы-Гирей царь по турского веленью пошол на Можары...»; «И бывал ли где бой турским и крымским людем сего лета с цесарскими или с валашскими и с мутьянскими людьми...» Кроме того, в тексте наказа указаны имена русских послов: князь Григорий Константинович и дьяк Афанасий (в другом месте – Андрей). После написания первоначального текста он был подвергнут правке: имя царя Бориса Федоровича было исправлено на Михаила Федоровича, имя хана Казы-Гирея заменено именем хана Джанибек-Гирея; исправлено и направление возможного похода крымских татар: вместо Можар (Венгрии) в наказе указали Литву, соответственно крымчаки и турки должны были сражаться не с цесарскими, волошскими и мутьянскими людьми, а с литовскими. Имя русского посланника князя Григория Константиновича Волконского было оставлено без изменений, а имя сопровождавшего его дьяка исправлено на «Петр»³⁹. Указанные отрывки позволяют сделать вывод о том, что при составлении наказа русскому посольству в Крым 1614 г. служащие Посольского приказа взяли за основу наказ русским послам 1601 г. Действительно, в 1601 г. российский престол занимал Борис Годунов, а крымский — Казы-Гирей; в это время шла турецко-имперская война 1593-1606 гг. за Венгрию; русское посольство в Крым возглавлял князь Г.К.Волконский, с ним должен был отправиться в дьяках Андрей Иванов. Следовательно, наказ посольству в Крым 1614 г. составлялся на основе документации тринадцатилетней давности, хранившейся в архиве Посольского приказа. В крымских делах можно обнаружить и другие примеры использования прежней документации при составлении наказов. Наказ приставу, отправленному в июне 1615 г. навстречу крымскому гонцу Исмаил-аге, в первоначальном варианте выглядел следующим образом: «Лета 7123-го декабря в ... день государь... велел Ивану Миничю Ростопчину ехати в Серпухов встречу крымских послов Ибреим-паши-мурзы с товарыщи с своим государевым со встречным жалованьем с платьем, а толмач с крымскими послы готов Яким Сумороков». Переписанный с

прежнего образца текст подвергся правке: была изменена дата, имя и ранг крымского дипломата, имена пристава и толмача; остальной текст остался без изменений 40. Источником при составлении наказа посланникам в Крым А.Лодыженскому и Р.Болдыреву, отправленным в 1617 г., был наказ посланникам Ф. Челюсткину и Л. Данилову, посланным в Крым за год до того. Свидетельством этого являются встречающиеся в наказе Лодыженскому имена Челюсткина и Данилова («и Федору и Петру говорити»), причем в одном месте эти имена не были исправлены на правильное «Обросиму и Рахманиму»⁴¹. Аналогичным образом, на основе наказа Челюсткину и Данилову, был написан наказ посланникам С.Хрущеву и С.Бредихину, посланным в Крым в 1618 г.42 Подобные приемы делопроизводства использовались не только в крымских делах. Наказ приставу И.Сытину, сопровождавшему в 1617 г. английского посла Дж. Меррика, был переписан с наказа приставу, провожавшему в марте 1605 г. английского посла Т.Смита. Из старого наказа была взята даже прежняя формула: «Едучи дорогою, ставитися с аглинским послом бережно в живущих селех и в деревнях, где б дворов было немало»⁴³. В разгар Смутного времени требование ехать, принимая все меры предосторожности, объяснялось опасностью возможного нападения воров или «литовских людей». Тем не менее, в наказе 1617 г. автоматически была переписана формулировка, составленная в конце правления Бориса Годунова.

Таким образом, на основании анализа текстов столбцов можно сделать вывод о том, что при подготовке дипломатической документации в Посольском приказе довольно широко использовали материалы прежних лет. Данный факт не означает, что в российском дипломатическом ведомстве не учитывали изменений, происходивших на международной и внутриполитической арене. При составлении новых наказов копировались лишь шаблоны. Основная же часть наказа учитывала изменившиеся реалии. Заново составлялась речь, которую должны были произнести при заграничном дворе русские дипломаты. В составлявшемся по прежнему шаблону наказе было оставлено место для посольских речей, вписанных позже, о чем свидетельствует помета на полях: «Вписать речь» 44. Текст наказа корректировался с изменением ситуа-

ции – на полях наказа стоит дьячья резолюция: «Переправить против новые грамоты» 45; в крымском столбце 1614 г. имеется помета: «Приписать про Зарутцкого» 46, после чего в наказе следует обширная вставка о том, что следует говорить, если в Бахчисарае зададут вопрос о Иване Заруцком и Марине Мнишек. Свидетельством того, что руководители Посольского приказа редактировали содержание и последовательность материалов в наказах, является также помета на полях напротив статьи о выкупе людей из крымского плена: «Написати статья после всех»⁴⁷. В английском столбце также можно найти помету, иллюстрирующую сложный процесс составления и редактирования в Посольском приказе текста чернового варианта наказа послам: «Вклеить в черное»48. По всей вероятности, данная часть наказа была составлена позже основной части и затем вклеена в черновик. Иногда тексты наказов подвергались и сокращениям. Например, из наказа российским посланникам, отправленным в 1618 г. в Персию, была удалена часть, посвященная спорному для России и Персии вопросу о Грузии. Вероятно, в условиях польско-литовского наступления на Москву в Посольском приказе предпочли не обострять отношений с персидским шахом, и конфликтная часть наказа была удалена (о чем свидетельствует запись в столбце: «Выклеена грузинская статья»⁴⁹).

После составления чернового варианта наказа он подвергался правке, переписывался начисто и вручался посланникам. В большинстве случаев в составе имеющихся в наличии в настоящий момент дел сохранились лишь черновые варианты наказов, включавшиеся в столбец и хранившиеся в Посольском приказе. «Чистый» наказ, отправлявшийся за рубеж с посланниками, является редкостью в посольских делах начала XVII века. Однако в нашем распоряжении имеются два варианта наказа («черный» и «чистый») посольству, отправленному в 1614 г. в Крым. Оба наказа сохранились в рамках одного дела. Наличие двух вариантов наказа одному посольству открывает перед нами возможность сопоставить их и сделать на базе этого некоторые выводы о характере делопроизводственной работы служащих Посольского приказа при подготовке заграничных миссий. Текстологическое сравнение чернового и окончательного вариантов выявляет

факт составления «чистого» наказа на основе «чернового» с vчетом произведенной в последнем правки. Так, в «черном» наказе злодеяния Ивана Заруцкого описаны следующим образом: «И тот вор, ещо не насытяся крови человеческие, побежал^а великого государя нашего исконивечную отчину в Асторохань. И астороханские всякие⁶ люди^в, ведая того^г ведомого вора Ивашка Зарутцкого в Московском государстве смуту, служа великому государю нашему, в Астарахань его пустили, а впустя ево в Астарахань, писали о том и прислали бити челом астараханские всякие люди^д к великому государю, к его царскому величеству, чтоб великий государь наш их пожаловал, прислал к ним в Астарахань бояр своих и воевод с ратными людьми, а они вора и злодея Московскому государству Ивашка Зарутцкого и с Маринкою свяжют и отдадут великого государя нашего бояром и воеводам»⁵⁰. Характер исправлений позволяет сделать вывод о том, что черновой вариант наказа составлялся сразу, непосредственно на листе, без предварительных заготовок. В «чистом» наказе вся указанная правка учтена; единственные разночтения, связанные, вероятно, с невнимательностью переписчика, сводятся к неправильному написанию слова «Астарахань» (в окончательном варианте «Астарань») и замене слов «а они» на слова «а в ней»⁵¹. После составления черновика и его правки дьяк отдавал распоряжение о копировании его: в конце чернового варианта наказа, отправленного в Крым к посланнику Ф. Челюсткину, имеется директива: «Переписать весь»⁵². Косвенным подтверждением того, что черновой вариант наказа оставался в Посольском приказе, а «чистый» вручался посланникам, являются указания описей архива Посольского приказа. Так, в «Описи 1614 года» из документов миссии в Персию 1613-1615 гг. упомянут только «список наказ чорной» русским посланникам⁵³; «чистый» наказ на момент составления описи еще не был возвращен в Посольский приказ. Текст наказа прочитывался судьей Посольского приказа и заверялся его подписью. В конце наказа российским посланникам, отправленным в Данию в 1601 г., можно

^а Зачеркнуто: «в Астарахани в».

⁶ Написано над строкой.

^в Зачеркнуто: «служа вел». ^г Зачеркнуто: «Ив Ив».

д Три предыдущих слова написаны над строкой.

обнаружить автограф А.И.Власьева⁵⁴; подписи П.А.Третьякова имеются в конце наказов русским дипломатам, посланным в Крым в 1613 г.⁵⁵, в Империю в 1613 и 1616 гг.⁵⁶ В случае, если наказ вручался посланнику без приписи главы Посольского приказа, это особо оговаривалось в документации: «Таков тайной наказ дан Юрыо без дьячьей приписи»⁵⁷. Черновой вариант наказа подклеивался в столбец.

Интересной иллюстрацией способов ведения делопроизводства в Посольском приказе являются описания приемов царем иностранных дипломатов, составлявшиеся заранее, еще до аудиенции. Первый случай такой предварительной записи церемониала аудиенции удается зафиксировать в польском столбце 1608 г. 28 января 1608 г. польским посланникам Н.Олесницкому и А.Гонсевскому была дана аудиенция. В столбце первоначально было записано: «А государю, царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии в то время быти в Подписной в Золотой полате, сидети в своем царском месте в царском платье и в диадиме... А рындам стояти по обе стороны государя в белом платье и в золотых чепях... А при государе сидети в полате бояром, и околничим, и и дворяном большим, и дьяком в золотном платье. А стрельцом стояти с пищальми... А стречи будет послом две... И послы правят государю от короля поклон... И государь пожалует послов, позовет к руце, да пожалует и вопросит послов о здоровье, а молыт... И послы на государеве жалованье бьют челом, а говорили: (здесь было оставлено пустое место, и речь послов была вписана позже другими чернилами и другим почерком. $-\mathcal{A}.\mathcal{J}.$) ... А после того послы подадут государю верющую грамоту, и государь велит грамоту приняти посольскому дьяку Василью Телепневу. И по государеву указу диак Василей у послов грамоту примет и поднесет ко государю. И государь, посмотря грамоты, велит посольскому диаку молыти послом, чтоб правили посольство... И по государеву указу посолской дьяк молыт...» 58 В дальнейшем текст подвергся правке: существительные дательного падежа были поставлены в именительный падеж, а неопределенная повелительная форма глаголов заменена глаголами прошедшего времени. В результате текст принял следующий вид: «А государь, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии в то время был в Подписной в Золотой полате,

сидел в своем царском месте ... А рынды стояли ...» и т.д.⁵⁹ Из текста была вычеркнута часть, где говорилось о том, что царь должен спросить о здоровье королевского дворянина 60 (следовательно, ход аудиенции отклонился от традиционного протокола, и в заготовленный заранее текст пришлось вносить исправления). Нужно отметить, что при правке текста изменения были внесены не везде: так, по невнимательности «корректора» в тексте сохранилась запись: «А стрельцы стояти с пищальми»⁶¹. Предварительные описания церемониала аудиенций составлялись с учетом прецедентов, имевших место раньше. Об этом свидетельствуют пометки, сделанные на полях. Так, напротив записи о том, что Василий Шуйский спрашивал послов о здоровье, на полях была сделана пометка: «А Радиминского (польский посол, приезжавший в Москву в 1591 г. – $\mathcal{I}.\mathcal{I}$.) государь о здоровье не спрашивал»; напротив записи о передаче польской грамоты посольскому дьяку было помечено; «А при Лве (польский посол Лев Сапега, находившийся в Москве в 1600-1601 гг. – $\mathcal{I}.\mathcal{I}$.) царь Борис чел грамоту»⁶². Отдельные элементы подобной практики встречались в дипломатической документации и ранее (например, в описании аудиенции английскому послу Т.Смиту 11 октября 1604 г. вычеркнуты слова о том, что царь был в диадеме и со скипетром, а имена рынд, стоявших у трона, были вписаны позднее другими чернилами)63. Однако предварительное описание приема послов 28 января 1608 г. является первым из обнаруженных в столбцах Посольского приказа начала XVII в., имеющим законченный вид. Следовательно, становление практики составления описаний приемов иностранцев заранее относится именно к эпохе Смутного времени.

Позднее, в первые годы правления Михаила Романова, подобные приемы делопроизводства использовались довольно часто. За 1614-1619 гг. в столбцах удалось обнаружить семнадцать случаев предварительного описания церемоний аудиенций иностранным дипломатам. Заранее были протоколированы приемы черкесского посланника Кардона⁶⁴ и Сунчалея-мурзы⁶⁵ 18 сентября 1614 г.; касимовского царя 30 октября 1614 г.⁶⁶; датского посла Ивервинта и выезжего датского дворянина М.Мартынова 2 февраля 1615 г.⁶⁷; английского посла Дж.Меррика 19 марта⁶⁸ и 1 мая 1615 г.⁶⁹; крымского гонца Исмаил-аги

25 июня 1615 г.⁷⁰; голландского гонца Г.Фандерхейна 3 декабря 1615 г.71; кабардинских князей Куденека и Сунчалея 6 января 1616 г.⁷²; крымского посла Магмет-аги 10 ноября 1616 г.⁷³; голландского посланника И.Массы 28 июля 1617 г. 74; персидских посланников Кая-салтана и Булат-бека 4 января 1618 г.⁷⁵; крымского посла Шебан-аги 1 мая 1618 г.⁷⁶; шведского посла Г.Стейнбока 19 мая 1618 г.⁷⁷; крымского гонца Ибрагим-мурзы 28 июля 1618 г. ⁷⁸; крымских гонцов Ибрагим-мурзы и Резепа 30 июля 1619 г. ⁷⁹; крымского гонца Аллаш-богатыря 24 ноября 1619 г.80 Подобная практика имела место и позднее; так, в Посольском приказе заранее была расписана церемония приема бухарского посла Эдема (1620 г.) и грузинского посланника игумена Харитона (1621 г.)⁸¹. Как видно, предварительное составление описаний аудиенций имело место достаточно часто, причем подобные способы делопроизводства применялись при описании приемов дипломатов всех рангов (от гонцов до послов) и практически всех держав. Следовательно, предварительное протоколирование царских приемов в рассматриваемый нами период превратилось в систему, став одним из новшеств, появившихся в делопроизводстве Посольского приказа в годы Смуты. Само стремление служащих российского внешнеполитического ведомства составлять описания аудиенций заранее свидетельствует о том, что к началу XVII в., вследствие твердого закрепления норм дипломатического церемониала, делопроизводство Посольского приказа все в большей степени приближалась к созданию общего формуляра документации. Следует указать, что факты, свидетельствующие о случаях предварительных описаний аудиенций, обнаруживаются практически лишь в столбцах (в книге подобное найдено лишь однажды).

В большинстве случаев предварительное описание церемониала производилось по той же схеме, что была рассмотрена нами на материале польского столбца 1608 г. Иногда мы встречаем лишь некоторые элементы, позволяющие утверждать, что церемониал аудиенции записывался предварительно: например, церемония приема голландского посланника И.Массы описана традиционно, о предварительной подготовке записей свидетельствует лишь фраза: «Говорити галанскому посланнику при государе речь» 82. По-своему уникальны описания аудиенций черкесскому послу и мурзе

в 1614 г. В столбцах сохранилось два варианта описания их приемов: черновые и чистовые. В черновых вариантах без позднейших исправлений написано о том, как должна выглядеть аудиенция («государь пожалует, вспросит...» и т.д.). В чистовых вариантах церемониал описан уже в прошедшем времени («государь пожаловал, спросил...»)83. В некоторых случаях описание аудиенций не соответствует рассмотренной нами схеме. Так, в описании приема касимовского царя первоначальный текст выглядел следующим образом: «А как датцкой посланник поедет от государя на подворье, и выезжие немцы государю челом ударят, и государь велит касимовского царя отпустить и велит ему сказать посольскому дьяку в стола место корм. А корму царю послать...» После правки текст принял следующий вид: «А как датцкой посланник поедет от государя на подворье, и выезжие немцы государю челом ударят, и государю было велети касимовского царя отпустить и велеть ему сказать посольскому дьяку в стола место корм. А корму царю было послать...» Объяснение столь необычной правки было приведено там же: «И касимовской царь у государя того дни не был, потому что болен. А как вперед при послех или при посланникех укажет государь быти у себя, государя, царю или царевичем, и им у государя быти и встречю им чинити по сему ж государеву указу»⁸⁴. Предварительное описание служащими Посольского приказа аудиенций иностранным дипломатам интересно не только тем, что оно свидетельствует о приближении дипломатической документации к единому формуляру и демонстрирует некоторые способы делопроизводства. В отдельных случаях сопоставление первоначального текста с позднейшими правками позволяет уточнить и конкретизировать некоторые моменты истории Посольского приказа. Так, в предварительном описании приема крымского посла Шебанаги фигурирует имя судьи приказа П.Третьякова. После аудиенции, состоявшейся 1 мая 1618 г., вместо него в текст был вписан его заместитель — дьяк С.Романчуков 85 . Это по-зволяет сделать вывод о том, что Третьяков отошел от руководства приказом незадолго до 1 мая 1618 г. При внесении правки в описание приема шведских послов 19 мая 1618 г. к имени дьяка Ивана Грамотина было приписано слово «думной»⁸⁶, что позволяет предположить, что около 19 мая 1618 г.

Грамотин был пожалован думным дьячеством. Следовательно, описания аудиенций иностранным дипломатам, содержащиеся в столбцах, несмотря на их унификацию, предоставляют исследователю богатую информацию об истории посольского обычая, приемах делопроизводства служащих Посольского приказа, а в ряде случаев и о биографиях руководителей приказа.

Протоколировались и речи, произносившиеся посольскими дьяками во время аудиенций. Речи также писались заранее, причем и в тех случаях, когда описание аудиенции составлялось прямо в ее ходе. Об этом свидетельствует то, что в большинстве случаев дьячьи речи в столбцах написаны иным, более аккуратным почерком, чем остальное описание аудиенции; при этом запись речи дьяка обычно начиналась на новом листе: по-видимому, заранее написанная речь подклеивалась позже к столбцу. Речи, произносимые дьяком на аудиенциях позднее, переписывались и вручались иностранным дипломатам: сохранилась дьячья помета в конце текста речей: «Списать таковы слово в слово», а также отметка об исполнении распоряжения⁸⁷.

Итак, поступавшие в Посольский приказ документы, касающиеся дипломатических вопросов (отписки, памяти, статейные списки), а также черновые варианты исходящих из этого ведомства материалов (грамоты, памяти, росписи, наказы) подклеивались в столбцы. На основе столбцов позднее составлялись книги, в которые входили наиболее важные материалы столбцов. При этом столбцы, хотя и включают в себя гораздо большее количество мелких документов, чем книги, тем не менее не являются источником, в который автоматически и без строго установленной последовательности заносилась вся документация, касающаяся того или иного дипломатического вопроса. Однотипные черновые варианты грамот в разные города по одному и тому же вопросу не всегда подклеивались в столбец. В таких случаях в столбец включали текст одной из грамот, а затем делали приписку, что в прочие города посланы аналогичные грамоты. Так, в английском столбце 1615 г. приведен текст государевой грамоты в Тверь, после чего помещена помета: «Такова ж послана в Торжок, в Осташков» 88. Это позволяет характеризовать столбцы как источник, на уровне формирования которого уже производился отбор документов, которые следовало сохранить. Руководство Посольского приказа следило и за последовательностью включения документов в столбцы. Так, в шведском столбце 1618 г. содержится черновой вариант памяти приставам: «Корм свейским послом... давать... по росписи, какова послана под сею памятью». После памяти в столбце была сделана приписка: «Написать внизу, где указано, а не забыть»; за этой пометой действительно следует кормовая роспись⁸⁹. В столбцах Посольского приказа можно обнаружить также элементы обобщения однотипных документов, включенных в столбец. В английском столбце имеется следующая запись, подтверждающая эту мысль: «А се наказы и розписи к Москве, и имянные списки людем, и памяти по приказом о всяких делех о посольском отпуске» 90; после записи в столбце следуют соответствующие документы.

Пометки на листах столбцов позволяют сделать вывод о том, что в своей работе служащие Посольского приказа стремились опереться на прецеденты, имевшие место ранее. При этом враждебное отношение нового монарха к своему предшественнику, хотя и сказывалось на формулировках выписок «в пример», но все же не являлось фактором, ограничивающим использование примеров из предыдущих царствований. Так, в выписке о приездах в Москву черкесских мурз, сделанной при Лжедмитрии, Борис Годунов упоминается без царского титула: «А в прошлом 111-м году, как был на Москве черкаской Сунчалей-мурза при Борисе...» 91 В том же деле, после смерти Лжедмитрия, была сделана выписка о приезде при самозванце того же мурзы: «Да в 114-м году приезжал при розстриге Сунчалей ж мурза...» ⁹² Иногда текст сделанной пометы позднее исправлялся. В этом отношении интересна помета на обороте челобитной гонцов, отправленных в марте 1606 г. от Лжедмитрия в Крым. Первоначально текст пометы был традиционным: «Государь слушал. столп». Однако после убийства Лжедмитрия документация Посольского приказа была подвергнута «редакторской правке», и слово «государь» было зачеркнуто; вместо него над строкой приписали «рострига» Примеры из времени царствования Лжедмитрия встречаются в документации Посольского приказа вплоть до 1618 г. Отправленный в конце 1613 г. в Ногайскую Орду посланник бил челом об увеличе-

нии подмоги, ссылаясь при этом на то, что «при розстриге послан был посланник, и тому было дано на подмогу сто рублев»⁹⁴. По челобитной кречатников, отправленных из Крыма в октябре 1614 г., была сделана выписка, в которой упоминалось: «Как посыланы вожи с Офонасьем Мелентьевым..., а из Крыму приехали они после розстригина извода...» 95 Сила прецедента была настолько велика, что, при отсутствии соответствующего примера, служащие Посольского приказа приходили в растерянность. Например, в 1616/17 г., по поводу челобитной казаков, доставивших от русских послов из-под Новгорода грамоты в Псков через занятые шведами территории, в приказе была сделана запись: «А например в Посолском приказе выписать им некого: таких проходцов, которые б от послов во Псков и изо Пскова к послом прохаживали, наперед сего к Москве не присылывано»⁹⁶. О том, что служащие Посольского приказа постоянно обращались за справками к прежней документации, свидетельствуют многочисленные записи вроде: «И выписано в пример», «И выписано ис поместново столпа», «И сыскано в записной тетрати нынешнего 124 году», «И выписано из отпуску Солового Протасьева»⁹⁷.

Следует отметить, что делопроизводственная работа в Посольском приказе велась достаточно оперативно. Свидетельством этому являются пометы, сохранившиеся в столбцах. Так, в «турецком» столбце 1613 г. сохранилась следующая запись после текста отписки, пришедшей в приказ: «Список с отписки, что прислана ис Переславля Резанского с резанцом с Васильем Климовым 121-го августа в 16 день, а подлинная отписка отдана в Володимерскую четверть с толмачом с Степаном Микифоровым того ж дни» 98. Помета свидетельствует о том, что в течение одного дня отписка была прочитана в Посольском приказе, переписана и отправлена во Владимирскую четверть, где ведался Переяславль Рязанский. Об оперативности работы персонала Посольского приказа свидетельствуют записи напротив черновиков грамот и памятей, исходивших из Посольского приказа: «Переписать тотчас», а также отметки о выполнении этого распоряжения: «Переписана и послана» 99. Спешность выполнения работы не должна была оправдывать ее небрежности: после черновых вариантов исходящих документов в некоторых делах сохранились дьячьи резолюции: «Переписать добра», «Велеть писать добра» 100 .

Достаточно быстро реагировали в Посольском приказе и на изменения внутренней и внешнеполитической ситуации. В спешном порядке были переработаны документы посольства, отправленного от Лжедмитрия в Персию: в сохранившихся отрывках наказа посольству заметны следы правки документации миссии, произведенной после гибели самозванца и восшествия на престол Василия Шуйского 101. Всего через месяц с небольшим после свержения Лжедмитрия, 25 июня 1606 г., под Астраханью была получена грамота, в которой содержалось распоряжение задержать отправленного «расстригой» в Ногайскую Орду посланника и заменить грамоты от Лжедмитрия грамотами Василия Шуйского¹⁰². Интересно также распоряжение, отданное думным дьяком Петром Третьяковым, находившимся с царем Михаилом на богомолье, его заместителю Савве Романчукову (грамота от 29 сентября 1614 г.). В грамоте сообщалось, что у отправленного в Империю гонца Ивана Фомина «воры» отняли все проезжие грамоты. В связи с этим судья Посольского приказа распорядился: «И по государеву... указу диаку Саве Раманчюкову тое проезжую грамоту в государства, и на Колу, и на Колмогоры об их отпуске, каковы посланы с Иваном наперед сего, велети написати против прежнего отпуску слово в слово тотчас, не выходя из ызбы..., а отпустити их до государева приходу» 103.

Можно привести и другие примеры оперативности делопроизводственной работы служащих Посольского приказа. 11 и 13 января 1616 г. от посланников, находившихся на русско-шведских переговорах в Дедерино, в Москву пришел запрос о крайних границах территориальных уступок шведам, в Посольском приказе немедленно был заготовлен текст, содержавший набор предполагаемых притязаний шведской дипломатии; возможные на переговорах ситуации были обсуждены в Боярской думе, после чего были составлены два варианта черновика наказа (в настоящее время их сохранившиеся фрагменты составляют 30 листов текста). Черновик, в свою очередь, был переписан начисто и отправлен к послам в Дедерино уже 15 января 1616 г. 104 Достаточно быстро составлялись посольские позднее. наказы И

13 июля 1618 г. на Дон был отправлен встречать турецкого посланника дворянин Ю.Богданов. Кроме прочего, Богданову было наказано говорить с донскими казаками. Однако, вскоре после отъезда Ю.Богданова, в Посольском приказе было получено известие о пленении российского посольства С.Хрущева в Крым запорожскими казаками. Дипломатическое ведомство быстро отреагировало на эту новость: уже 21 июля 1618 г. вслед Богданову был отправлен толмач Посольского приказа Д.Аминев с царской грамотой и новым наказом: «А наказ государев к Юрью послан с Данилком же против прежнего ж, каков ему дан был на Москве июля в 13 день, только в том в новом наказе приправлено про крымских послов про Степана Хрущева, что их поимали черкасы, и Ливны и Елец взяли, да ведено на Дону просить ратных людей 5000 человек или и болшии, или сколько мочно войска послать» 105. Как видно из этой записи, сразу после получения в приказе информации о походе запорожцев в русские земли, был составлен второй вариант наказа посланнику. Во время русскопольских переговоров на р. Пресне под Москвой, с 22 по 27 октября 1618 г. русские послы успели получить из Посольского приказа один за другим четыре наказа 106. В ряде случаев дипломатическая документация составлялись заранее. Так, в начале 1618 г. предполагалось начать новый раунд русско-польских мирных переговоров (так и не состоявшихся). Тем не менее, необходимые для переговоров документы были составлены; на полях соответствующего столбца сохранилась помета: «Ещо не писано. Ждать» 107.

Интересны также исправления, нередко встречающиеся в столбцах Посольского приказа. Правка документации, осуществленная при Лжедмитрии, показывает стремление нового царя ввести в дипломатическую терминологию нетрадиционные для Московского государства термины. Так, в столбце об отпуске в Польшу в 1605 г. гонца П.Чубарова обычные для российского делопроизводства слова «царь» и «царский» (в отношении русского государя) несколько раз исправлены на «цесарь» и «цесарский» Еще более интересна правка в столбце, содержащем наказ посольству князя И.П.Ромодановского в Персию. В указанном деле имеют место два «пласта» исправлений. Первая правка имеет тот же характер, что и в предыдущем случае: слова «царь» и «царь»

ский» исправляются соответственно на «цесарь» и «цесарский». Эта правка производилась, безусловно, при Лжедмитрии, претендовавшем на титул цесаря. Однако в тексте присутствует и второй «пласт» исправлений: слова «цесарь» и «цесарский» вновь исправлены на исходное «царь» и «царский». Изначальное «Дмитрий Иванович» в наказе повсеместно исправлено на «Василий Иванович». Кроме того, первоначальное «Борис Годунов» и «Борис» в тексте исправлены на «царь Борис» 109. Вторая правка производилась, следовательно, после убийства самозванца, при Василии Шуйском. В данном случае исправления в столбце интересны для нас не только тем, что демонстрируют процесс изменений дипломатической терминологии, но и тем, что указанная правка позволяет значительно уточнить время отправления миссии Ромодановского в Персию. В описи 77-го фонда РГАДА и во всех исследованиях по русско-персидским отношениям посольство ошибочно относят к 1607 г., исправления же в наказе свидетельствуют о том, что миссия Ромодановского была полготовлена и отправлена в конце царствования Лжедмитрия, в мае 1606 г.

Иногда характер исправлений, встречающихся в столбцах, выдает стремление служащих Посольского приказа скрыть от иностранных дипломатов реальные масштабы охватившей страну Смуты. В крымском столбце 1607 г. было записано, что крымского гонца отпустят, «как от воров польская дорога [очистится]». Однако указанная фраза демонстрировала, насколько серьезные проблемы создавали московскому правительству люди самозванного царевича Петра, поэтому цитированные слова были вычеркнуты, а вместо них было написано более нейтрально: «как наш гонец от брата нашего (крымского хана. — $\mathcal{L}.\mathcal{I}$.) к нам придет» 110 . Аналогичный пример можно найти и позже. При изложении «неправд» шведского короля к Московскому государству английскому дипломату в 1615 г., в частности, предполагалось сказать, что Василий Шуйский попросил помощи у Карла IX, «не чая своими рускими людьми против польских и литовских людей устояти». Однако эта фраза, показывающая слабость Московского государства в условиях Смутного времени, была вычеркнута, просьба Василия Шуйского о помощи в окончательном варианте ничем не мотивировалась 111.

Подведем итоги рассмотрению столбцов Посольского приказа начала XVII столетия. В описанный период делопроизводственная деятельность служащих дипломатического ведомства была, безусловно, очень активной. Большую часть материалов делопроизводства Посольского приказа ляли столбцы. Составление столбцов представляло собой первый уровень обобщения и отбора материалов, связанных с той или иной дипломатической миссией. Столбцы формировались из разнородной документации; отдельные документы, включавшиеся в столбцы, составлялись по четко установленному стандарту, отклонения от которого встречаются довольно редко. Анализ столбцов Посольского приказа начала XVII в. позволяет сделать вывод о том, что в них включались далеко не все поступавшие или исходившие из этого ведомства документы; не случайным был и порядок последовательности материалов, подклеивавшихся в столбцы. Составление столбцов подразумевало отбор и отсеивание определенного объема документации (прежде всего, дублирующих друг друга документов). Служащие Посольского приказа работали весьма оперативно, опираясь на принцип прецедента, предусматривающий постоянное обращение к прежнему делопроизводству (как при решении мелких вопросов, так и при составлении посольского наказа для миссии, отправляемой за рубеж). Рассмотрение столбцов позволяет представить некоторые приемы составления государевых грамот и посольских наказов. Особый интерес вызывает укоренившаяся в рассматриваемый период в Посольском приказе практика предварительного составления протоколов аудиенций иностранным дипломатам. Широкое распространение практики предварительного протоколирования аудиенций свидетельствует о стремлении служащих Посольского приказа свести дипломатическую документацию к единому формуляру. Богатый материал для размышления предоставляют исправления и пометы, часто встречающиеся в столбцах.

В целом же следует отметить, что в Смутное время Посольский приказ продолжал функционировать на высоком профессиональном уровне. Смута оказала заметное воздействие на содержание книг и столбцов, составленных в дипломатическом ведомстве (в них широко отражены события кризиса начала XVII столетия), но не привнесла скольконибудь заметных новшеств в оформление посольской документации; в рассматриваемый период в Посольском приказе использовались прежние, проверенные и устоявшиеся формы делопроизводства.

² РГАДА. Ф. 77: «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 146 об., 149 об., 222 об.

³ Там же. Ф. 93: «Сношения России с Данией». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 141 об.

Там же. Ф. 79: «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 59 об.

⁵ Там же. Ф. 123: «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 38 об.

⁶ Там же. Ф. 96: «Сношения России со Швецией». Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 328.

Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 814 об.

⁸ Там же. Ф. 89: «Сношения России с Турцией». Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 79. ⁹ Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 9-10.

- 10 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 234-237.
- 11 Там же. Ф. 141: «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 2. (1601 г.). Л. 44, 44 об.
- 12 Там же. Ф. 127: «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 1, 5.

13 Там же. Д. 5. (1613 г.). Л. 185.

¹⁴ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 270, 274. ¹⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 12.

- ¹⁶ Там же. Ф. 138: «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 1. Д. 2. (1626 г.). Л. 46, 57.
- ¹⁷ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 459, 459 об.
- 18 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 4-8, 30.
- 19 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 192-198.
- 20 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 94.

21 Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 94.

- 22 Там же. Ф. 110: «Сношения России с Грузией». Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 59, 64.
- ²³ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 19. См. также: Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 17, 54.

Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятник литературы // Путешествия русских послов в XVI-XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319-346; Алпатов М.А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 89-129; Обзор посольских книг из фондовколлекций, хранящихся в ЦГАДА. М., 1990; Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.

- 24 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 136, 147.
- ²⁵ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 7. (1618 г.). Л. 31, 39, 47.
- ²⁶ Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 29.
- 27 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 7.15, 37.
- 28 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 216-229.
- ²⁹ Там же. Л. 221.
- 30 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 23-30.
- 31 Там же. Д. 8. (1615 г.). Л. 16 -19.
- ³² Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Л. 499.
- 33 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д 1. (1613 г.). Л. 22.
- ³⁴ Там же. Л. 60.
- 35 Там же. Л. 61.
- 36 Там же. Л. 73.
- 37 Там же. Л. 110.
- ³⁸ Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 126.
- ³⁹ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 137, 142, 143.
- ⁴⁰ Там же. Д. 4. (1615 г.). Л. 7.
- 41 Там же. Д. 3. (1617 г.). Л. 91, 92, 96.
- 42 Там же. Д. 2. (1619 г.). Л. 93, 99.
- ⁴³ Там же. Ф. 35: «Сношения России с Англией». Оп. 1. Д. 43. Л. 259-259; Д. 4. Л. 513 об.-522.
- 44 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1919 г.). Л. 130.
- 45 Там же. Л. 149.
- 46 Там же. Д. 2. (1614 г.). Л. 194.
- ⁴⁷ Там же. Л. 217.
- 48 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 49. Л. 44.
- 49 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 20.
- 50 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 205.
- 51 Там же. Д. 147-149.
- ⁵² Там же. Д. 7. (1616 г.). Л. 51.
- 53 Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. Л. 332a об.
- 54 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1601 г.). Л. 134.
- 55 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 66.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 32: «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 1 (1613 г.). Л. 137; Д. 3 (1616 г.). Л. 31.
- 57 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1 (1617 г.). Л. 84.
- 58 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1 (1608 г.). Л. 11-29.
- ⁵⁹ Там же.
- 60 Там же. Л. 25а.
- 61 Там же. Л. 20.
- 62 Там же. Л. 23-24.
- 63 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 125-126.
- ⁶⁴ Там же. Ф. 115. «Кабардинские, черкесские и другие дела». Оп. 1. Д. 4 (1614 г.). Л. 16-21.
- 65 Там же. Д. б. (1614 г.). Л. 18-20.
- 66 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1 (1614 г.). Л. 162-166.
- 67 Там же. Л. 271-281, 292-294.
- 68 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 606-610.
- 69 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 391, 393, 394.

- 70 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 65-71.
- 71 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 376-380.
- ⁷² Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 67.
- 73 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 146.
- 74 Там же. Ф. 80: «Сношения России с Голландией». Д. 2 (1616 г.). Л. 313-314.
- 75 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1 (1617 г.). Л. 1-6.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1617 г.). Л. 63-68.
- 77 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2 (1618 г.). Л. 448а-450д.
- 78 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3 (1618 г.). Л. 57, 61-63, 66.
- ⁷⁹ Там же. Д. 3. (1619 г.). Л. 24, 29-35.
- 80 Там же. Д. 8. (1619 г.). Л. 39, 40, 53-61.
- 81 Там же. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1 (1819 г.). Л. 6-9, 49-51.
- 82 Там же. Ф. 50. Д. 2 (1618 г.). Л. 313-314.
- ⁸³ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 4 (1614 г.). Л. 9-14, 16-21; Д. 6. (1614 г.). Л. 15-20, 21-24.
- 84 Там же. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1 (1614 г.). Л. 182-188.
- 85 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8 (1617 г.). Л. 86.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 98. Оп. 1. Д. 2 (1618 г.). Л. 450в, 450д.
- 87 Там же. Д. 3. (1618 г.). Л. 141.
- 88 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 659-659 об.
- 89 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2 (1618 г.). Л. 83.
- 90 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 858.
- 91 Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1 (1605 г.). Л. 22.
- ⁹² Там же. Л. 23.
- ⁹³ Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2 (1606 г.). Л. 11 об.
- 94 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5 (1613 г.). Л. 5.
- 95 Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1 (1613-17 г.). Л. 44.
- ⁹⁶ Там же. Л. 80.
- 97 Там же. Л. 184, 188, 170.
- 98 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1 (1613 г.). Л. 127.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1 (1617 г.). Л. 232-233. См. также: Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2 (1618 г.). Л. 1.
- ¹⁰⁰ Там же. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. (1814 г.). Л. 51. См. также: Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 35.
- 101 Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1 (1607 г.). Л. 1-28.
- 102 Там же. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1 (1608 г.). Л. 1-2.
- 103 Там же. Ф. 141: «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.
- 104 Там же. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1 (1616 г.). Л. 23-65, 153-158 об.
- 105 Там же. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1 (1617 г.). Л. 231.
- 106 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 32. Л. 53 об., 62 об., 82.
- 107 Там же. Д. 2. (1818 г.). Л. 154.
- 108 Там же. Д. 1. (1608 г.). Л. 16.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 7, 8a, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 18a, 19, 20.
- 110 Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1 (1607 г.). Л. 7.
- 111 Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 560.

ЗАПИСНЫЕ РАЗРЯДНЫЕ КНИГИ XVII ВЕКА О ЖИЗНИ ГОСУДАРЕВА ДВОРА: ЦАРСКИЕ И ПАТРИАРШИЕ «СТОЛЫ»

В последнее время после значительного перерыва усилился интерес к бытовой стороне российской истории, в том числе и к жизни царского двора. Казалось бы, все возможные источники по этой теме давно открыты и опубликованы. Но, обратившись к делопроизводственным документам XVII в., мы обнаруживаем новый, практически неисследованный источник, проливающий свет на столь интересный вопрос.

Речь идет о записных книгах «всяких дел» Московского стола Разрядного приказа. В эти книги, составлявшиеся ежегодно, регулярно записывались все дела по приказу. А поскольку одной из основных функций Разряда было «уряжать», «наряжать» служилых людей при различных придворных церемониях, то и записи о «столах» — официальных обедах у государя и патриарха — занимали значительное место в записных книгах Разряда. Обязанностью Разряда было приглашать чиновных людей на эту церемонию и смотреть за соблюдением всех правил этикета.

По записным разрядным книгам видно, как этот очень распространенный в первой половине века обычай постепенно отмирал. Наибольшее число столов отмечено в записной разрядной книге (далее — 3РК; см. список источников в конце статьи) 1-25 столов. В остальные годы царствования Михаила Федоровича у него — по 3РК 2, 3, 4, 5 соответственно — бывало 13, 11, 9 и 8 столов за год. При Алексее Михайловиче такие приемы стали проводиться реже, самое большее — 11 за год. При детях этого царя они практически исчезли — 1-2 раза в год, да и то не в каждый; в 3РК 20, 22, 23, 24, 26, 27 таких записей нет совсем.

Столы бывали как в Москве, так и во время царских походов — в монастырях, подмосковных селах, на походных станах: «Августа в 1 день на праздник Происхождение чеснаго и животворящего креста Господня в Симонове монастыре был у государя стол»¹; «Сентября в 17 день в селе Ко-

ломенском на новоселье были у государя у стола бояре[...]» 2 ; «В государеве в Вязниковском походе был у государя стол в Володимере» 3 .

Если стол был в Москве, то в записной книге иногда указывалось, в каком помещении он был устроен. Но это касалось лишь некоторых записей об особо торжественных случаях — больших церковных праздниках, рождении, крещении и именинах членов царской семьи: «135 апреля в 25 день был у царя стол в Золотой в болшой в Гроновитой полате на ево государскую радость, на роженье царевны и великие княжны Ирины Михайловны»⁴; «Мая в 6 день был у государя стол в Золотой в меншой полате на крещение государыни царевны и великие княжны Ирины Михайловны»⁵; «Декабря в 25 день на празник Рожества Христова был у государя стол в Столовой избе»⁶.

Чиновные столы у царей в первой половине века были не только чаще, но и многолюднее, чем во второй. В записях поименно перечисляются бояре, окольничие, думные дьяки, дворяне, дьяки — эти чины почти всегда были «v стола»: «135 марта в 1 день на празнество государыни царицы и великие княгини Евдокеи Лукьяновны ангела преподобной Евдокеи были у государя у стола бояре Михайло Борисович Шеин, князь Данило Иванович Мезетцкой. Околничей Ортемей Васильевич Измайлов. Дьяки думные Федор Лихачев, Ефим Телепнев. Ясолничей Богдан Матвеев сын Глебов. Дворяня князь Иван княж Михайлов сын Катырев Ростовской, князь Олексей Трубетцкой, князь Ондрей княж Данилов сын Ситцкой, Лукьян Степанов сын Стрешнев, Иван Петров сын Шереметев (и т.д., 24 человека. - O.H.). Дьяки Михаило Данилов, Максим Матюшкин»⁷; «Того ж дни был у государя стол на новоселье в ево государевых хоромех. А у стола были бояре князь Иван Борисович Черкаской, Федор Иванович Шереметев, князь Дмитрей Михайлович Пожарской. Околничей Федор Левонтьевич Бутурлин. Диаки думные Иван Грамотин, Федор Лихачев. Яселничей Богдан Матвеев сын Глебов. Дворяне князь Иван княж Михайлов сын Катырев Ростовской, князь Иван княж Ондреев сын Голицын, князь Иван княж Петров сын Буйносов-Ростовской (и т.д., 32 чел. – О.Н.). Диаки Иван Болотников, Михайло Смывалов, Ондрей Вареев (и т.д. -13 человек. -0.H.)»⁸.

В 20-30-е годы к этому, так сказать, постоянному составу приглашенных часто присоединялись представители других категорий служилых людей — стрелецкие головы⁹, служилые иноземцы¹⁰, патриаршие дьяки¹¹, стольники, жильцы¹² и по случаю — сибирские воеводы, воронежский сеунщик¹³. Видимо, включение недумных людей призвано было, по мнению новой династии, продемонстрировать ее общенациональный, надклассовый характер, сплотить вокруг трона всех служилых людей, а не только их верхушку.

У родинных, именинных столов, а также у столов в честь большого церковного праздника часто бывали патриарх и власти: «135 июля в 12 день на празник государева ангела Михаила Малеина был у государя стол в Золотой в Меншой полате. А у стола был государев отец великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московской и всеа Русии и власти» («Того ж дни на празник («на Светлое Воскресенье» 25 марта 1649 г. — O.H.) у государя был стол по Золотой полате, а у стола были Иосиф патриарх Московской и всеа Русии да иеросалимской патриарх 16 .

Уже в конце 30-х годов столы стали малолюднее, прежде всего потому, что к ним реже приглашали недумных людей. Круг присутствовавших за столом ограничивался боярами, окольничими и думными дьяками: «Декабря в 25 день на празник Рожества Христова были у государя у стола бояре князь Борис Иванович Черкаской, князь Иван Ондреевич Голицын, Борис Михайлович Салтыков. Околничие князь Семен Васильевич Прозоровской, Степан Матвеевич Проестев»¹⁷; «147 июля в 12 день на ангел государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии были у нево, государя, у стола бояре князь Иван Борисович Черкаской, Иван Петрович Шереметев, князь Дмитрей Михайлович Пожарской. Околничией Федор Васильевич Волынской. Диаки думные Федор Федоров сын Лихачев, Иван Офонасьев сын Гавренев, Михаило Данилов» 18. Недумные чины приглашались теперь к столу только по особым случаям - в качестве награды за службу, после роспуска с южных рубежей по домам: «Октября в 1 день в селе Покровском были у государя у стола бояре князь Иван Борисович Черкаской, князь Петр Александрович Репнин, князь Борис Александрович Репнин, околничей князь Ондрей Федорович Литвинов Мосалской, думной диак Иван Офонасьев сын Гавренев. Дворяне князь Олексей княж Никитин сын Трубецкой (воевода Украинного разряда с Тулы. — O.H.). Да у стола ж были стольники, и дворяне, и жилцы, которые по наряду 148 году были на государеве службе на Туле и по иным местам в Украинном розряде» 19; в честь пожалования в чин: «Того ж дни государь пожаловал из стольников во дворяне. И у государя были у стола Тимофей Федоров сын Бутурлин, князь Осип княж Иванов сын Щербатой, Михаило Петров сын Волынской (и т.д. — 15 чел. — O.H.)» 20 .

В последующие десятилетия у стола были, за редкими исключениями, подобными описанным выше, только думные чины — бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки²¹. Исключение из всех правил составляют лишь именины царицы Евдокии Федоровны 4 августа 1691 г., широко отмеченные Петром в Преображенском — «в том селе были у стола» все категории служилых и неслужилых людей, от бояр до гостей²².

С конца 40-х годов старые традиции начали нарушаться — чиновные люди стали бывать у государевых столов без мест. Поэтому в записных разрядных книгах они уже не перечислялись поименно, в порядке местнического старшинства. На праздник Пасхи у государя был стол, «а у стола были бояре, и околничие, и думные люди, все без мест»²³; у именинного стола царевича Алексея Алексеевича был патриарх Никон, «а бояре и околничие и думные люди без мест»²⁴; в честь рождения царевны Марии Алексеевны у царя «были столы по комнате, а у стола у великого государя были бояре и околничие все без мест»²⁵; у родильного стола царевны Феодосии Алексеевны были митрополит Питирим и власти, касимовский и сибирские царевичи, «бояре и околничие и думные люди без мест»²⁶.

С середины 40-х годов в записях о церемониальных столах появляются указания на чиновных людей, служивших у этих столов, — вопреки утверждению издателей Дворцовых разрядов, писавших: «В разрядах и записных книгах упоминается только, когда был стол и означаются приглашенные к оному люди служилые, состоявшие в ведомстве Разрядного приказа и коих приглашение к царскому столу производилось через Разряд. Но нигде не говорится о чинах Большого Дворца, исправлявших различные должности при каждом столе, потому что и самые столы при дворе находились в ведении приказа

сего Дворца, и ему были подчинены чины, которые при сих столах служили, начиная с главного, Дворецкого, который всегда сидел за царским поставцом»²⁷. Столы, действительно, находились в ведении Дворцового приказа, и, может быть, поэтому отметки о придворных, исправлявших должности у столов, появляются в записных разрядных книгах лишь со второй половины 40-х годов и сопровождают далеко не каждую такую запись. Однако у стола служили не только собственно придворные чины, и, кроме того, при исполнении придворных обязанностей между ними возникали местнические споры, разрешаемые только в Разряде. Этим, вероятно, и объясняется тот факт, что сугубо «придворные» сведения попадали в разрядную книгу.

Первая из встречающихся в записных разрядных книгах записей подтверждает это: «Декабря в 25 день на празник Рожества Христова был у государя стол в Столовой избе. А у стола были бояре Иван Васильевич Морозов, Михайло Михайлович Салтыков, околничей князь Василей Григорьевич Ромодановской. А в столы указал государь смотреть: в болшой стол князь Петр княж Семенов сын Прозоровской, в кривой стол князь Дмитрей княж Алексеев сын Долгорукой. И князь Дмитрей Долгорукой бил челом государю на князя Петра Прозоровского о местех, что князю Петру Прозоровскому велено смотреть в болшой стол, а ему, князю Дмитрею, в кривой стол. И князь Дмитрей Долгорукой за челобитье, что он бил челом на князя Петра Прозоровского, послан в тюрму. А в кривой стол на княж Дмитреево место указал государь смотреть стольнику Ивану Яковлеву сыну Колтовскому»²⁸.

В 40-е годы в записях о царских столах упоминались чины, выполнявшие следующие функции: «А в столы сказывали: в болшой стол — стольники Василей Иванов сын Шереметев да князь Федор княж Микитин сын Борятинской, в кривой стол — стольник Петр Васильев сын Шереметев да князь Юрьи княж Микитин сын Борятинской. Вина нарежал стольник Семен Иванов сын Шеин»²⁹; «В стол смотрели стольники: в болшой стол князь Иван княж Ондреев сын Хованской, в кривой стол князь Семен княж Ондреев сын Хованской»³⁰.

Во второй половине столетия эти росписи стали полнее:

«У стола у государева стояли кравчей князь Петр Семенович Урусов да стольник Дмитрей Микитин сын Наумов. Ви-

на нарежал стольник Михаило Иванов сын Наумов. Пить наливал стольник Борис Васильев сын Бутурлин. В столы смотрили: в болшой стольник князь Василей княж Васильев сын Голицын, в кривой стольник князь Володимер княж Дмитреев сын Долгоруков»³¹.

По некоторым данным исследуемого источника можно предположить, что эти записи о государевых столах иногда переписывались в книгу со столбцов заранее, а затем исправлялись. Так, в ЗРК 1 в записи о столе у царя 25 декабря 1626 г. имена иноземцев — «Ондрей Голубовской, Ондрей Бермацкой, Левонтей Высотцкой, Михайло Желеборской» — зачеркнуты и рядом вписано: «Иноземцы не были». В том же списке имя головы стрелецкого Лукьяна Мясного зачеркнуто, вписан «Ондрей Жуков» ЗРК 3 в росписи дворян, бывших у государева стола, «Михайло Матвеев сын Бутурлин, князь Микита княж Михайлов сын Мезетцкой» зачеркнуты и вписан «князь Иван княж Михайлов сын Катырев Ростовской» ЗЗ.

Таким образом, в течение века официальные чиновные столы у царя в своей старинной традиционной форме постепенно ушли из обихода, а, следовательно, отпала необходимость в записях о них, которые могли понадобиться для местнических споров.

По своему значению присутствие за столом у государя было официальной церемонией, участие в которой считалось большой честью. Приглашением чиновных людей на нее, как указывалось выше, занимался Разряд. К таким официальным церемониям относились и столы у патриарха, присутствие на которых чиновных людей можно определить как почетную обязанность.

Столы у патриарха устраивались гораздо реже государевых, 1-2 раза в год (исключение составляет время патриаршества Филарета Никитича Романова, тогда столы у него бывали несколько чаще), но просуществовали дольше — до начала 90-х годов XVII в.³⁴ Численность и состав приглашенных к столу патриарха ничем не отличались от численности и состава чинов, бывших у царских столов, и, соответственно, также менялись в течение века. Столы патриарха Филарета отличались многолюдностью, на них часто присутствовал царь: «134-го августа в 15 день, на празник Успения пречистые Богородицы государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии был у стола у отца своего государева у великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии. А с государем были у стола бояре князь Иван Иванович Шуйской, князь Ондрей Васильевич Ситцкой. Околничей Федор Левонтьевич Бутурлин. Думной диак Федор Лихачев. Яселничей Богдан Матвеев сын Глебов. Дворяне князь Иван княж Михайлов сын Катырев-Ростовской, князь Олексей княж Никитин сын Трубецкой (и т.д. — 26 чел. — O.H.). Голова стрелецкой Михайло Рчинов, сотники ево приказу. Иноземцы Михайло Желиборской, Остафей Граевской, Сава Бахмат, Левонтей Высотцкой. Диаки Иван Болотников, Михайло Данилов, Михайло Смывалов, Иван Грязев, Дементей Образцов, Осип Коковинской» 35 .

К середине века патриаршие столы стали скромнее: «Марта в 18 день, на празник на Вербное воскресенье был у патриарха у Иосифа стол. А у стола был иерусалимской патриарх Поисея. Да у стола были бояре Борис Ивановичь Морозов, князь Юрьи Петровичь Буйносов-Ростовской, Григорей Гавриловичь Пушкин, околничие князь Иван Васильевичь Хилков, Богдан Матвеевичь Хитрой» 36.

Как уже отмечалось, присутствие думных людей за столом у патриарха расценивалось как одна из обязанностей, поэтому назначались они на эти церемонии самим царем. Такое положение дел отразилось и в записях: «Декабря в 21 день на празник Петра митропролита по государеву указу были у святейшего Иосифа патриарха Московского и всеа Русии у стола бояре князь Алексей Никитич Трубецкой, Василей Иванович Стрешнев, околничей Микифор Сергеевич Сабакин, печатник Федор Федорович Лихачев, диаки думные Иван Гавренев, Михайло Волошенинов, дворяня князь Лев княж Олександров сын Шлекочевской, князь Матвей княж Васильев сын Прозоровской (и т.д., 7 чел. – O.H.)»³⁷; «Апреля в 23 день в среду по указу великого государя царя и великого князя Федора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца у великого господина святейшего Иоакима патриарха Московского и всея Русии у стола были (далее список приглашенных думных $(0.H.)^{38}$.

Уклонение от этой обязанности строго каралось. Так, 14 апреля 1691 г. по царскому указу у патриаршего стола велено было быть двум боярам, окольничему и думному дьяку. Один из бояр, князь Григорий Афанасьевич Козловский, ответил посланым к нему разрядным подьячим, что у стола будет. Но на следующий день он сказал тем же подьячим, «что де за болезнью ему вверх ехать немочно»³⁹, после чего к нему был послан уже разрядный дьяк с указанием привезти боярина в карете или верхом. Дьяку боярин «сказал, что ему за болезнью в город никоторыми мерами ехать не мочно, и был он в то время в черном платье, а кореты и возники з двора ево прихоронены, и на дворе корет и лошадей не сысканы»⁴⁰. За это кн. Г.А.Козловский был взят со двора и привезен в город к Красному крыльцу на простой телеге. Но боярин из телеги не вышел и посланным к нему разрядным дьякам говорил, «что он за болезнью вверх взотить не может»⁴¹. Только когда к кн. Козловскому был послан думный дьяк В.Г.Семенов, выяснилась причина «болезни» боярина – местнические счеты с Л.К.Нарышкиным (вторым боярином, приглашенным к столу — O.H.). Князь объяснил, что «де з боярином со Львом Кириловичем в товарыщах быть он готов, только за болезнью своею вверх итить и у стола быть он не сможет и черного платья с себя не сложит»⁴². Тогда по указу государей он был из телеги взят и отнесен в патриаршую Крестовую палату, но и там не прекратил «сопротивления»: «...в Крестовой лежал на полу многое время и у стола не сидел, и к нему посылан розрядной дьяк Перфилей Оловенников, и ведено ево за стол посадить неволею, и он, боярин, за столом о себе не сидел, а держали иво розрядные подьячие». В тот же день цари Иван и Петр Алексеевичи указали за ослушание лишить его чести, боярства, «и написать з городом по Серпейску. И о том ему после стола свой великих государей указ сказать». Указ был сказан на площади у Красного крыльца, «чтоб, на то смотря, и иным впредь так делать было неповадно»⁴³.

В 90-е годы записными разрядными книгами не отмечено и столов у патриарха, записаны только панихидные столы — старинные «покормы» патриарху и духовным властям, которые давались в дни поминовения царей или членов их семей. В прежние времена царь не только присутствовал на

этих торжественных столах, но и стоял перед владыкой и из своих рук угощал его⁴⁴. В правление царей Ивана и Петра Алексеевичей эта обязанность препоручалась думным и ближним людям: 30 января 1694 г. царь Иван Алексеевич слушал в Архангельском соборе панихиду по отцу, «а на завтрее того дня генваря в 31 день» патриарха кормил князь Андрей Иванович Голицын⁴⁵; 26 апреля 1697 г. в Архангельском же соборе панихиду по Федоре Алексеевиче служил астраханский митрополит, «а за зборы ево, митрополита, кормил думной дьяк Гаврило Федоров сын Деревнин»⁴⁶.

Как и царские столы, столы у патриарха постепенно утрачивали свое значение торжественных официальных церемоний, и в конце века записи о них исчезают со страниц ЗРК.

Придворные церемонии фиксировались в записных разрядных книгах, во-первых, для того, чтобы обратиться к ним за справкой в случае местнических счетов или вопросов по устройству таких церемоний, и, во-вторых, что было важнее, для того, чтобы зафиксировать саму деятельность Разряда по устроению этих церемоний.

Как было отмечено, во многих записях о столах указывалось, в каком помещении дворца происходила церемония. И.Е.Забелин в книге «Домашний быт русских царей...» писал, что «в отношении торжественных действий и обрядов, происходивших в больших государевых палатах, первое место с конца XVI столетия принадлежало Грановитой. [...] В ней давались торжественные посольские аудиенции и государевы большие церемониальные столы», в том числе «брачные, родинные, крестинные, праздничные и посольские»⁴⁷. «Меньшая золотая была парадною приемною залою цариц. [...] В ней по преимуществу происходили торжества семейные, родинные и крестинные столы для боярынь [...] Столовая изба, или палата, по своему назначению была меньшею парадною залой, назначенною преимущественно для государевых чиновных столов, но в ней происходили также приемы духовенства, бояр и других лиц, особенно же иноземных посланников и гонцов. Иногда государь жаловал здесь бояр, окольничих, думных людей и других чиновников именинными пирогами»⁴⁸. Судя по записным разрядным книгам, для XVII в. картина складывалась несколько иная. Большинство праздничных столов, в том числе крестинные,

именинные, на праздники Богоявления, Рождества, Крещения, Пасхи происходили в Столовой палате⁴⁹.

Из семейных торжеств в Грановитой палате чаще всего отмечались родинные столы царевичей и царевен⁵⁰, да и то не всегда — они проходили и в Столовой палате⁵¹, и в комнате⁵². Вместе с тем, в Грановитой палате могли быть и царицыны столы: 5 февраля 1660 г. был «родилной стол» царицы Марии Ильиничны «по Болшой Золотой Грановитой полате»⁵³. В основном же в Грановитой палате отмечались лишь исключительно важные торжества — венчание на царство, объявление наследников престола, свадьбы царей, поставление патриархов и т.п. (в сохранившихся записных разрядных книгах записей о них нет).

Итак, придворные обязанности думных людей, а также вообще московских чинов, составляли значительную часть их служебной деятельности, хотя большинство их не числилось в собственно придворном штате (как дворецкий, кравчий, чашник и проч.), что отмечал В.О.Ключевский: «Кроме приказного управления, у думных людей было в столице много дел, для которых не существовало постоянных учреждений. Отправление таких дел носило вполне удельный характер, и в них, может быть, всего явственнее сказывался дух старой московской администрации, деятельной, хотя и не умевшей выработать себе твердых форм и постоянных правил, старавшейся руководить не только политической, но и нравственной жизнью общества» 54.

Список источников

3PK 1. 7134-7135/1626-27. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6а. Д. 1; 3PK 2. 7142/1633-34. Там же. Д. 2; 3PK 3. 7145/1636-37. Там же. Д. 3; 3PK 4. 7147/1638-39. Там же. Д. 4; 3PK 5. 7149/1640-41. Там же. Д. 5; 3PK 6. 7155/1646-47. Там же. Д. 6; 3PK 7. 7157/1648-49. Там же. Д. 7; 3PK 8. 7158/1649-50. Там же. Д. 8; 3PK 9. 7163/1654-55. Там же. Д. 9; 3PK 10. 7168/1659-60. Там же. Д. 10; 3PK 11. 7169/1660-61. Там же. Д. 11; 3PK 12. 7170/1661-62. Там же. Д. 12; 3PK 13. 7171/1662-63. Там же. Д. 13; 3PK 14. 7173/1664-65. Там же. Д. 14; 3PK 15. 1715/1666-67. Там же. Д.15; 3PK 16. 7177/1668-69. Там же. Д. 16; 3PK 17. 7179/1670-71. Там же. Д. 17; 3PK 18. 7182/1673-74. Там же. Д. 18; 3PK 19. 7187/1678-79. Там же. Д. 19; 3PK 20. 7190/1681-82. Там же. Д. 20; 3PK 21. 7192/1683-84. Д. 21; 3PK 22.

7193/1684-85. Там же. Д. 22; 3PK 23. 7195/1686-87. Там же. Д. 23; 3PK 24. 7196/1687-88. Там же. Д. 24; 3PK 25. 7199/1690-91. Там же. Д. 25; 3PK 26. 7202/1693-94. Там же. Д. 26; 3PK 27. 7205/1696-97. Там же. Д. 27.

```
1 ЗРК 1. Л. 35 об.
```

- 8 Там же. Л. 54.
- 9 Там же. Л. 30, 149; ЗРК 2. Л. 85 об.; ЗРК 3. Л. 252.
- ¹⁰ 3PK 1. Л. 119, 149.
- 11 Там же. Л. 52, 211 об, 240.
- 12 ЗРК 2. Л. 96 об.-98 об.
- ¹³ 3PK 1. Л. 23.
- 14 Там же. Л. 239.
- 15 В тексте стояло «Моисей», но затем зачеркнуто.
- ¹⁶ 3PK 7. Л. 144.
- ¹⁷ 3PK 4. Л. 85.
- 18 Там же. Л. 247.
- ¹⁹ 3PK 5. Л. 40.
- 20 Там же. Л. 127 об.-128.
- ²¹ 3PK 6. Л. 128, 160 об.-161; 3PK 8. Л. 32, 49; 3PK 11. Л. 24 об. 119 об.; 3PK 18. Л. 69, 132 об.; 3PK 19. Л. 31 об.
- 22 ЗРК 25. Л. 125-125 об.
- ²³ 3PK 7. Л. 144.
- ²⁴ 3PK 9. Л. 79 об.
- ²⁵ 3PK 10. Л. 181.
- ²⁶ 3PK 12. Л. 155.
- ²⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. С. XX.
- ²⁸ 3PK 6. Л. 112-112 об.
- ²⁹ ЗРК 7. Л. 144 об.
- ³⁰ 3PK 8. Л. 32.
- ³¹ ЗРК 18. Л. 133 об. Такие же записи: ЗРК 10. Л. 201-201 об., 203 об., 227об.-228; ЗРК 11. Л. 195 об., 260; ЗРК 12. Л. 125 об.-126, 146 об., 155; ЗРК 19. Л. 31 об.
- ³² 3PK 1. Л. 123.
- ³³ 3PK 3. Л. 199.
- 34 ЗРК 25. Л. 68 об.
- ³⁵ 3PK 1. Л. 44-45 об.
- ³⁶ ЗРК 7. Л. 143.
- 37 ЗРК 6. Л. 106-106 об.
- ³⁸ 3PK 19. Л. 25.
- 39 ЗРК 25. Л. 72.

² 3PK 5. Л. 33.

³ Там же. Л. 82 об.

^{4 3}PK 1. Л. 209.

⁵ Там же. Л. 216.

⁶ 3PK 6. Л. 112.

⁷ ЗРК 1. Л. 164 об.-165 об.

- ⁴⁰ Там же. Л. 72 об.
- ⁴¹ Там же.
- 42 Там же.
- 43 ЗРК 25. Л. 72-74.
- ⁴⁴ Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1990. Кн. 1: Государев двор, или дворец. С. 334.
- ⁴⁵ 3PK 26. Л. 160.
- ⁴⁶ 3PK 27. Л. 261.
- ⁴⁷ *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 331.
- 48 Там же. С. 333.
- ⁴⁹ ЗРК 1. Л. 216; ЗРК 3. Л. 146, 196, 199, 250 об., 255; ЗРК 6. Л. 112, 128, 160 об.; ЗРК 7. Л. 55 об.-56, 81, 149 об.; ЗРК 18. Л. 69, 132 об.-133; ЗРК 21. Л. 124 и др.
- 50 ЗРК 1. Л. 209; ЗРК 7. Л. 55; ЗРК 11. Л. 195 об.
- ⁵¹ 3PK 8. Л. 110
- ⁵² 3PK 10. Л. 181.
- 53 Там же. Л. 201.
- ⁵⁴ *Ключевский В.О.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1988. Т. II. С. 398.

К ВОПРОСУ О ВЕРОИСПОВЕДАНИИ СЛУЖАЩИХ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА

Одной из особенностей приказной системы для всего периода ее существования являлось отсутствие строгого разделения функций между приказами. Зачастую дела распределялись между теми или иными думными чинами по принципу их формального соответствия уже выполнявшимся ими поручениям. Поэтому отдельное учреждение могло иметь достаточно разнообразные функции.

Так, во второй половине XVII в. в Посольском приказе, помимо его основных обязанностей (осуществление дипломатических контактов с другими государствами), также «ведомы татаровя крещеные и некрещеные, которые в прошлых годех взяты в полон ис Казанского и Астраханского и Сибирского и Касимовского царств, и даны им вотчины и поместья в подмосковных ближних городех; приезжие иноземцы всех государств торговые и всяких чинов люди» Как следствие этого, приказ отвечал за назначение дач иностранцам «за выезд на «царя», а также за принятие православия как иностранцами, так и русскими подданными.

Последнее распространялось и на некоторых служащих данного учреждения. Речь идет о переводчиках (специалисты по устному и письменному переводу) и толмачах (осуществляли устный перевод, с 40-х годов XVII в. выполняли роль станичников Посольского приказа — разновидность путевых приставов при посольствах в мусульманские страны, в первую очередь в Крым; до конца 60-х годов XVII в. выполняли обязанности приказных приставов: «днюют и начюют в приказе, человек по 10 в судки, и за делами ходят и в посылки посылаются во всякие»²). Имеет смысл разобрать политику правительства по отношению к вероисповеданию этих категорий служащих.

Переводчики

Переводчики делились на специалистов западных и восточных языков. «Западными», по преимуществу, являлись

иностранцы, добровольно выехавшие в Россию или взятые в плен в результате военных действий, «восточными» — касимовские, романовские, казанские, астраханские татары, а также выходцы из мусульманских стран. Для XVII в. специалисты по иностранным языкам, в особенности западноевропейским, являлись редкостью, поэтому правительство достаточно терпимо относилось к их вероисповеданию. Среди них имелись как мусульмане, так и католики (П.Андерсон, М.Вейрес), а также различные течения в протестантизме (Д.Дигилбов — кальвинист; Б.Борисов, А.Англер — лютеране)³. Однако известны, хотя и не частые, случаи смены веры по разным причинам.

В 1629/30 г. выехал «на царя» Матвей Вейрес. После двух лет службы прапорщиком в полку рейтарского строя его взяли в переводчики шведского, датского, латинского и немецкого языков, а в 1635/36 г. назначили переводчиком в Псков — торговые ворота России на западной границе. В сентябре 1645 г. он подал челобитную с просьбой о разрешении приезда в Москву и выдаче подвод для этого. Вейрес приехал в 1646 г., осенью принял крещение (в православии Артемий) и вскоре после этого (4 ноября) умер⁴. Если предположить тяжелую болезнь и ожидание скорой смерти как основную причину, по которой он просился из Пскова, то факт крещения можно рассматривать как попытку упрочения положения будущей вдовы. Действительно, по смерти мужа жене выдали 20 рублей в счет годового оклада за 1646/47 г. (полный оклад составлял 21 руб.), хотя в практике приказа эта дача была прямо пропорциональна сроку, прослуженному в последнем $году^5$.

В 1669/70 г. крестились Иван Тяжкогорский (грек?), переводчик латинского, французского, венгерского, белорусского языков и его супруга. Судя по всему, это связано с тем, что они перед этим пережили пожар и потеряли все свое имущество. Тогда становится понятна такая большая дача за крещение: 200 золотых червонцев, однорядка суконная, «лундыш добрый с кружевом» (12 руб.), кафтан камчатый (9 руб.), шапка бархатная с «душкою» (4 руб.), ожерелье стоячее (10 руб.), сапоги, сорочка, порты (3 руб.), на мелкое 2 руб. — всего 44 рубля; дача жене составила 71,1 рубля⁶. Помимо этого, ему увеличили годовой оклад в два раза (с 50 до 100 руб.)⁷, вскоре, однако, сокрашен-

ный до 80 рублей, так как «работы мало» 8 , но через некоторое время увеличенный до 85 руб. 9

Факт принятия православия имел большое значение для карьеры переводчика восточных языков. В 1646/47 г. переводчик турецкого и татарского языков Имраэль Семенов мурза Кошаев, (по-видимому, из касимовских татар, известен в приказе с 17.07.1630 г. 10), принимает крешение (в православии Михаил), при этом тут же происходит увеличение его годового оклада (с 35 до 100 руб.), поденного корма (с 10 до 50 коп.) и поместного оклада (с 400 до 800 четей)11; за поденный корм он был испомещен на 380 четях (четь или четверть — мера плошади в 0.56 или 0.7465 га) поместья татарина Газы мурзы Ениксева в Темниковском и Каломском уездах¹². Также ему предоставили заем в 500 рублей с ежегодным зачетом в счет годового оклада 50 рублей на покупку дома в Китай-городе у Бахтеяра Балтакова 13. Помимо этого, за сам факт крещения он получил серебряный кубок в три гривенки (гривенка – 48 золотников или 204.756 грамм), бархат гладкий, камку куфтель, атлас желтый, 40 соболей в 30 рублей, лисицу в 5 рублей, из Конюшенного приказа лошадь, а также 40 рублей деньгами¹⁴. По другим сведениям, Кошаев получил однорядку суконную (лундыш с кружевом), кафтан, шапку бархатную, сапоги, рубаху, порты¹⁵. Остается непонятным, являлось ли это двумя взаимодополняемыми дачами или дачей за крещение как таковое и за подначальство (о нем см. ниже). Следует отметить, что до 1659 г. М.Кошаев являлся старшим в списке переводчиков.

Крещение для мусульман-переводчиков было далеко не безопасно. В 1670 г. решившего принять православие переводчика татарского языка Усея (Алексея) Месетьева избили за это татарские и турецкие переводчики А.Байцын, К.Сакаев, А.Д.Меликов16. В конечном итоге он все же крестился и получил за это однорядку суконную в 8 руб., кафтан камчатый в 5 руб., шапку бархатную с соболем в 2 руб., сапоги, рубаху, порты в 2 руб., на мелкое — рубль¹⁷. Ему также увеличили годовой оклад, поденный корм (с 15 до 30 руб. и с 9 до 15 коп.) и поместный оклад (с 150 до 250 четей)¹⁸.

Известно также, что в 1648/49 г. крестился переводчик татарского языка С.Смайлев. За что получил дачу против М.Кошаева¹⁹. Перед поступлением в приказ принял право-

славие и Д.Асанов $(1668/69 \text{ г.})^{20}$, переводчик турецкого, арабского и татарского языков.

Известен и еще один способ оказания давления в вопросе изменения вероисповедания. 16 мая 1681 г. издается указ об отписании у некрещенных татар и мурз поместий и вотчин на государя, правда, с последующей компенсацией на территориях, не заселенных православным населением. Это было сделано потому, что «в поместьях своих и в вотчинах крестьяном чинят многие налоги и обиды, и принуждают их к своей бусурманской вере и чинят осквернение»²¹. Преследованию подвергались также браки между православными и мусульманами, имевшие место среди крепостных людей переводчиков²². По-видимому, по этой причине оказались взяты в казну родовые выслуженные поместья и вотчины переводчика татарского языка К.Устокасимова²³.

Следует отметить, что для переводчиков второй половины XVII в. вершиной карьеры являлось получение дворянства по московскому списку, а это подразумевало обязательное православное вероисповедание (М.Кошаев, Л.Гресс, Н.Спафарий и др.).

Толмачи

У этой категории служащих имелись свои особенности в вопросе веры. Дело в том, что 25 января 1646 г. велено отправить всех толмачей «бусурманской веры» в Разряд²⁴, что можно рассматривать как фактическое запрещение занятия данной должности для них. Действительно, после этого в списке толмачей приказа пропадают мусульманские имена.

Известен случай, когда отставленный таким образом толмач вернулся на прежнее место после принятия православия — это Мочак (Григорий) Акимов Кучумов, представитель клана толмачей из г. Романова. Впервые его имя встречается в документах приказа в декабре $1617 \, \text{г.}^{25}$ 10 марта $1652 \, \text{г.}$ он подает челобитную о повторном верстании после крещения, и 23 марта зачисляется с прежним годовым и поместным окладом, и сидит в толмачах до своей смерти в $1670 \, \text{г.}^{26}$ По той же причине поменял вероисповедание его сын Курмыш (Федор) Кучумов ($1648 \, \text{г.}$), за что получил $10 \, \text{рублей}^{27}$.

Неизвестно, распространялось ли требование обязательного крещения на толмачей западноевропейского происхож-

дения, это можно предположить. Некоторые из них получили назначение за крещение: Петр (Иван) Туров²⁸, Филат (Фсофилакт) Адлер²⁹, Пимен (Юрей) Иванов³⁰.

Удалось выявить только одного толмача, получившего назначение до крещения. Это Роман Вилимов Эглин (Еглин) (английский, немецкий (?), французский (?) языки), взятый в толмачи в 1667/68 г. и тут же посланный с посольством П.И.Потемкина во Францию и Испанию³¹. Однако, повидимому, сразу по возвращении в Россию в 1669/70 г. он крестился³². Данный случай можно рассматривать, как исключение. Задержка с его крещением была вызвана либо спешкой с отправлением посольства, либо явилась следствием оказанной ему протекции: «при после состоял дворянин Яков Иванов Еглин»³³, его брат и толмач Посольского приказа 1669/70-1674/75 гг.³⁴ Неизвестно, получил ли Роман дачу за крещение, но его годовой оклад увеличили с 10 до 13 рублей³⁵.

Дачи за крещение у толмачей, по-видимому, соответствовали подобным дачам у переводчиков. Роман Власов попал в шведский плен под Ригою, «в полону был многие годы и принял римскую веру». Однако в 1659/60 г. вышел из шведского плена (за «выход» получил 5 рублей и сукно «аглицкое» — судя по всему, фиксированная дача) и крестился (в крещении Трофим), за что он получил из Казенного приказа платье в 20 рублей и был назначен в толмачи³⁶.

Следует отметить, что среди толмачей встречается значительное число городовых дворян и детей боярских, взятых в приказ за «долгое полонное терпение». Все они имели право на дачи за «исправление веры» или «подначальство». Данное награждение не являлось привилегией только толмачей Посольского приказа и распространялось на всех выходцев из мусульманского плена, как обасурманившихся (принявших ислам), так и сохранивших православную веру. В те времена считалось, что длительное пребывание среди иноверцев и отсутствие возможности правильного отправления основных религиозных обрядов приводило к порухе веры и ее следова-«исправлять» (в том числе и перекрещиваться). Ради этого толмачей — выходцев из плена — направляли по монастырям: Степан Михайлов Гирев — в Троицкий Богоявленский³⁷, Лука Леденев — в Чудов³⁸; после чего они получали вознаграждение: два рубля и сукно доброе (деньги выдавались из приказа Большого Прихода, материя — из Казенного приказа).

Таким образом, можно говорить о целенаправленной политике, проводимой по отношению к служащим Посольского приказа не православного вероисповедания, целью которой являлось их крещение. При этом достигались следующие цели: 1) увеличивалось число «истинных последователей Христа» главная задача Русского царства как последнего оплота православия; 2) многие иностранцы оставались в России навсегда. Последнее отмечали и иностранные авторы: «Здесь следует пожалеть о тех людях католического исповедания, которые в видах незначительных выгод или по военной службе, перебираются в Москву, да еще с женами и детьми, без всянадежды, чтобы их когда-то отпустили оттуда» (А.Мейерберг)³⁹; «Если сюда приезжают мастера или знатоки военного дела, то их не легко отпускают или не отпускают вовсе» (И.Давид)⁴⁰; «Русское царство подражает в этом деле туркам и принимает всякого желающего и даже уговаривает, просит, принуждает [и] заставляет многих немцев креститься, и тех людей, которые крестятся принимают в свой народ и сажают на высокие места» (Ю.Крижанич)⁴¹.

¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. 4-е изд. СПб, 1906. С. 87.

² Там же.

³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1682/20. Л. 38-39.

⁴ Там же. Д. 1646/3.

⁵ Там же. Д. 1646/1. Л. 5.

⁶ Там же. Д. 1669/8. Л. 115.

⁷ Там же. Д.1672/2. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 19.

⁹ Там же. Д. 1682/20. Л. 108.

¹⁰ Там же. Д. 1630/1.

¹¹ Там же. Д. 1682/20. Л. 110-112 а.

¹² Там же. Оп. 2. Д. 12. Л. 36, 80; Оп. 1. Д. 1672/1. Л. 7.

¹³ Там же. Оп. 1. Д. 1649/1. Л. 61; Д. 1654/4. Л. 149.

¹⁴ Там же. Д. 1672/2. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 3-4.

¹⁶ Там же. Д. 1672/1.

¹⁷ Там же. Д. 1672/2. Л. 5-7.

¹⁸ Там же. Д. 1673/8. Л. 7; Оп. 2. Д. 12. Л. 83.

¹⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1672/2. Л. 5.

²⁰ Там же. Д. 1669/40. Л. 140.

- ²¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. С. 312-313. В.В.Вельяминов-Зернов отмечает, что в конце XVII в. существовала практика пожалования за крещение поместьями некрещенных родственников. См.: Вельяминов-Зернов В.В. Исследования о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1887. H. 4. C. 5.
- РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1730. Там же. Д. 2197.
- Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1649/1. Л. 426-427.
- Там же. Ф.141. Оп. 1. Д. 1619/6. Л. 45-47.
- Там же. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1649/1. Л. 424-427.
- 27 Там же. Л. 18.
- Там же. Д. 1670/30. Л. 2.
- 29 Там же. Д. 1670/20. Л. 39-40.
- 30 Там же. Д. 1661/6. Л. 12.
- Обзор Посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. Н.М.Рогожин. М., 1990. С. 121.; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д.1669/8. Л. 8.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1669/8. Л. 49.
- Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1902. Т. 4. С. 330.
- 34 РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 12. Л. 90; Оп. 1. Д. 1674/6. Л. 138.
- Там же. Оп. 1. Д. 1669/8. Л. 49.
- Там же. Д. 1661/6. Л. 111; Д. 1661/7. Л. 11.
- 37 Там же. Д. 1649/1. Л. 306.
- Там же. Л. 390.
- Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга // Утверждение династии. М., 1997. С. 113.
- Давид И. Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. 4. С. 141.
- *Крижанич Ю.* Политика. М., 1997. С. 201.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДАРЫ РУССКИМ ЦАРЯМ ИЗ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГ ПРИЕЗДОВ ПОЛЬСКИХ ВЕЛИКИХ ПОСЛОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.)

Одним из источников формирования кремлевской сокровишницы являлись дипломатические подарки европейских и восточных правителей, а также дипломатов, посещавших московский двор, и подарки их свиты. В качестве наследника Казны музей Оружейная палата получил произведения зарубежного златокузнечного, ювелирного и оружейного искусства, ткачества, парадное конское убранство и кареты, среди которых представлены памятники дипломатических ний России с зарубежными странами XVII в. Выделение коллекции дипломатических даров из множества произведений зарубежного искусства, оценка ее значения – одно из исследовательских направлений, которое давно привлекало внимание историков и специалистов по истории искусства. Упоминания о «любительных поминках» монархов и челобитьях дипломатов имеются в фундаментальных сочинениях М.М.Шербатова, Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, В.О.Ключевского. Однако, сведения о драгоценных посылках и посольских подношениях - лишь иллюстрации к исследованию внешнеполитической истории России в целом и визитов послов в частности. Цель изучить историю Казны и тем более сопоставить сохранившиеся в Кремле памятники искусства с теми описаниями вещей, что встречаются в документах государственных ведомств, тогда не ставилась.

Свои версии появления в кремлевской сокровищнице отдельных раритетов, преимущественно государственных регалий, почитаемых икон, парадных облачений, личных царских вещей и некоторых дипломатических даров высказывали А.Ф.Малиновский¹, А.Ф.Вельтман². Документы Посольского приказа для изучения истории отдельных коронных ценностей были впервые привлечены в издании «Древностей ...»³

Все музейное собрание стало самостоятельным объектом исследования во время подготовки первой научной описи Оружейной палаты в 1860-80-х гг⁴. Одной из задач фундаментального труда было выявление источников формирования сокровищницы и собрания музея, для чего впервые широко и в массовом масштабе привлекались архивные документы. Авторы Описи во главе с Г.Д.Филимоновым сосредоточили внимание на документации из архивов Казенного приказа, Конюшенного приказа и Оружейной палаты, хранившейся тогда в Кремле. Сопоставлялись, с одной стороны, художественные особенности экспонатов, их ювелирные данные – вес, количество и виды драгоценных материалов, надписи на них, а, с другой, - описания предметов из приходных книг в Казну, описей имущества на Казенном дворе, описей Государевой Оружейной палаты и Конюшенного приказа XVII – начала XVIII в. В результате этой кропотливой работы исследователи смогли в основном выделить группу дипломатических даров. В отдельных случаях авторы Описи обращались к архиву Посольского приказа, но, как в исследовании А.Ф.Вельтмана и в «Древностях ...», такие обращения не были систематическими, находки имели характер случайный, а ссылок на дипломатическую документацию не делалось.

На основе данных Описи 1884-1893 г. шведским историком Р.Ф.Мартином были сделаны выводы, в ряде случаев спорные, о серебряных произведениях и натуралиях, привезенных из Швеции в 1647-1699 гг.⁵ и из Дании в 1641 и 1644 гг. 6 Однако научная ценность этих монографий бесспорна: автор нашел в зарубежных архивах и опубликовал перечни подарков с данными об их весе и внешнем облике. Приведенные в текстах оригинальные названия предметов чрезвычайно важны для их определения, поскольку в XVII в. в русском языке для новомодных зарубежных образцов репрезентативной посуды и украшений интерьера, составлявших большую часть даров не только из Швеции, но и из Дании, Англии, Голландии, Речи Посполитой и Священной Римской империи, не имелось эквивалентов. Переводчики Посольского приказа использовали для описания вещей привычные слова, которые не всегда соответствовали их истинному назначению и правильному названию. Впоследствии датские⁷ и шведские⁸ дары представлялись на выставках как отдельные коллекции в сопровождении каталогов.

В своем сочинении о древних изделиях из янтаря немецкий искусствовед О.Пелка предположил, что лучшие образцы парадной посуды XVII в. из Оружейной палаты являются подарками бранденбургских курфюрстов⁹. Необходимо заметить, что особенностью подарочных комплексов из Речи Посполитой было заметное присутствие янтаря. В 1630-1680-е гг. на территории Польши и Германии из этого материала изготовлялись модные однотипные предметы, которые имелись в числе подарков от польских королей и дипломатов. Представляется, что некоторые выводы исследователя о появлении янтаря в Оружейной палате исключительно из немецких княжеств можно поставить под сомнение.

Огромной важности работу по сопоставлению данных документов и экспонатов провела Т.Г.Гольдберг, готовя каталог английского серебра в собрании Оружейной палаты¹⁰. В ее обстоятельном исследовании. одной из задач которого было выявление группы подарков от английского двора и торговых агентов, очевидно обращение преимущественно к документам Казны, и лишь хронологические лакуны в казенной документашии компенсировались отдельными сведениями о подарках из посольских книг и столбцов по связям России с Англией. Такое несистематическое использование документации Посольского приказа привело к тому, что основной для идентификации подарков 1604-1605 гг. список – их казенная роспись из соответствующей посольской книги – был введен в научный оборот спустя более тридцати лет после публикации каталога¹¹. Английское серебро, в том числе и дипломатическое, вновь стало объектом исследования английского историка искусства Ч.Омана¹², а в 1991 г. шедевры серебряного дела Англии, включая дары, выставлялись в Лондоне¹³.

Следует отметить, что сборник статей научных сотрудников Оружейной палаты, подготовленный в 1930-х гг., но опубликованный только в 1954 г., является важным этапом изучения истории московской сокровищницы и отдельных коллекций Оружейной палаты. Кроме работы Т.Г.Гольдберг, он включал исследование, посвященное Конюшенной Казне, с историческими экскурсами на основе документации Конюшенного приказа и столбцов

Оружейной палаты, но без привлечения посольской документации 14 .

Памятники дипломатических связей России с Речью Посполитой впервые исследовались как самостоятельный комплекс в 1998 г., хотя некоторые произведения и их описания публиковались ранее 15.

Задачей данной статьи является идентификация экспонатов Оружейной палаты без соответствующей казенной маркировки — в основном произведений западноевропейских златокузнецов - с описаниями подарков из Речи Посполитой, сохранившихся исключительно в посольских книгах, а также определения значения документации Посольского приказа для изучения польского подарочного комплекса и формирования некоторых варшавских коронных посылок. Автор ограничивается исследованием визитов в Москву только великих посольств 1644-1646 гг. во главе с Г.Стемпковским, 1646-1647 гг. во главе с А.Киселем, 1679-1680 гг. во главе с К.Бростовским и 1686 г. во главе с Х.Гримултовским, поскольку казенных приходных книг, соответствующих визитам этих послов, не сохранилось. Кроме того, в XVII в. исключительно великие послы привозили из Речи Посполитой королевские посылки, представлявшие для дипломатических сношений особую ценность; они документировались и хранились в Казне более тщательно, чем личные дары послов. Однако следует отметить, что эти подношения также бывали весьма солидны в отличии, например, от привозов английских, голландских, австрийских и шведских дипломатов такого же ранга. Подношения представителей свиты – королевских и посольских дворян из всех стран - отличались скромностью, если вообще имелись. Посланники и гонцы из Варшавы в XVII в. били челом только от себя лично. В документации, отразившей дипломатические контакты двух стран в последней четверти XV - конце XVII в., не зафиксировано ни одного случая отказа принять королевские дары. Посольские и дворянские челобитья нередко возвращались: эти факты отмечены в некоторых посольских книгах XVI в. 16 и во всех соответствующих книгах XVII в. 17

Регулярный обмен дарами между Москвой и Варшавой наладился лишь с 1645 г. Единственное упоминание о ко-

ронной посылке в XVI в., сохранившееся в соответствующей посольской книге, относится к 1584 г. Это были дары короля Стефана Батория царю Ивану Грозному, присланные с послом Л.Сапегой в ответ на отправленных в дар в Варшаву полутора годами раньше кречетов 18. Коронная посылка включала коней в западноевропейском («римском») и турецком («турском») уборе, запряженную шестеркой лошадей карсту, двенадцать ручных пищалей («ручниц»), четыре пороховницы, а также «збрую позлатистую римскую на коня и на человека». Дары перечислены лишь в речи посла, данные о вещах предельно лаконичны, поэтому версия о присутствии подарков этого посольства в нынешнем собрании Оружейной палаты нуждается в аргументации, основанной на привлечении не только посольской книги, но других источников¹⁹. Не находит подтверждения в документах Посольского приказа догадка о посылке от короля Сигизмунда III в Москву в 1591 г. шлема с чеканными композициями подвигов Геракла, который датируется XVI в.²⁰

Коронная посылка 1584 г. – единственная, в составе которой отсутствовало серебро. Все остальные, привезенные в Москву в 1645-1686 гг., непременно включали модную репрезентативную посуду и украшения интерьера из драгоценных материалов. На оборотной стороне некоторых серебряных изделий из собрания зарубежного художественного металла Оружейной палаты имеются гравированные надписи о том, когда и от кого они были присланы или чьим челобитьем являются; в ряде надписей также указано, в какую сумму оценен один фунт общего веса предмета. Эти пометы наносились на дипломатические подарки после приема их в Казенный приказ и передачи на Казенный двор. По мнению А.Вельтмана, начало практики маркировать серебряные дары из-за рубежа относится к последним годам правления царя Михаила Федоровича²¹. Она продолжалась и позже, при царе Алексее Михайловиче. Надписей на подарках, прибывших в Москву из Варшавы при его преемниках, не имеется, но сохранились предметы из подарочного комплекса, связанного с визитом послов из Швеции в 1684 г.: три массивных кубка и лохань имели чернильные надписи, которые можно было прочесть еще в XIX в.²² Эти пять предметов – единственные подписные из всех тех, что получили в дар цари

Иван и Петр Алексеевичи. Маркировка даров производилась не только в течение ограниченного времени, но и не постоянно. Так, сохранившиеся серебряные сосуды из посылки короля Яна Казимира в 1651 г. соответствующих надписей не имеют и были идентифицированы по документам Казенного приказа. Не маркировались вообще никогда привозные изделия из натуральных материалов — янтаря, хрусталя, раковин, кости, кокоса, а также ювелирные украшения, оружие и ткани.

Среди прибывших из Речи Посполитой серебряных произведений сохранилось лишь двенадцать с полными надписями. Из коронной посылки 1647 г.: кувшин из рукомойного прибора аугсбургского серебряника Ханса I Баура (Hans Baur) 1635-1640 гг., западноевропейский позднеготический кубок первой трети XVI в., нидерландский (?) кубок мастера с клеймом «IM», датируемый около 1600 г.²³, два западноевропейских кубка первой половины XVII в.²⁴ Из даров 1667 г.: блюдо из рукомойного комплекта (от короля Яна Казимира) и две фляги (от первого посла С.Беневского). выполненные в мастерской гданьского серебряника с клеймом «НРБ» около 1667 г., а также кувшин (от второго посла К.Бростовского) мастера из Познани Станислава Шварца (Stanislaw Schwarz). Из даров 1671 г.: фигура польского геральдического орла, заказанная аугсбургским серебряникам Абрахаму I Дрентветту и Генриху Маннлиху (Abraham Drentwett и Heinrich Mannlich) в 1650-1670 гг., и рукомойный комплект из Аугсбурга работы Давида Бессмана (David Bessman)²⁵.

Остальные подарки либо имеют неполные надписи, либо не подписаны вообще. Так, среди польских королевских даров 1647 г. кубок работы гамбургского мастера Германа фон Бордеслое (Hermann von Bordesloe) около 1600 г., свадебный подарок властей города Минска королю Сигизмунду III в 1605 г. (гравирован на оборотной стороне как подарок польского короля, но без указания года²⁶). Как отмечалось выше, коронный подарочный комплекс 1651 г. не маркирован и идентифицирован исключительно на основании документов Казенного приказа. Сохранилось три королевских подарка: серебряный настольный фонтан из аугсбургской мастерской Эмануэля Виденманна (Emanuel Widenmann) первой четвер-

ти XVII в. 27 , блюдо с перламутром, рубинами и алмазами нюрнбергского серебряника Ханса Брабандта (Hans Brabandt) середины XVI в. и антверпенский кувшин из раковин в серебряной с драгоценными камнями оправе того же времени 28 .

В одном случае, как нам удалось установить, надпись не соответствует документальным данным: кувшин из рукомойного комплекта, выполненный в Гданьске Христианом Паульзеном (Christian I Paulsen) в 1630-1650 гг., неверно гравирован как челобитье от первого посла, в то время как во всех списках из посольской книги, а также в приходной книге в Казну, он вместе с парным блюдом числится среди даров от короля 1667 г.²⁹ Не нашли подтверждение в посольских и казенных документах предположения польского исследователя А.Фишенгера о появлении в Казне тогда же двух аналогичных кувшинов работы того же мастера³⁰.

Чтобы оценить значение посольской документации для изучения истории Казны, целесообразно отметить некоторые особенности и состояние сохранности документации дворцовых приказов. Хронологические рамки книг поступлений в Казну ограничиваются 1613-1678 гг. 31, при этом утраты по отдельным годам весьма значительны. Так, не сохранились книги за 1645-46³², 1646-47, 1648-49 гг., по времени соответствующие визитам польских посольств во главе с Г.Стемпковским, А.Киселем, Л. Чеплинским, а также все книги после 1679 г., когда в Москве побывали миссии К.Томицкого (1680 г.), К.Бростовского (1679-1680 гг.) и Х.Гримултовского (1686 г.). Сведения о всех подарках, присланных до 1613 г., также следует искать в архивах других государственных ведомств. Информацию о характере поступления вещей, в том числе и в качестве подарков, содержат Описи царского имущества на Казенном дворе описи Оружейной палаты и Конюшенного приказа. Но они часто составлялись спустя несколько десятков лет после визита того или иного посла. За это время успевало смениться несколько казначеев и обновлялся дьяческий аппарат приказа, поэтому данные таких инвентарей следует проверять, сопоставляя с другими источниками³³. Сведения о подарках в столбцах Оружейной палаты фрагментарны, по ним невозможно составить целостного представления о том или ином подарочном дипломатическом комплексе.

В этой ситуации особое значение приобретают документы Посольского приказа. Состав этой коллекции, охватывающей период с конца XV до начала XVIII в., состояние сохранности и значение отражены в ряде публикаций³⁴. Некоторые посольские книги по связям России с Литвой конца XV в.³⁵, с Литвой, (а с 1569 г.) с Речью Посполитой XVI в. — начала XVII в.³⁶ и все книги, документировавшие великие посольства из Варшавы 1634-1686 гг.³⁷, содержат списки подарков. В ряде книг второй половины XVII в. они сохранились в нескольких экземплярах. Представляется уместным привести в данной статье выявленную нами типологию подарочных списков из посольских книг.

Прежде всего, это оригинальные тексты, которые представлялись главами дипломатических миссий в Посольский приказ для ознакомления и предварительных консультаций, для перевода на русский язык, а также для определения количества лиц из стрельцов, солдат или людей из свиты дипломата, которые в день аудиенции должны были переносить дары во дворец. В книгах приездов польских великих послов 1645-1686 гг. сохранилось шесть таких посольских списков, поданных за один-два дня до аудиенции³⁸.

Переводчики стремились к максимальной точности, и если в русском языке не имелось эквивалентного термина, они старались выделить самое главное в предмете и описать при помощи известных слов, связанных со златокузнечным, оружейным и ювелирным делом, производством тканей, изготовлением одежд. Первичные тексты-переводы содержат информацию, которая исчезала затем из официальных документов кремлевских ведомств: иногда отмечалась сомасштабность предметов друг другу, качество их исполнения, особенности и достоинства внешнего облика, место производства, если оно было престижным, то есть все, что было значимо для дарителя. Кроме того, последовательность предметов в списке характеризовала отношение к ним дарителей: вещи распределялись по степени их соответствия моде, оригинальности и по стоимости. В документах, составленных в Кремле, последовательность менялась в соответствии с российскими представлениями о ценности подаренных вещей.

В заключении первой аудиенции окольничий (редко дьяк), который представлял дипломатов, являл дары по спи-

скам, переведенным на русский язык. Но эти переводы, отредактированные в Посольском приказе, были уже более лаконичны, поскольку необходимо было назвать имя каждого дарителя и сам подарок, пока процессия двигалась мимо царского трона и, огибая центральный столп Грановитой палаты, затем удалялась в сени. Именно эти подарочные перечни, как уже отмечалось, первыми появились в посольских книгах по связям России с Литвой в конце XV в., стали эпизодически вноситься в посольские книги по связям с Польшей со второй половины XVI в., а в следующем столетии приведение этих списков стало нормой документирования приемов великих посольств³⁹.

В протоколах аудиенций второй половины XVII в., которые приводятся в посольских книгах, преобладают формулировки: «поминки писаны у казначеев» или «поминки писаны на Казенном дворе» 40, «а аргамаки и кони велел государь взята на конюшню» 41. Принятые дары, таким образом, распределялись между хранилищами, которые находились под контролем разных государственных ведомств. Драгоценная посуда, мебель, ювелирные изделия, оружие и конские уборы учитывались в приходных книгах Казенного приказа 42, а коней и кареты сразу отправляли на царскую конюшню. Записных книг Конюшенного приказа не сохранилось, поэтому мы можем судить об учетной документации этого ведомства по памятям из посольских книг и столбцов, а также по данным столбцов Оружейной палаты 43.

После оценки подарков в приказах, что делали придворные мастера, приглашенные городские мастера и купцы, занимавшиеся торговлей лошадьми и серебром, сокращенные варианты записей из учетных документов приказов, так называемые ценовые росписи, в форме памятей отсылались в Посольский приказ по соответствующему запросу. Информация не только о составе, но и о стоимости привозов была там необходима для начисления жалования дипломатам и снаряжения правительственными и личными «поминками» российских посланников за рубеж. Списки этого типа, самые подробные по содержанию, сохранились во всех книгах приездов польских великих послов, начиная с 1645 г. 44

Итак, в документации Посольского приказа отложились сведения о произведениях зарубежного искусства, поступав-

ших в сокровищницу как дипломатические подарки. Эти сведения во многих случаях неизвестны по документам иных ведомств, что превращает посольские книги в уникальный источник по истории кремлевской Казны. В данной статье посольские книги по связям России с Польшей впервые используются для определения подарков из Речи Посполитой в собрании Оружейной палаты.

В 1645 г., вместе с послом Г.Стемпковским после долгого перерыва в Москву прибыла коронная посылка. После заключения Поляновского мира в 1634 г. Речь Посполитая стремилась поддерживать стабильные отношения с Россией. Во второй половине 1630-х гг. в отношениях двух держав наметилось потепление. В последние годы правления во внешнеполитической программе короля Владислава IV появился план создания антитурецкой коалиции с участием России. «Такой курс имел реальную основу, отвечал интересам обоих государств и мог стать базой для их сближения» В 1645-1651 гг. в Москве побывало пять посольств, уполномоченных вести переговоры об антиосманском союзе, проект которого был выработан в августе 1647 г.

Подарки, привезенные посольством 1644-1646 гг., полностью документированы в казенной приходной книге 1644-1645 гг., которая оказалась вне внимания исследователей: считалось, что в Оружейной палате нет ни одного памятника этого посольства. На наш взгляд, янтарный резной образок с костяными вставками и янтарная стопа, выполненная в Кенигсберге в 1630-1640-х гг., из собрания Оружейной палаты близки к описаниям подарков от короны, которые содержатся в приходной книге в Казну за 1644-1645 гг. По мнению авторов Описи 1884 г., стопа была привезена послом Станиславом Виневским в 1648 г. как личный дар⁴⁶. В результате привлечения посольских книг 1646-1647, 1647-1648 гг. и 1651 г. удалось доказать более раннее появление стопы в Кремле.

Дипломат под именем Станислав Виневский вообще никогда не посещал Россию, посольства 1646-1647 и 1647-1648 гг. возглавляли соответственно А.Кисель и К.Пац⁴⁷. По документам Казенного приказа известна янтарная кружка, поднесенная царю послом Станиславом Витовским в 1651 г.⁴⁸ Можно было бы предположить, что имя посла и год

его визита, обозначенные в Описи 1884 г., – опечатка, но настораживает термин «кружка», примененный к данному предмету. «Кружка» обычно обозначает предмет невысокий, с крупным относительно высоты диаметром основания, с крышкой и ручкой. Сохранившаяся янтарная кружка в понимании казенных служащих XVII в. по внешнему виду ближе к древнерусскому термину «стопа» - высота значительно превышает диаметр основания цилиндрического корпуса. Подобные серебряные стопы были широко распространены в Балтийском регионе с XVI в., в янтаре делались в основном в Кенигсберге в 1630-1650-х гг. и в описях казны значатся только под этим названием. Кроме того, приходная казенная книга за 1650-1651 г. не завершена, поэтому факт возврата янтарной кружки послу со всеми дворянскими дарами там не зафиксирован. Сведения об отказе принять дары сохранились лишь в посольской книге 1651 г.49 Таким образом, данные дипломатических документов косвенно подтвердили предположение о том, что стопа прибыла в Москву не в 1651 г. от посла, как считалось ранее, а в 1645 г. от короля.

Дипломатический подарочный комплекс следующего посольства из Речи Посполитой во главе с представителем коронных земель А. Киселем документирован исключительно в посольском столбце и книге. В 1646 г. из Варшавы в Москву была направлена миссия, уполномоченная подтвердить Поляновский договор и обсудить антитурецкий союз с новым царем. Как следует из грамоты короля Владислава IV, послы А.Кисель и К.Пац, представлявший Литву, направлялись в Москву вместе⁵⁰. Но А.Кисель, ехавший с межевого съезда, двинулся с разрешения царя не обычной посольской дорогой – через Смоленск, Дорогобуж, Вязьму и Можайск, а через Севск и Калугу, при этом он очень торопился и опередил К.Паца. Все адресованные царю поминки находились у последнего, и попытки вытребовать их в Москву раньше не увенчались успехом⁵¹. К.Пац, по-видимому, не только вез, но и комплектовал коронную посылку, поскольку в ее составе имелись предметы, принадлежавшие представителям литовской аристократии⁵². Следует обратить внимание на уникальность этой информации: в документах о приездах других послов не сохранилось даже косвенных сведений о формировании подарочных комплексов.

18 августа 1646 г. на аудиенции в Грановитой палате польский посол и сопровождавшая его свита поднесли государю только свои дары⁵³. Дворянские подношения были возвращены вместе с жалованием соболями, а почти весь подарочный комплекс от православного посла был принят в Казну⁵⁴.

В первичном списке – переводе перечислены «коштолная сиречъ дорогая» янтарная шкатулка (ее вернули послу), конь в турецком уборе и серебряный золоченый рукомойный прибор: большая лохань (рукомойное блюдо) с аллегорическими изображениями частей света и кувшин-рукомой «образцомъ верблюжинъ»⁵⁵. Термины «рукомой» и «лохань» для данного комплекта, как и для многих других, прибывавших в Кремль как дары из Европы, начиная с 1640-х гг.. довольно условны. Рукомои могли сохранить конструкцию, формально позволявшую использовать их по назначению. Фактически они представляли собой произведения серебряной пластики в виде животных, всадников, героев античных мифов и фантастических существ. Лохани на самом деле являлись декоративными блюдами - панно с чеканенными жанровыми сценами. Такие гарнитуры использовались в России для оформления интерьера.

Судя по ценовой росписи, включенной в посольскую книгу, поднесенные на аудиенции дары были значительно богаче, чем заявленные первоначально. По-видимому, после консультаций с приставами посол добавил янтарную флягу в золотой оправе стоимостью в 10 рублей и две пищали, оцененные по 7 рублей каждая. В ценовой росписи не указаны отличительные черты рукомойного прибора, но дан вес рукомоя и лохани по отдельности. Лохань весила 23 фунта 38 золотников и была оценена по 7 рублей фунт, а рукомой весил 17 фунтов без 3 золотников и был оценен по 9 рублей фунт⁵⁶. Такая разница в цене говорит о том, что лохань и верблюд-рукомой не были изготовлены как единый комплект и объединились в пару в связи с подбором подарков для царя перед поездкой посла А.Киселя в Москву. Лохань оценили ниже потому, что она скорее всего оказалась худшего качества, с менее плотным и обширным золочением⁵⁷.

В 1640-1650-х гг. только сплошь золоченые серебряные изделия оценивались в Казне по 9 рублей фунт.

В Описи 1884 г. среди группы под заглавием «Всадники» подробно описан серебряный золоченый рукомойный кувшин в виде верблюда с погонщиком, там же приведены цитаты из описей Казны 1663, 1676 и 1679 гг. с указанием его веса. Вес, который сообщают описи, в точности соответствует весу из ценовой росписи посольской книги 1646-1647 гг. ⁵⁸ При этом сведений о поступлении в Казну подобной вещи до 1663 г. из других источников нами не обнаружено. Это позволяет связать появление в царской сокровищнице уникальной работы известного гданьского мастера, датируемой 1621-1644 гг., с визитом в Москву посла А.Киселя. В 1933 г. рукомой-верблюд был выдан в Антиквариат и затем продан на одном из аукционов.

Еще одно посольство, дары которого не зафиксированы в приходных казенных документах, посетило Москву в 1679 г. В период с 1679 по 1686 г. обмен посольствами между Россией и Польшей носил характер интенсивный, но обмен дарами приостановился. Причиной была внешнеполитическая ориентация польского правительства и личные амбиции короля Яна III Собеского⁵⁹. Во главе посольства 1679-1680 гг. нахо-Великого лился референдарь княжества Литовского К.Бростовский, вторым послом был хелминский воевода Я.Гнинский. Впервые после визита в Москву посла А.Песочинского в 1635 г., который не привез посылку от короля, к царскому двору не были направлены коронные дары⁶⁰. Москва отреагировала незамедлительно: И.А.Прончищев и Е.И.Украинцев, посланные царем Федором Алексеевичем в Варшаву в 1680 г., также ограничились своим челобитьем королю 61. Ситуация изменилась лишь в 1686 г.

Прием посольства Бростовского — Гнинского проходил несколько иначе, чем прежде. В этой связи уместно привести некоторые подробности приема во дворце. Впервые послов провели на аудиенцию к царю не через галерею Благовещенского собора, а по так называемой «середней» лестнице сразу на Красное крыльцо 62 , хотя, как обычно, на посольской церемонии, «дети боярские, дворовые люди и подячие в чистомъ платье» стояли не только вдоль открытых переходов крыльца, но и на паперти Благовещенского собо-

ра⁶³. Сама аудиенция проходила 3 августа не в Грановитой палате, где в XVII в. принимали всех польских великих послов, а в более скромном зале — Столовой избе⁶⁴. Отпуск послов проходил там же, причем с существенными отступлениями от правил: царь Федор Алексеевич был одет в обычную ферезею «серебряную», без барм, а вместо парадного венца на голове у него была шапка. Держава, как на приезде, так и на отпуске, размещалась на окне⁶⁵. Кроме того, дары послов впервые были вручены не на аудиенции.

1 сентября, то есть почти через месяц после первого приема, в Посольский приказ поступило письмо от послов со списком их даров: золотая чара «с подписью Василия Великого гдря и великого кнзя всеа Руссии и иных гдрствъ», янтарная чернильница и пара мушкетов от К.Бростовского, турецкий конь – от Я.Гнинского (конь был возвращен по причине его болезни)66. В тот же день чара была осмотрена: в посольской книге имеется запись от 1 сентября с ее описанием, включавшим полный титул великого князя Василия III, черневое изображение двуглавого орла с двумя коронами и резной вес в буквенном обозначении (1 гривенка и 11 золотников, что составляет 59 золотников) 67 . На следующий день, 2 сентября, состоялась необычная церемония вручения подарков. Послы направили во дворец двоих дворян из свиты, которых сопровождали пятеро гайдуков, принесших лары К.Бростовского. гайдуков привели трое Я.Гнинского. Последний был принят конюхами на площади у паперти Благовещенского собора и отправлен на конюшню; подарки первого посла принял думный дьяк Ларион Иванов на самой галерее, а по дороге в царские покои на Постельном крыльце они были освящены святой водой⁶⁸. В официальной дипломатической и казенной документации сведения о кроплении подарков нам более не встречались.

В тот же день подарки были распределены по хранилищам: чернильница отправилась в Казну, пищали — в Оружейную палату, а медвяная чарка — в приказ Большого дворца, где хранилась парадная посуда для буфетов-поставцов. Предварительно чарка была взвешена (59 золотников) и оценена по рублю золотник в Мастерской Серебряной палаты⁶⁹. Оценка остальных подарков была сделана на редкость быстро: памяти в Посольский приказ из Ору-

жейной палаты и Казенного приказа датированы 4 сентября. Приглашенный в казну торговый человек Юрий Кузьмин оценил чернильницу очень дорого для янтарной вещи — в 20 рублей, а один из лучших оружейников XVII в., замочник и ствольщик Григорий Вяткин, оценил пищали по 15 рублей каждая⁷⁰.

На наш взгляд, единственный сохранившийся в Оружейпамятник дипломатического визита палате 1680 г. – золотая медвяная чарка, принадлежавшая великому князю Василию III Ивановичу. Внешний облик чарки из коллекции русского художественного металла, включая резную надпись о принадлежности с полным титулом князя Василия III и гравированный на ручке вес в буквенном обозначении кириллицей (1 гривенка и 11 золотников, что составляет 59 золотников) идентичны описанию чарки и весу из посольской книги. Исключение составляет накладка с изображением двуглавого орла, которая упоминается в документах, но не имеется на чарке. Накладка была утрачена еще в XVII в., а на лне чарки сохранились следы от круглой мишени и небольшое углубление от крепежа. Как удалось установить, чарка до 1701 г. вместе с древней драгоценной посудой хранилась на Сытном дворе, бывшем в ведении приказа Большого дворца. В описи посуды, по которой проходила передача вещей с Сытного двора в Оружейную палату, она упомянута как челобитье посла К.Бростовского. Вес ее тогда составлял 57 золотников, отмечено также, что в 1685 и 1686 гг. она весила 56 золотников. Присутствие мишени с орлом в описи не отмечено, однако на следующем листе описаны отдельные круглые накладки с черневым изображением двуглавого орла и с весом 2-3 золотника. Разница в весе, гравированном на чарке и указанном в документах, также составляет два золотника. Это позволяет предположить, что уже к 1685 г. накладка была утрачена и хранилась отдельно⁷¹.

Привоз произведения русского мастера, тем более подписной вещи из сокровищницы Рюриковичей, является уникальным событием в истории дипломатических отношений России не только с Польшей, но и с остальными странами Западной Европы. Скорее всего, чарка была увезена из Москвы вместе с другими ценностями в период Смуты. В

дальнейшем она либо находилась в собственности семьи Бростовских, либо была куплена послом для подарка царю Федору Алексеевичу. Несмотря на неординарность подарка, жалование соболями послу было назначено обычное для польских дипломатов его ранга в XVII в. — оно вдвое превышало стоимость подарков.

Важнейшим событием политической жизни Европы стало подписание Вечного мира между Россией и Речью Посполитой в 1686 г. С его заключением Россия фактически стала участницей антитурецкой коалиции, сыгравшей значительную роль в борьбе с Османской империей 72. Для его подтверждения ко двору царей Ивана и Петра Алексеевичей прибыло пять полномочных представителей во главе с познанским воеводой Х.Гримултовским и канцлером Великого княжества Литовского М.Огинским. Впервые в русскопольской дипломатической практике XVII в. в царской сокровищнице остались подарки не только короля, но послов и всех участников аудиенции, проходившей в Грановитой палате 11 февраля. Данные о дарах содержатся только в трех списках из двух посольских книг по связям России с Польшей. По нашему мнению, появление в казне восьми серебряных предметов можно связать с визитом этого посольства. Для их идентификации необходимо обратиться к посольским книгам по связям со Швецией и Империей.

В 1684 г. в Москве побывали представители императора Леопольда I и шведского короля Карла XI и вручили царям подарки. Стокгольмский, венский и польский подарочные наборы, судя по описаниям из посольских книг, имели в своем составе некоторые сходные в размере, весе и декоре предметы⁷³. Одна из причин подбора почти аналогичных подарков заключается не только в универсальности придворной моды на серебряные изделия для стола и интерьера, но и в том, что репрезентативная посуда во второй половине XVII в. заказывалась европейскими дворами в основном в Аугсбурге у узкого круга модных златокузнецов. Так, все три комплекса включали рукомойные пары, составленные из большого блюда и кувшина-всадника, а в польский и императорский входили вазы для цветов. В составе польского коронного комплекса имелись традиционные в дипломатических привозах второй половины XVII в. массивные фляги с

навинчивающимися крышками, рукомойный прибор, а также новомодное многоярусное настольное украшение и вазы для цветов 74 .

Рукомойный прибор состоял из частично золоченой лохани с чеканными «человеческими личинами» на борте и частично золоченого рукомойника «с воином на коне». По сведениям ценовой росписи из посольской книги, вес лохани составлял 13 фунтов 63 золотника, а вес рукомойника — 7 фунтов 48 золотников. Таким образом, их общий вес равнялся 21 фунту 16 золотникам. В Оружейной палате хранятся два аугсбургских рукомойных прибора, один из которых выполнен Лоренцом Биллером (Lorenz Biller), а другой — его братом Альбрехтом Биллером (Albrecht Biller), оба датируются 1683-1684 гг. Гарнитуры из лохани и рукомоя близки по замыслу, способам воплощения, а также по размеру и весу. Параметры обоих гарнитуров близки в свою очередь и к приведенному выше весу предметов из польской посольской книги⁷⁵.

На блюде работы Л.Биллера изображен триумф победы над турками под Веной 12 сентября 1683 г.: император Леопольд восседает на троне в окружении придворных, а перед ним – коленопреклоненные турки. Считается, что этот комплект был привезен царю Петру Алексеевичу в дар от императора Леопольда I в 1684 г. послами Я.Жировским и С.Блюмбергом. В ценовой росписи из посольской книги по связям России с Империей не содержится веса и описания рукомойного комплекта. Олнако исслелователи обоснованно полагают, что выбор сюжета и требования к его художественной интерпретации, претворенные в данном произведении, могли исходить только от венского двора. Леопольд изображен на блюде как единственный победитель турок, а Яну Собескому отведена второстепенная роль – одетый в стилизованные античные доспехи он стоит в ряду курфюрстов подле трона⁷⁶.

События под Веной связаны прежде всего с историей Священной Римской империи и Речи Посполитой. Если один комплект из Оружейной палаты был привезен в дар от императора, то логично предположить, что второй, выполненный мастером А.Биллером, прибыл из Варшавы. Исследователи же полагали, что он был доставлен полномочными

представителями Швеции в 1684 или 1699 гг. 77 Вместе с тем русские архивные и опубликованные шведские документы о дарах из Стокгольма содержат подробности, исключающие такую возможность. В 1684 г. из Швеции прибыли три рукомойных прибора, один из которых состоял из блюда и рукомоя-всадника в античных доспехах. Данные о весе всех трех имеются в ценовой росписи из посольской книги: соответственно 17 фунтов 20 золотников, 13 фунтов 60 золотников и 9 фунтов 56 золотников⁷⁸. Комплект мастера А.Биллера тяжелее самого массивного из них почти на 4 фунта. В 1699 г. от короля Карла XII в числе очень богатых даров было прислано три всадника-рукомоя, один из которых входил в комплект из блюда и 12 ваз-рассольников, а два другие — в рукомойные гарнитуры, причем один из всадников был одет в средневековый доспех, а второй имел стилизованные античные доспехи⁷⁹. Судя по данным ценовой росписи из посольской книги, только первый всадник был взвешен в Казенном приказе отдельно: его вес на целый фунт меньше веса нашего. Два других всадника-рукомоя были взвешены вместе с лоханями: их общий вес 25 фунтов 12 золотников (на 4 фунта больше, чем наш комплект) и 14 с половиной фунтов (чуть меньше весит лохань из нашего комплекта)80. Таким образом возможность появления в Казне рукомойного гарнитура работы А.Биллера как подарка из Стокгольма в 1684 г. или в 1699 г. исключена.

Вместе с тем его вес и особенности художественного решения соответствуют данным о рукомойном комплекте из польских посольских книг 1685-1686 и 1686 гг. На блюде А.Биллера, как и на блюде Л.Биллера, запечатлен триумф победы под Веной, но в несколько иной художественной форме. Действие также происходит на сцене аллегорического «театра истории», но не в дворцовом зале, а в интерьере римской виллы, где лишь в некоторых деталях угадываются реалии конца XVII в.: в брошенных к трону трофеях и предметах вооружения можно узнать оружие потерпевших поражение турок и обеих армий-победительниц, реалистически интерпретированы костюмы коленопреклоненных турок и сидящей рядом с королем на троне его супруги. Образ монарха дан в обобщенной форме, в отличии от изображения на блюде из императорского подарочного комплекта он не

имеет черт портретного сходства с кем-либо из правящих тогда монархов. Всадник же из рукомойного комплекта отдаленно напоминает короля Яна Собеского.

Таким образом, свидетельства документов в сопоставлении с художественными особенностями и ювелирными данными экспонатов, анализ концепции произведений и особенности ее художественного воплощения достаточно убедительно доказывают польское происхождение рукомойного гарнитура работы А.Биллера и свидетельствуют о его появлении в кремлевской сокровищнице в 1686 г.

В числе коронных даров 1686 г. находились также серебряные, частично золоченые вазы для цветов. Данные о них из тех же посольских книг близки данным надписей, гравированным на обороте оснований двух ваз из собрания Оружейной палаты. Слово «ваза» в это время в России было неизвестно, вместо него употреблялись такие термины, как «цветник», «кружка на цветы», «кувшин на цветы». В ценовой росписи значатся два серебряных, частично золоченых «кувшина на цветы» весом 7 фунтов 72 золотников⁸¹.

Представленные в Оружейной палате вазы выполнены в мастерской Абрахама II Дрентветта (Abraham II Drentwett), известного аугсбургского мастера, работавшего совместно с братьями Биллер, и датируются 1685 г. На вазах, как и на рукомойной паре, присутствуют модные тогда атрибуты триумфальной победы над турками: орлы, форму которых имеют ручки ваз, когтят мусульманскую чалму. После поражения Османской империи знаменитые аугсбургские мастерские получали заказы на исполнение вещей, декор которых был связан с недавней победой. Предполагалось, что вазы привезли в 1684 г. послы императора Леопольда⁸². Действительно, так называемые «кружки на цветы» имелись среди его даров царю Петру и среди даров посла Х.Жировского царю Ивану. Точное прочтение городского клейма на вазах исключает такую версию: вазы не могли быть привезены в Россию в 1684 г., так как были изготовлены годом позже. Расхождение веса, обозначенного в посольской документации и на самих вазах, незначительно⁸³. Кроме того, они прошли маркировку в Казне в самом конце XVII в., и их сохранность к этому времени могла измениться (первоначально вазы были украшены множеством накладных деталей со слабым креплением, часть их могла потеряться). Не исключено также, что была допущена неточность при их взвешивании. Как и рукомойный комплект работы А.Биллера, два «цветника» из мастерской А.П Дрентветта входили в польскую коронную посылку 1686 г.

Посольские дары 1686 г. состояли из серебряных изделий, поднесенных первым послом, и коней в драгоценных уборах, приведенных остальными четырьмя дипломатами. Х.Гримултовский «ударил челом» государям парой напольных ваз весом 23 фунта 50 золотников и 24 фунта с букетами из искусственных цветов, а также парой кувшинов весом 19 фунтов и 18 фунтов 60 золотников. По нашему мнению, в Оружейной палате дар первого посла сохранился целиком.

Напольные вазы только что вошли в моду, поэтому в русском языке не нашлось соответствующего термина: в посольской книге они фигурируют под названием «два шандана, на них кувшины серебряные с цветами»⁸⁴. Шанданами в России называли односвечные подсвечники или высокие подставки. В коллекции польского художественного серебра имеются подобные образцы, выполненные мастером с клеймом «ВК» из г. Всхова, датируемые последней четвертью XVII в., с аналогичным же весом. Их подробное описание, сходное с данными из посольских книг, имеется в описи Казны 1690 г.⁸⁵ В описях 1663, 1676 и 1679 гг. подобных предметов не имеется, следовательно, они поступили на Казенный двор не ранее 1680-х. В числе даров из Вены и Стокгольма, а также среди закупок для Казны подобных предметов на значится. Таким образом, все это является достаточным основанием, чтобы причислить вазы к группе даров Х.Гримултовского.

Кувшины из Оружейной палаты, которые следует связать с его же визитом, являются произведениями гданьского мастера Христиана Паульзена (Christian I Paulsen) 1630-1650-х гг. 86 Аналогичный кувшин из рукомойного прибора работы того же мастера был привезен в дар от короля в 1667 г. Как отмечалось выше, данные посольских и казенных документов не подтвердили мнение А.Фишенгера о появлении кувшинов в Москве в 1667 г. Но в 1686 г. посол Х.Гримултовский подарил царям парные кувшины, вес и

описание которых соответствуют не только сведениям из соответствующих посольских книг по связям с Польшей, но и данным описи Казны в 1690 г., где кувшины упомянуты впервые, а также описи 1721 г. 87 Кроме того, столь солидные польские произведения из серебра наиболее вероятно могли попасть в Казну как дары из Речи Посполитой.

Дары остальных четырех послов представляли собой коней с нарядами. Конские уборы, известные по описи Конюшенной казны 1706 г., частично сохранились в Оружейной палате⁸⁸. Как отмечалось выше, в 1686 г. впервые были оставлены в казне дары дворян и участников аудиенции. Что касается привезенной серебряной посуды, то в собрании музея представлены практически все типы известных в документах изделий: небольшие блюда, кувшины, подсвечники и настольные фонтаны. Идентифицировать их по данным посольских книг пока не представляется возможным.

Итак, введение в научный оборот списков подарков, сохранившихся только в посольских документах по связям с Польшей второй половины XVII в., позволяет выяснить или уточнить обстоятельства появления в сокровищнице одиннадцати серебряных изделий известных западноевропейских мастеров. Посольские книги по связям России с Польшей содержат разнообразную информацию об обстоятельствах дарения, перемещения даров в кремлевских казнохранилищах, о взаимоотношениях причастных к приему дипломатов государственных ведомств, а также данные об оценке привозов, позволяющие более объективно судить о ее методике. Сведения о дарах из посольской документации дают возможность сравнивать вкусы дарителей и царского двора, оценивать представления о красоте и моде в кругу царской семьи. Некоторые посольские книги являются уникальными источниками по истории складывания Казны, поскольку информация о дарах не дублируется в других документах из-за утрат в архивах Казенного приказа и Оружейной палаты.

Историческое Описание древнего российского музея под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающегося. Ч. 1. М., 1807; *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М., 1992. О его сочинениях см.: *Долгова С.Р.* Алексей Федорович Малиновский // *Малиновский А.Ф.* Обозрение Москвы. М.,

- 1992. С. 220-222; *Файбисович В.М.* А.Н.Оленин и Оружейная палата // Сокровища России. Музей «Московский Кремль» вчера, сегодня, завтра: Тезисы докладов научной конференции (13-15 мая 1997 года). М., 1997. С. 11-12.
- ² Вельтман А. Московская Оружейная палата. М., 1844. С. 125-128, 135-139, 144, 146.
- ³ Древности Российского государства. М., 1849. Отд. IV.
- ⁴ Опись Московской Оружейной палаты. М., 1884-1893. Ч. I-X.
- Martin F.R. Schwedische konigliche Geschenke an russische Zaren 1647-1699. Silberchatze in der kaiserlichen Schatzkammer zu Moskau. Stockholm, 1900.
- 6 Martin F.R. Danische Silberschatze aus der zeit Christians IV aufbewahrt in der kaiserlichen Schatzkammer zu Moskau. Stockholm, 1900.
- Ohristian IV's Royal Plates. // Mogens Bemcart. Catalogue by Markova G.A. Rosenborg, 1988.
- 8 Silverskatter fran Kreml. Svenska regenters gavor till tsaren under stormaktstiden. Stoskholm, 1997.
- ⁹ *Pelka O.* Bernstein. Berlin, 1920.
- 10 Гольдберг Т.Г. Из посольских даров XVI-XVII веков: Английское серебро // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
- Англичане в Москве времен Бориса Годунова (по документам посольства Т.Смита 1604-1605 годов) / Подгот. М.С.Арел (Провиденс, США), С.Н.Богатырев (Хельсинки, Финляндия) // Археографический ежегодник за 1997 год. М., 1997.
- 12 Oman Ch. The English Silver in The Kremlin, 1557-1663. London, 1961.
- English Silver Treasures from The Kremlin. London, 1991. 93-96, 100, 103-104, 106-108.
- 14 Денисова М.М. Конюшенная казна. Парадное конское убранство XVI-XVII вв. // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.
- Подробную библиографию экспонатов Оружейной палаты, привезенных в дар из Речи Посполитой, см.: Scarby Kremla. Dary Rzeczypospolitej Obojga Narodow. Warszawa, 1998. 16-38, 40, 49-51, 53-56.
- 16 Отказы от даров литовских посланников по причине нежелания великого князя литовского, а позже и королей объединенного государства признать царский титул Ивана IV зафиксированы в документации миссий 1551, 1552 (см.: Сб. РИО. Т. 35. С. 350, 356), 1563 (см.: Там же. Т. 71. С. 183) и 1593 гг. (См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 23. Л. 236). О практике возврата даров в XVI в. см.: *Юзефович Л.А*. Как в посольских обычаях ведется. М., 1988. С. 52-53.
- Так, например, дары дворян были приняты лишь дважды: частично в 1679 и полностью в 1686 г. Дары послов были отвергнуты целиком в 1635, 1647, 1649 и 1651 гг.; частично приняты в 1645, 1646, 1671 и 1679 гг.; полностью приняты в 1667, 1680 и 1686 гг.

- ¹⁸ См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 15. Л. 225-225 об. Вопрос о царском титуле Ивана Грозного актуализировался накануне и на первом этапе Ливонской войны, затем был поставлен на переговорах 1581-1582 гг. в Яме Запольском. Возможно, письменное согласие канцлера Великого княжества Литовского именовать Ивана IV царем «казанским и астраханским» в договорной грамоте стало причиной посылки в Польшу царских даров. См.: Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою. СПб., 1904. С. 291-293. Посол Л.Сапега прибыл в Кремль сразу после кончины царя Ивана Грозного и до венчания на царство его сына Федора Ивановича 31 мая 1584 г. не мог получить аудиенцию. Посол был принят в июне и в соответствии с королевскими инструкциями вручил подарки новому царю. Такому решению короля Стефана, вероятно, способствовало заявление русского правительства о готовности подтвердить мирный договор 1582 г. и распоряжение царя Федора отпустить всех польско-литовских пленных по случаю его венчания на царство. См.: Флоря Б.Н. Русскопольские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978. С. 126.
- 19 Предположение о привозе полного доспеха работы Кунца Лохнера. храняшегося в Оружейной палате, впервые высказал Л.П.Яковлев. См.: Опись. 1884. Ч. 3. Кн. 2. 4723, 5179. См. также: Яблонская Е.А. Парадное вооружение // Сокровища Кремля. Посольские дары. М., 1996. С. 118, ил. 106. На наш взгляд, возможность сохранения подобной вещи в период Смуты и тотального разорения сокровищницы в Кремле мало вероятна.
- См.: Яблонская Е.А. Указ. соч. С. 121, илл. 107-109. Дары 1591 г. были очень богаты и разнообразны по составу, но включали посольские и дворянские «челобитья». Дворяне П.Сапега и М.Белявский подарили царю по золоченому «шелому». См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 20. Л. 274 об., 276. Уникальный шлем из Оружейной палаты слишком необычен по форме и декору для конца XVI в., чтобы остаться без описания в списке, который сохранился в посольской книге. Кроме того, подобный шлем — неуместно дорогой подарок от дворянина из свиты.
- *Вельтман А.Ф.* Указ. соч. С. 158.
- 22 Необходимость регулярно чистить серебряные изделия для представления на парадных буфетах дворца во время торжественных обедов привела к тому, что надписи стерлись. Воспроизведение надписей см.: Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 885, 889, 927, 1198, 1920.
- ²³ Изображение надписей см.: Scarby Kremla... 18, 20, 21.
 ²⁴ Воспроизведение надписей см.: Опись. 1884. Ч. 1. Кн. 1. 1469, 1496. С приездом посла К.Паца ошибочно связывался еще один кубок без надписей. См.: Маркова Г.А. Памятники золотого и серебряного дела // Сокровища Кремля. Посольские дары. М., 1996. С. 82, илл. 73-77. В документах Посольского и Казенного приказов, связанных с визитами послов из Польши в

- XVII в., не обнаружено кубков с близким весом и подобным описанием.
- ²⁵ Изображение надписей см.: Scarby Kremla ... 27-29, 30-33.
- ²⁶ Изображение надписей см.: Там же. 19.
- 27 См.: Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1910.
- 28 Scarby Kremla ... 23-24. Предположение о привозе кувшина в 1651 г. высказывала Е.И.Смирнова, не приводя ссылки на документы.
- ²⁹ Воспроизведение надписи см.: Scarby Kremla ... № 26.
- 30 См.: Fischenger A. Christian Paulsen i Jan Polmann, ziotnici gdanscy XVII wieku // Biuletin Historii Sztuki. Warszawa, 1983. 3-4. S. 318; Рашкован Н.В. Памятники дипломатических связей России с Польшей и Швецией // Государственная Оружейная палата. М., 1990. С. 86. Есть основание связывать появление в Казне этих кувшинов с визитом польских послов в 1686 г.
- 31 См.: *Викторов А.* Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584-1725. М., 1877. Вып. 1. С. 1-186.
- 32 В приходной книге за этот год зафиксированы подношения представителей придворной аристократии, купечества, приказных служащих и посадских людей царю Алексею Михайловичу по случаю его венчания на царство. См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 163.
- 33 Об ошибках в описи Казны 1663 г. см.: Смирнова Е.И. Новые данные о поступлении в XVII в. немецкого художественного серебра в кремлевскую сокровищницу // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. В списках даров из посольской книги и приходной книги в Казну отсутствует пищаль (см.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Ч. 2. 1644 г. 1. Л. 94-100; Ф. 396. Оп. 2, Ч. 1. Д. 161. Л. 133 об.-158 об.). Однако Л.П.Яковлев обнаружил упоминание о ней как о подарке от королевича Вальдемара в 1644 г. в описи Оружейной палаты 1686 г. См.: Яблонская Е.А. Указ. соч. С. 136-141, илл. 122. Возможно, пищаль является частным подарком жениха царевны Ирины Михайловны, сделанным в неофициальной обстановке.
- ³⁴ Рогожин Ĥ.М.Обзор посольских книг из фондов коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV начала XVII в.) М., 1994; Он же. Россия XVI—XVII вв. в системе международных отношений западноевропейского региона (по материалам посольских книг) // Россия в мировом политическом процессе: Материалы второй научно-теоретической конференции. М., 1997. Он же. Культура и вероисповедание: посольский диалог средневековья // Россия XXI век. М., 1997. 1-2. С. 104-111.
- Первый подарочный комплекс, направленный от мазовецкого князя Конрада Рыжего князю Ивану III, упомянут в документации Посольского приказа 1493 г. См.: Сб. РИО. Т. 35. С. 90. Это единственный источник информации о подарках посольства. В списке даров нет упоминаний о декоре подарков, поэтому пока не удалось подтвердить мнение Л.А.Юзефовича об отделке рогатины из этого дара золотом. См.: *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 48.

- 36 Записи о дарах дипломатов из Литвы известны по столбцам и книгам Посольского приказа с 1543 г. Всего в книгах XVI в. сохранилось тринадцать кратких списков даров, включая коронную посылку 1584 г. См.: Сб. РИО. Т. 59. С. 215, 266, 335, 350, 365, 491, 532; Т. 71. С. 166; Т. 137. С. 419; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 15. Л. 9-9 об., 225 об.; Д. 20. Л. 273-276 об.; Д. 22. Л. 353-353 об.; Д. 23. Л. 181 об.
- В книгах приездов великих послов 1634-1636 гг. (см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 14 об.-17); 1644-1646 гг. (Там же. Д. 68. Л. 142 об.-147 об.); 1646-1647 гг. (Там же. Д. 72. Л. 341 об.-342, 941-943 об.); 1647-1648 гг. (Там же. Д. 74. Л. 129-134, 277 об.-280); 1649 г. (Там же. Д. 76. Л. 129-134, 247-249 об.); 1651 г. (Там же. Д. 80. Л. 104 об.-108 об., 461-471); 1667 г. (Там же. Д. 115. Л. 295 об.-296, 299-301, 317 об.-323; Д. 116. Л. 206-207об.); 1671 г. (Там же. Д. 141. Л. 203-2006., 21806.-22406., 445-445 об.); 1677-1678 гг. (Там же. Д. 186. Л. 475-482, 486-487, 966-972 об.); 1679-1680 гг. (Там же. Д. 192. Л. 514-518, 631-633, 913-914, 943-945); 1680 г. (Там же. Д. 199. Л. 396 об.-397 об., 399 об.- 400 об., 591-591 об., 593 об.); 1685-1686 гг. (Там же. Д. 223. Л. 447-449 об., 457 об.-465; Д. 224. Л. 475 об.-482 об., 830-832 об., 842-845 об.).
- ³⁸ Первый список-перевод сохранился в книге приезда посла Адама Киселя 1646-1647 гг. (см.: РГАДА. Ф. 79. Д. 72. Л. 341 об.-342). Списки-переводы имеются также 1667 г. (Там же. Д. 115. Л. 317 об.-323); 1671 г. (Там же. Д. 141. Л. 203-206 об.); 1679-1680 гг. (Там же. Д. 223. Л. 514-514 об.); 1680 г. (Там же. Д. 199. Л. 396 об.-397 об.); 1686 г. (Там же. Д. 223. Л. 447-449 об.).
- ³⁹ Списки этого вида сохранились в документации следующих великих посольств: 1634-1636 (см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30. Л. 14 об.-17); 1644-1646 гг. (Там же. Д. 68. Л. 142 об.-147 об.); 1647-1648 гг. (Там же. Д. 74. Л. 129-134); 1649 г. (Там же. Д. 76. Л. 129-134); 1651 г. (Там же. Д. 80. Л. 104 об.-108 об.); 1667 г. (Там же. Д. 115. Л. 295 об.-29 об., 299-301); 1671 г. (Там же. Д. 141. Л. 218 об.-224 об.); 1677-1678 гг. (Там же. Д. 186. Л. 475-482); 1685-1686 гг. (Там же. Д. 223. Л. 457 об.-465).
- ⁴⁰ Впервые такая формулировка встречается в документах литовской миссии 1536 г. См.: Сб. РИО. Т. 59. С. 44.
- 41 См.: Сб. РИО. Т. 71. С. 197. Речь идет о подарках посольства от короля Сигизмунда-Августа 1563 г. Аналогичные формулировки встречаются и позже, например, в документах посольства Крыйского-Сапеги в 1578 г. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 10. Л. 338.
- Подарки, привезенные польскими великими послами, зафиксированы в приходных книгах в казну 1634-1635 гг. (см.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 152. Л. 67 об.-69 об.); 1644-1645 гг. (Там же. Д. 162. Л. 168-176 об.); 1647-1648 гг. (Там же. Д. 164. Л. 86-91 об.); 1650-1651 гг. (Там же. Д. 166. Л. 104 об.-108 об.); 1667-1668 гг. (Там же. Д. 184. Л. 31-37); 1671-1672 гг. (Там же. Д. 188. Л. 35-40); 1677-1678 гг. (Там же. Д. 194. Л. 39-47 об.). Известен случай передачи привезенных в дар от послов в 1679 г. золотой чарки непосредственно в приказ Большого дворца, а двух пища-

- лей в Государеву Оружейную палату, минуя Казну (Там же. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 192. Л. 516 об.).
- 43 Памяти из Конюшенного приказа сохранились в книгах приездов польских великих послов 1646-1647 (см.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 72, Л. 942-942 об.); 1647-1648 гг. (Там же. Д. 74. Л. 279-279 об.); 1649 г. (Там же. Д. 76. Л. 251-255. В Конюшенном приказе, минуя Казну, оценивались не только кони и карета, но и весь конский убор); 1667 г. (Там же. Д. 116. Л. 206 об. Карету и возников в уборе ценили «коретных и шлейных дел мастера и золотописцы и оконщики»); 1677-1678 гг. (Там же. Д. 186. Л. 486 об.-487. Карету также ценили мастера каретных дел, обойщики, золотописцы, узду ценили шлейных дел мастера, а возников — «барышники», то есть торговцы лошадьми); 1680 г. (Там же. Д. 199. Л. 399 об. Оценщики – те же специалисты); 1685-1686 гг. (Там же. Д. 224. Л. 481 об.-482 об.).

Самая ранняя казенная роспись даров сохранилась в архиве Посольского приказа в документации английской миссии Т.Смита 1604-1605 г. См.: Англичане в Москве времен Бориса

Годунова С. 451-454.

Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. // Из истории международных отношений в Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 4.

См.: Опись 1884. Ч. 2. Кн. 3. 2456. Список даров польского посольства 1644-1646 гг. см.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 162.

Л. 168-176 об.

Д.Н.Бантыш-Каменский рассматривает посольство А.Киселя и К.Паца как общее. См.: Бантыш-Каменский Д.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1897. Ч. III. С. 125.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 155. Л. 107.

⁴⁹ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 80. Л. 466-466 об.

Там же. Д. 72. Л. 1 об.

Там же. Л. 132 об.-133 об., 229 об.

На рукомойной паре из Оружейной палаты, гравирован герб семьи Радзивиллов и надпись о принадлежности виленскому воеводе в 1635-1640 гг. К.Радзивиллу. Изображение надписи и герба см.: Scarby Kremla ... 21-22. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 72. Л. 320-323.

54 Там же. Л. 942, 950.

Там же. Л. 341 об.

Там же. Л. 941-942.

Утверждение, что оценка даров в Казне производилась исключительно по весу серебра, независимо от качества работы мастера-серебряника, слишком категоричное. См.: Юзефович Л.А. Указ. соч. С. 52. Качество обработки металла, плотность золочения имели значение при оценке каждого фунта веса изделия из серебра. Данный пример – не единственный.

См.: Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1911.

См.: История внешней политики России. Конец XV-XVII век: (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. C. 337-339.

60 Сам характер миссии 1634-1635 гг., целью которой было подтверждение Поляновского мира, зафиксировавшего результаты проигранной Россией Смоленской войны, исключал возможность посылки коронных даров. Дары послов и дворян не были приняты царем. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 50. Л. 14-14 об.; Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 152. Л. 68 об.-69.

61 Там же. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 199. Л. 278-278 об.

- 62 Об использовании «середней» лестницы, которая вела с Соборной площади прямо к Красному крыльцу, минуя галерею Благовещенского собора, только для приемов дипломатов нехристианского вероисповедания см.: *Юзефович Л.А.* Указ. соч. С. 92.
- 63 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 192. Л. 204 об.-205.

⁶⁴ Там же. Л. 206.

65 Там же. Л. 899. Ферезея — вид придворной униформы из драгоценной ткани, которую носили все участники посольских аудиенций в интерьерах дворца.

⁶⁶ Там же. Л. 514-514 об.

- 67 Там же. Л. 515. Осмотр приставами подарков перед аудиенцией обычная процедура, но в приказную делопроизводственную документацию сведения об этом обычно не включались. В данном случае это, по-видимому, связано с подарком особой значимости для московского двора.
- ⁶⁸ РГАДА. Л. 515 об.-516.
- ⁶⁹ Там же. Л. 516 об.
- 70 Там же. Л. 631-633.
- 71 Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 12. Л. 6.

72 История внешней политики ... С. 339.

⁷³ Списки даров от шведского короля см.: РГАДА. Ф. 96. Оп.1. Ч. 1. Д. 116. Л. 353-353 об., 356, 374 об.-378, 389-392. Списки даров императора см.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Ч. 1. Д. 30, Л. 467 об.-470 об., 595 об.-598.

⁷⁴ Там же. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 223. Л. 497-497 об.; Д. 224. Л. 477-477 об.

75 На оборотной стороне блюда и всадника-рукомоя работы Л.Биллера гравирован в буквенном обозначении кириллицей вес соответственно 13 фунтов 22 золотника и 8 фунтов. Надписи воспроизводятся: Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1193, 1913.

- ⁷⁶ См.: Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1193, 1913. О сюжете подробнее см.: *Маркова Г.А.* Памятники дипломатических сношений России и Австрии в Оружейной палате Московского Кремля // Славяно-германские культурные связи. М., 1969. С. 339; Silber und Gold. Goldschmiedekunst für die Hofe Europas. Katalog. München, 1994. Bd. II. S. 196-200. № 32.
- ⁷⁷ См.: Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. № 1192, 1916; *Martin F.R.* Schwedische Konigliche ... Р. 1. 32.
- ⁷⁸ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Ч. 1. Д. 116. Л. 389 об.-390.

⁷⁹ Там же. Ч. 2. 1699. № 2. Л. 418, 428-429.

- ⁸⁰ Там же. Л. 538-539. См.: *Martin F.R.* Schwedische Konigliche ... S. 23. XV.
- 81 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 224. Л. 477.

82 См.: Древности ... Отд. IV. С. 83-84; Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1980, 1981; *Маркова Г.А.* Указ. соч. С. 340-341.

83 Гравированный на дне вес соответственно 7 фунтов

54 золотника и 7 фунтов 63 золотника.

- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 1. Д. 223. Л. 447 об, 461; Д. 224. Л. 477 об.-478.
- 85 Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1975, 1976. Гравированный на дне вес соответственно 23 фунта 54 золотника и 24 фунта.
- 86 Гравированный на дне вес соответственно 18 фунтов 32 золотника и 18 фунтов 25 золотников. Опись. 1884. Ч. 2. Кн. 2. 1174, 1175.
- 87 РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 13. Л. 112 (в 1690 г. кувшины весили по 18 фунтов 48 золотников); Д. 18. Л. 71 об.-72 (в 1721 г. кувшины весили 18 фунтов 34 золотника и 18 фунтов 42 золотника; отмечено наличие на кувшинах чернильной надписи с указанием веса по 19 фунтов каждый, а также утрата навершия в виде «яблока». Так могли назвать завершение в виде шишки, отмеченное в списках из посольских книг 1685-1686 и 1686 гг. В настоящее время завершения крышек на кувшинах отсутствуют).
- 88 См.: Scarby Kremla ... 53-58.

СТРУКТУРА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

Вопрос о структуре государственных учреждений Московского государства исследовался на материалах второй половины XVII в., в том числе Посольского приказа, в общих чертах рассмотрен С.А.Белокуровым. Он установил, что повытья, которые он сравнил по их функциям с департаментами министерства. «существовали в самом начале второй половины столетия (XVII. – E.K.)», поскольку первое обнаруженное им упоминание о них относится к 1654 г. Есть данные, в которых С.А.Белокуров усматривал «намек на существование повытий в 1647 году»; он даже допускал, что они были в первой половине XVII в. 1 Проведенное исследование показало, что его предположение верно, и в приказе действительно функционировали своеобразные «отделы». Правда, какого-либо определенного постоянного названия этих «отделов» не встречается, но существование их не вызывает сомнений. В документах Посольского приказа в четырех случаях эти структурные единицы названы столами.

Первый раз название «стол» в значении приказного «отдела» встречается во второй половине 1633 г.: «У Родиона же Юрьева отчол Помесного приказу подьячей Иван Прикаскин его же Родионова столу тысечю четыреста рублев»². Примерно к этому же времени относится и другое упоминание о столах. «Лета 7142, сентября в 15 день. Взять для жалованья в месячной корм для солдат под Смоленск. ... Григорьева столу Львова 798 рублев 22 алтына и отдать подьячему Гарасиму Степанову»³, «да Григорьева столу Львова четыреста девятнадцать рублев двацать шесть алтын три деньги да четыреста пятьдесят два рубля, которые остались от немецких кормов у подьячего у Третьяка Никитина»⁴. «У подьячево у Олексея Корепанова отчол Помесново приказу подьячей Герасим Степанов ево Олексеева приходу Денег две тысечи восмьсот один рубль одинатцать алтын две денги⁵. «У Олексея Корепанова еечо Холпья приказа подьячей Юрьи Тютчев отчол пятсот рублев ... У подьячево у Родиона

Юрьева отчол подьячей Юрьи Тютчев ево Родионова прииму тысчу семьсот рублев. Да у Родиона ж принял подьячей Герасим Степанов его ж Родионова приему триста двацать восмь рублев шесть алтын пять денег да четыреста пятьдесят два рубля, которые остались от немецких кормов у подьячего у Третьяка Никитина»⁶. Из этой выдержки можно понять, что в 1633 г. в приказе было четыре организационных компонента, которыми руководили подьячие Г.Львов, А.Корепанов, Р.Юрьев, Т.Никитин. В мае 1640 г. встречается еще одно упоминание о столе: отписка ливенского воеводы о возвращении заемных денег крымских арбачеев находилась «у подьячево у Олексея Корепанова в Крымском столе»⁷. Далее структурные компоненты приказа мы будем условно называть «отделами». Вышеперечисленные лица являлись старыми подьячими: все они составляли на тот момент «большую» статью, которая никого из чиновников, кроме них, в себя не включала. Вероятно, лица, ведавшие в приказе «департаментом»-столом (в 1633-м – Р.Юрьев и Г.Львов), действительно вели в помещении ведомства отдельный стол. за которым работали; остальные сидели за общим столом. Термин «повытье» не встречается ни разу. Таким образом, подтверждается мнение С.А.Белокурова о существовании в Посольском приказе каких-то организационных компонентов, но мы не можем с полной уверенностью их назвать. Далее мы будем условно именовать их «отделами».

Учитывая, что подьячих второй и третьей статей в приказе было 9, можно предположить, что каждый «отдел» состоял из 3-4 служащих. В 1644-1645 гг. число «старых» подьячих оставалось неизменным — 4, а количество служащих в «меньших» статьях возросло до 16-18 человек, соответственно увеличился штат «отделов».

По-видимому, в составлении наказов посольствам участвовали подьячие того «отдела», который ведал связями со страной, в которую это посольство снаряжалось. Правда, их участие было только техническим и состояло в переписывании материалов наказа. Так, черновик наказа для великого посольства А.М.Львова в Речь Посполитую в 1644 г. переписывали четыре подьячих: И.Хоненев (средний)⁸, Ф.Кашкин (молодой)⁹, С.Михайлов-Ушаков (молодой)¹⁰, О.Дмитриев (средний)¹¹. Видимо, эти лица составляли «отдел» Т.Василь-

ева-Никитина, в котором находились польские дела. Они могли осуществлять курьерскую связь с дипломатическими миссиями, если дело касалось особо важных документов, посольства находились в пределах Московского государства. О.Дмитриев 31 мая 1644 г. нагнал посольство А.М.Львова по Можайской дороге и отдал ему «верющую грамоту» и тайный наказ¹². В обязанности молодых подьячих входила переписка приказной документации; служащих младшей группы «меньшой» статьи именовали «пищиками». Так «пищиками» названы Е.Родионов-Юрьев и И.Мартынов¹³ в первый год после поступления на службу.

Все 11 подьячих первой статьи, служившие в Посольском приказе в 1613-1645 гг., справляли памяти и выписи по делам, касавшимся снаряжения дипломатических миссий за рубеж, выплаты жалованья их участникам и служащим приказа. Иногда справы делали и средние подьячие, но крайне редко. Так, средний подьячий М.Фокин, прослуживший во второй статье более 20 лет и до самой смерти не получивший повышения, оставил три справы, причем все три относятся к последнему году его жизни. По-видимому, ко второй статье принадлежал и подьячий А.Лукин, но он справил документ только один раз¹⁴. Таким образом, по справам старых подьячих можно определить специализацию «отделов», которыми они руководили.

Кроме того, в записных и приходно-расходных книгах Посольского приказа есть упоминания о передачи тех или иных дел в ведение разных подьячих.

Наконец, в опубликованных Описях архива Посольского приказа 1626 и 1673 гг. встречаются упоминания о личных архивах старых подьячих-ящиках с документацией, проходившей через их руки, описанной после их смерти или отставки: «Столп росходной Третьека Васильева о ево сиденье со 152-го году декабря по 1-е число 154-го году», «столпик, а в нем счетные списки подьячего Третьяка Никитина 152-го, и 153-го, и 154-го годов»; ящик, в котором «после смерти подьячего Алексея Корепанова взято у него каких дел»; «столп росходной розных годов по 152 год Михаила Волошенинова» 15. Анализ данных Описей — это еще один способ установить имена руководителей «отделов» и определить круг вопросов, готовившихся в этих «отделах». Он дает воз-

можность проверить данные архивных источников. При этом необходимо учитывать время службы того или иного чиновника.

Что же касается подьячих двух других статей, то им поручалась механическая переписка текстов «на образец» при составлении наказов для русских посольств, отбывающих за рубеж, или при приеме иностранных миссий. Самых молодых (по возрасту) и низкооплачиваемых служащих «меньшой» статьи именовали «пищиками». Так «пищиками» названы Е.Родионов-Юрьев, И.Клавышев, И.Мартынов в первый год после поступления в Посольский приказ; все они имели оклад до 8 рублей. Отбор информации могли осуществлять старые подьячие, иногда даже «чужих» «отделов»: речи приставов при приеме датского посла М.Юла готовили Д.Одинцов и Т.Никитин — оба чиновники «большой» статьи; редактировали наказы думные дьяки.

На 10-е годы XVII века (с 1613 г.) удалось обнаружить справы только трех подьячих — А.Шахова, И.Зиновьева, Я.Лукина. В 1620 г. первые двое составляли «большую» статью, третьего, получавшего оклад 30 рублей, можно причислить к средней статье. В эти годы в первой статье служил также М.Матюшкин, но его тогдашних справ не обнаружено, что можно объяснить скудостью документации, оставшейся от этого периода. По той же причине — недостаток и отрывочность информации в немногих сохранившихся делах тех лет — проблематично определить, чем заведовал А.Шахов, а чем — И.Зиновьев.

Первый подьячий приказа Иван Зиновьев в 1617 г. справил выпись о придаче оклада северским детям боярским, ездившим в Литву с поручением о сборе вестей и размене пленных¹⁷, в 1618 г. — о жалованье тем же северским детям боярским¹⁸; в том же году сделал справу о жалованье рязанскому служилому человеку¹⁹. Не позднее декабря 1619 г. он выбыл из приказа. Из этих скудных данных можно сделать вывод, что одним из вопросов, подведомственных И.Зиновьеву, были польские дела.

Алексей Шахов с 1618 по 1627 г. шел первым по списку старых подьячих. В 1618 г. справил дела о награде немецким (шведским) полонянникам за выход 20 , о жалованье для гонцов из Пскова 21 ; о государевом жалованье переводчикам в

Старой Руссе²²; о жалованье старорусским дворянам за различные службы²³, о жалованье новгородским дворянам Обонежской пятины²⁴. 11 ноября 1619 г. он справил память о жалованье тулянину В.Ф.Сухотину за выход из плена²⁵. В марте 1623 г. сделал справу по запросу из приказа Большого прихода о доходах с города Елатьмы²⁶. 19 января 1620 г. — о жалованье вдовам турецких полонянников²⁷, 5 октября 1623 г. о придаче жалованья гонцу в Персию И.Брехову²⁸.

Таким образом, о компетенции А.Шахова можно составить более полное представление, чем об обязанностях И.Зиновьева. К ней относилась, по-видимому, техническая подготовка вопросов, связанных с управлением северными районами страны; в «отделе» А.Шахова обрабатывались материалы по связям со Швецией, Турцией, Персией.

Есть и другие источники, позволяющие судить о специализации Шахова. В архиве Посольского приказа хранился ящик, в котором «у подьячево у Олексея Шахова после ево, как он послан на Унжу, осталося дел: выписки кто прежде ездил послами в Польшу и их титулы и государево жалованье; список грамоты Лжедмитрия I Борису из Киева; грамота 2 января 113 г. от Гермогена воеводам; выписки о литовских гонцах; выпись о послах с 92 по 107 год; кто бывал в ответе с 74 по 113; список с ответу, каков дан Поснику Огареву в Литве.

Да у Олексея ж в ящике дела сверх его росписи: Выпись с 69 по 109 год «кого посылали в ответ литовским, цесарским и английским послам. Переговоры с Жолкевским о крещении королевича. Связочка всякой розни»²⁹.

Итак, сопоставив данные архивных материалов и данные Описи, можно сделать вывод, что круг вопросов, подведомственных А.Шахову, был весьма широким: через его «отдел» проходила документация об отправке дипломатических миссий в Польшу (эта обязанность перешла к нему от «выбылого» И.Зиновьева). Шахов также готовил данные для переговоров с Англией и Габсбургским домом, со Швецией, Турцией, Персией. Может показаться сомнительным, что связи почти со всеми основными контрагентами русской дипломатии были сосредоточены в руках одного чиновника, но в начале 1620-х годов в Посольском приказе было только три старых подьячих с окладом выше 30 рублей, имевших

право делать справы (М.Матюшкин, А.Шахов, Т.Никитин), и объем работы, возложенной на каждого из них, был несколько больше, чем у справных подьячих 1630-х — 1640-х годов. В 1627 г. Шахова сослали в Уржум.

В документах 1620-х годов обнаружены справы только одного подьячего — М.Г.Матюшкина. Этот чиновник появился в Посольском приказе не позднее 1616 г. и в 1624-м был пожалован в дьяки. Еще в 127 (1618/1619) г. он брал деньги из Устюжской чети — 30 рублей «на избные расходы» 30. В апреле 1624 г. справил о жалованье кречетникам и сокольникам, едущим в Крым 31, летом 1622 г. — об окладах толмачам при приеме на службу нового толмача И.М.Иевлева и о жалованье татарам-новокрещенам 32. Обе справы сделаны незадолго до того, как Матюшкин получил повышение. Таким образом, можно предположить, что этот подьячий отвечал за службу толмачей и переводчиков, служилых татар, ведал хозяйственными делами приказа («избными расходами») и сношениями с Крымским ханством.

О работе отделов приказа в 30-х — первой половине 40-х гг. XVII в. документы позволяют судить более определенно.

Львов Григорий Васильевич. Зачисленный в Посольский приказ в 124 (1613/1614) г., он впервые упоминается с окладом старого подьячего в 1631 г., но не вызывает сомнений, что перешел в этот разряд значительно раньше. 25 апреля 1637 г. Львов стал дьяком.

В Описи архива Посольского приказа сообщается, что в ящике «у подьячего у Григорья Лвова» лежали «книги государевы радости» — бракосочетаний Михаила Федоровича с М.В.Долгорукой и Е.Л.Стрешневой³³, переписка с Д.Чаплиным, приставом при М.Хлоповой в Нижнем Новгороде³⁴. Там есть также «отпуск» и «опасная грамота» для англичанина А.Ди (Дия), направленного в Англию «для государева тайново дела», роспись государева жалованья татарамновокрещенам, подготовленная для крещения Я.К.Черкасского и В.Я.Сулешева, и судное дело романовских посадских людей. Все эти дела относятся к 1624 -1627 гг.³⁵

Он справил об окладе голландскому переводчику Б.Богомольцеву в октябре $1628 \, \text{г.}^{36}$; 19 июля $1631 \, \text{г.}$ о жалованье новокрещенам и Салтан-мурзе Шейдякову³⁷; о жалованье

для службы в Швеции³⁸; о жалованье переводчику И.Рехтыреву, посланному «для толмачества неметпких ратных людей на Белую»³⁹; о жалованье всем подьячим на пасху $1632 \, {\rm r.}^{40}$ и о жалованье старых подьячих для сверстания с ними Р.Юрьева⁴¹; память в Большой приход о выдаче пособия погорелым подьячим 16 августа $142 \, (1634) \, {\rm r.}^{42}$; о том, сколько кому дано на пасху 1 апреля $1632 \, (140) \, {\rm r.}^{43}$; о вознаграждении кузнецу Ф.Никитину, изготовившему «в Посольскую полату к окну дверь железную» (в марте).

Он также справил в октябре 1633 г. и 30 апреля 1634 г. о придаче жалованья дворянам — участникам посольства В.Г.Коробьина в Данию⁴⁴, переводчикам за ту же «датпкую службу»⁴⁵, о награде дворянам, ездившим в Голландию в составе миссии Гапябьева⁴⁶, выпись о жалованье С.Львову и К.Кондратьеву, бывшими гонцами в Данию в 141 г.⁴⁷

Все эти факты свидетельствуют, что в ведении Г.Львова находились английские, шведские, датские, голландские дела; служба переводчиков, толмачей, служилых татар в конце 1620-х годов; приказное хозяйство («избные расходы»). Одно время он отвечал также и за подьячих, но в 1632 г. этот вопрос перешел в ведение Р.Юрьева (см. ниже), а после смерти последнего был возвращен Львову.

Дорогой Петров Одинцов, бывший астраханский подьячий, взятый в Посольский приказ переводчиком, в 1628 г. был переведен в подьячие. В начале 1630-х годов он являлся первым в списке и самым высокооплачиваемым (45 рублей) служащим в «большой» статье. Справленные им выписи о размерах годовых денежных окладов толмачам и переводчикам на 138 г. в январе 1631 г.⁴⁸ и в марте 1632 на 140 г.⁴⁹, о поверстании денежным окладом переводчика И.Кошаева 50, о доплате толмачу Л.Минину недоданной половины оклада 51 ; 21 июля 1631 г. — о жалованье Кан-мурзе Шейдякову, служилым мурзам и новокрещенам 52 , в январе 1632 г. - ожалованье вновь окрещенным татарским княгиням⁵³ свидетельствуют о том, что вопросы службы толмачей и переводчиков были изъяты из ведения Г.Львова и переданы Д.Одинцову к 1630 г., а службы кормовых и поместных служилых татар — в июле 1631-го.

Опись архива Посольского приказа 1626 г. позволяет составить представление о компетенции Д.Одинцова: в его

ящике хранились переписка с астраханскими воеводами, дела по связям с Персией, Крымом, Малой Нагайской ордой, Бухарским ханством, Запорожьем, «столп касимовский о всяких делех» 54 . Данные Описи подтверждаются и дополняются материалами фондов $P\Gamma A J A$.

Одинцов справил памяти: 19 августа 1631 г. о жалованье И.Шапилову за нагайскую службу⁵⁵, дважды о жалованье турецким полонянникам⁵⁶, о жалованье за турецкую службу⁵⁷, о придаче к окладу толмачам — участникам посольства в Турцию И.Кондырева и Т.Бормосова⁵⁸. Он составлял выписи «на пример» при снаряжении в июле 1630 г. посольства А.Совина и М.Алфимова⁵⁹, в 1632 г. посольства А.Прончищева и Т.Бормосова⁶⁰, о жалованье сыну боярскому Р.Горбатову «за черкаскую службу»⁶¹, о жалованье собольнику, участвовавшему в посольстве А.Совина в Турцию⁶².

Д.Одинцов также написал «в доклад» о жалованье персидским полонянникам «за выход из Кизылбаш» в 140 (1631/1632) г. 63 , о размерах выкупа полонянников в январе 1632 г. 64 , о придаче жалованья толмачу Ф.Ельчину «за Кизылбашскую службу» 23 мая 1632 г. 65 ; эти факты подтверждают, что в его «отделе» обрабатывалась документация по русско-персидским связям.

Справы о наградах служителям — участникам посольства в Большую Нагайскою орду в сентябре $1630 \, \text{г.}^{66}$, о жалованье астраханскому подьячему Г.Милогоцкому и астраханским детям боярским, в $1632 \, \text{г.}$ ходившим с нагайскими и едисанскими мурзами в поход на Польшу⁶⁷ свидетельствуют, что Одинцов ведал Нагайскими делами.

Наконец, справа о даче жильцу И.Порошину «за Донскую посылку» в марте того же года 68 показывает, что сношения с Войском Донским также относились к компетенции Л.Олинцова.

Сверив данные изданных и неизданных архивных материалов, приходим к выводу, что подьячий Д.Одинцов ведал службой толмачей, переводчиков и станичных татар, делами Касимовского «царства», казаков Дона и Запорожья. Он также отвечал за широкий круг вопросов, касающихся связей со странами Востока: Турцией, Персией, Бухарским ханством, обеими Ногайскими и Едисанской ордами. Справ Одинцова по Крымским делам не обнаружено.

Одинцов выбыл из приказа в начале 1633 г. до царицыных именин (до 15 марта).

Родион Юрьев, зачисленный в Посольский приказ сразу в «большую» статью в 1631 г., умер 7 мая 1635 г.⁶⁹ По видимому, он принял часть дел от Д.Одинцова и Г.Львова. Первыми по времени документами, подготовленными Юрьевым в 140 (1631/1632) г., являются памяти о жалованье переводчику Я.Елагину и толмачам «за крымскую службу»⁷⁰; в конце 1631 г. он писал выпись «на пример» о даче пособия на дворовое строение переводчику Б.Байцыну⁷¹. В том же 140-м году он трижды справлял выписи о дачах выходцам из турецкого и крымского плена «за выход» и за «попонное терпение»⁷². Он также справил выписи: в октябре 1631 г. о даче «для пожарного разорения» подьячим-погорельцам⁷³, осенью 1633 г. – «на пример» о размерах жалованья подьячих для выплаты им другой половины их окладов на 142 г.74; о сверстании М.Евстафьева в окладе с его «братьею молодыми подьячими»; вероятно, о жалованье на 140 г.⁷⁵ Таким образом, Р.Юрьев ведал крымскими и турецкими делами и службой подьячих.

Занимался он и хозяйственными делами приказа, также изъятыми у Г.Львова: в 1634 г. покупал писчую бумагу в Овощном ряду 76 . «На Родионово место Юрьева взят в Посольской приказ подьячей Михаиле Волошенинов» 77 .

Алексей Лукич Корепанов работал бессменно до конца изучаемого периода. Не удалось установить, кто был его предшественником. Значительная часть дел, проходивших через «отдел» Корепанова, касалась русско-крымских отношений. Первые из таких документов относится к 1630 — 1631 г.: в феврале 1630 г. подьячий справил о даче денег на выкуп крымскому полонянину ливенскому казаку Ф.М.Белого⁷⁸, в феврале 1631 г. справил выписи о жалованье станичникам, вернувшимся из «крымской посылки»⁷⁹, о даче «за полонное терпение» крымской полонянке⁸⁰. Две справы Корепанова, сделанные в 1631 г., относились к компетенции Д.П.Одинцова, о котором сказано выше: во-первых, 9 июня он справил память об определении поденного корма вновь назначенному толмачу И.Есипову⁸¹, во-вторых, сделал выпись о жалованье «за полонное терпенье» турецкому поло-

няннику М.Федотову⁸². Вероятно, Корепанов недолго занимался турецкими делами и делами толмачей, после того, как их забрали у Одинцова, и прежде, чем поручили вновь взятому в приказ Р.Юрьеву. Крымские дела также были переданы Юрьеву.

Следующая справа Корепанова встречается только в апреле 1634 г. на выписи о прибавке жалованья толмачу Б.Тинчюрину за крымскую службу⁸³. Затем в августе 1637 г. он подготовил две памяти о возмещении «за убытки и за изрон» в Крыму переводчику А.Алышеву⁸⁴. Алексей Лукич составил выписи о жалованье кречетникам, сокольникам и ястребщикам «для крымские посылки» 11 октября 147 (1638) г.85, о придаче жалованья служащим, ездившим в Крым – переводчику И.Кошаеву в августе 1641 г., толмачу Д.Доюнову⁸⁶ и переводчику К.Устокасимову⁸⁷ в 1643 г., о снаряжении в Крым станичников Р.Тевкелева и К.Кошаева 30 октября 1644 г.⁸⁸; осенью 1643 г. – подьячему С.Бушуеву, бывшему в Крыму с посольством Б.Приклонского 89, и станичнику Араслан-мурзе Айдарову, отвезшему к хану «легкие» поминки 90 .

Корепанов также отвечал за прием и содержание дипломатических миссий Крымского ханства, о чем свидетельствует следующая запись: «У подьячево у Олексея Корепанова остаточных за кормами крымских гонцов 4 рубли» В ящике Корепанова в архиве Посольского приказа хранилась «выписка по челобитью Посольского приказа подьячих о прописке в крымскую посылку, что не послано против прежней росписи з Григорием Нероновым» 92.

Корепанову приходилось решать вопросы, связанные с подготовкой специалистов для крымских дел. Так, в феврале 1643 г. он справил память о назначении жалованья подьячему П.Звереву, по собственному почину изучавшему татарский язык для службы переводчиком 93 , в октябре 1644 г. — о поверстании окладом нового татарского переводчика 94 .

Сношения с Малой Ногайской ордой также были подведомственны Корепанову: в марте 148 (1640) г. он справил память о награде стрельцам «за Казыевскую службу» ⁹⁵. Он же готовил миссию в Молдавию: в 1630 г.: сделал выпись о

размере подмоги толмачу П.Сагалаеву, едущему туда с посланником Б.Дубровским 96 .

В 1643 г. Алексей Лукич в Седельном ряду закупал вещи для «лехких поминок» в Крым 97 . 7 марта 1645 г. сделал справу о расходах по перекраске задней палаты приказа 98 . 20 июля 1645 г. взял досок для государева дела 99 . Писал о различных покупках хозяйственного назначения 5, 23 и 27 февраля 1645 г. 100 13 июня 1645 г. писал о хозяйственных расходах за 153 год 101 . Эти факты свидетельствуют, что в первой половине 1640-х годов «отдел» Корепанова занимался хозяйственными делами приказа. Примечательно, что в 1620-х годах приказным хозяйством и крымскими делами также ведал один «отдел» — М.Матюшкина.

Возможно также, что Корепанов ведал делами города Романова. 27 сентября 1636 г. выпись о жалованье московским стрельцам романовцам была написана его рукой ¹⁰².

Наконец, в 1635-1636 гг. Корепанов отвечал за подготовку дел Войска Донского. Он справил выписи о жалованье: 5 ноября 1635 г. станице П.Федорова 103 , 25 марта 1636 г. станице П.Савельева 104 , 19 мая 1636 г. станице А.Никифорова 105 , 10 июня 1636 г. станице Д.Дарфеньева 106 , 21 июля и 11 сентября 1636 г. станице Н.Федорова 107 .

Михаил Дмитриевич Волошенинов был преемником умершего Р.Юрьева и «унаследовал» от него дела о службе подьячих, сторожей и золотописцев: в 1636 г. он справил память о жалованье подьячих на именины царевича 144 г. 108 Он справлял выписи о годовом окладе денежного жалованья всем переводчикам и толмачам на 147 (1638/1639) г.¹⁰⁹, на 151 (1642/1643) г. ¹¹⁰, о даче денег «на дворовое строение» переводчику Б.Лыкову в декабре 1639 г.111, о пособии семье умершего переводчика Б.Абдулова и о пособии вдовам переводчиков И.Кучина, А.Англера, С.Искелева, П.Грабова 112, в июне 1642 г. о приеме на службу толмача Л.Пирогова 113, а в 1643 г. – толмачей Н.Поликострицкого¹¹⁴, Л.Пирогова¹¹⁵, К. Иванова 116, в сентябре того же года – о пособии вдове скоропостижно умершего К.Иванова¹¹⁷. Затем в том же месяпе эти обязанности были возложены на Т.Васильева-Никитина.

9 сентября 1635 г. он справил о жалованье в Москве казанцам в 141-143 гг. 118 В 1637 г. при определении жалованья вернувшимся из Персии посланникам С.И.Исленьеву и М.К.Грязеву Волошенинов справил выпись о жалованье всем посланникам и дьякам — руководителям посольств в Персию и Турцию с 1621 г. 119 В 1642 г. он справлял выписи о жалованье рядовым участникам посольства в Данию С.М.Проестева и И.Патрикеева 120. Таким образом, датские дела в начале 1640-х годов находились в его «отделе».

Волошенинов справил докладные выписи: 30 декабря 1636 г. о жалованье станице И.Каторжного и другим зимовым станицам со 129 г., 23 января 1637 г. — о жалованье тому же И.Каторжному деньгами, камками и сукнами, 9 марта 1637 г. — о жалованье зимовой станице Т.Яковлева, а 3 сентября 1639 г. — гонцу на Дон сыну боярскому Ф.Кожухову и донским вожам (волуйским и короченскому), а также воронежскому станичнику Т.Михневу¹²¹. Таким образом, некоторое время он также ведал донскими делами.

Никитин Третьяк. В Посольском приказе в исследуемый период служили два старых подьячих с таким именем. В 1632-1635 г. один из них имел оклад 45 рублей, подписывался как «Гренка Никитин». Справил о награде Г.Неронову, ездившему гонцом в «Голстенскую землю» в июле 1636 г. 122

Никитин Третьяк Васильев оставил больше своих справ, чем другие старые подьячие. Именуемый в документах Третьяком Никитиным, сам он всегда подписывался как «Тренка Васильев»; его денежный оклад до января 1644 г. составлял 41 рубль, затем 45.

В приходно-расходной книге 1644 г. говорится, что 22 сентября 1643 г. «остаточных денег две тысечи семьсот восмдесят два рубли семь алтын з деньгою Михаиле Волошенинов отдал подьячему Тртьяку Васильеву, потому что ему Михаилу по государеву указу велело быть в дьяцех, а приход и росход велели думной диак Григорей Львов и он Михаиле ведать подьячему Третьяку Васильеву» 123. Из этого сообщения можно сделать два вывода: во-первых, Т.Васильев-Никитин был назначен на место Волошенинова, во-вторых, что одной из обязанностей первого подьячего приказа было ведение приходно-расходных книг. Хотя он и был первым

по списку старым подьячим, но получал оклад ниже своих товарищей по статье (41 рубль), пока не был с ними сверстан.

Данные Описи архива Посольского приказа 1673 г. позволяют утверждать, что в «отделе» Т.Никитина готовидись документы по связям со Швенией и Константинопольской патриархией. В ящике Т.Никитина по Описи архива Посольского приказа 1626 г. хранились два списка договора М.В.Скопина-Шуйского с Я.П.Делагарди о найме «немецких ратных людей»¹²⁴, восемь дел по размежеванию русскошведской границы¹²⁵, письмо греческого митрополита Сергия к патриарху Филарету «о милостыни» 126. Эти данные дублирует запись в приходно-расходной книге приказа: «У подьячево Третьяка Микитина, что осталось венгерского посла у Якова Руселя и у немец и у греческого затворника, как был в 142-м году отпущен. 42 рубли 20 алтын» 127. Ж.Руссель появился в России в качестве швелского липломатического агента. В ведении Никитина находились также грузинские дела: осенью 1639 г. он справил о даче оклада на 148 г. переводчику И.Боярчикову и толмачу Л.Минину, побывавшим в Грузии с посольством Ф.Ф.Волконского и еще не получившим жалованья ¹²⁸; в октябре 1644 г. – о награде переводчику И.Польщикову «за грузинскую службу» 129.

В записной книге за 1639-1643 гг. сообщается, что «Тренка Васильев» взял в свой «отдел» отписки терских и астраханских воевод по делам нагайских и едисанских татар 130 , одну отписку о присяге калмыцких тайшей 131 .

28 августа 1644 г. Т.Никитин составил роспись турецким полонянникам, привезенным из Стамбула посольством И.Д.Милославского 132, и сделал справу о жалованье им «за попонное и каторжное терпенье» 133. Он также сделал справы о жалованье дворянам, провожавшим турецких послов 134, о даче поденного корма турецкому гонцу 135, о жалованье стрелецким сотникам, сопровождавшим из Вязьмы в Москву польских гонцов в октябре и декабре 1644 и в апреле и июне 1645 г. 136, о выкупе русского полонянника, убежавшего с Посольского двора от польского посла Г.Стемпковского 137. В 1644 г. при снаряжении великого посольства А.М.Львова, Г.Г.Пушкина и М.Д.Волошенинова Г.В.Львов справил роспись о поминках «мягкой рухлядью» 138 и память о жалованье

всем участникам посольства¹³⁹. Это свидетельствует, что Т.Никитин заведовал делами по отношениям с Речью Посполитой и Османской империей, что соответствует данным С.А.Белокурова, что на 1646 г. польские и турецкие дела находились в одном повытье¹⁴⁰.

Немало его справ связано с делами подьячих, сторожей и золотописцев. Он справил выписи: в декабре 1643 г. и в декабре 1644 г. о жалованье подьячим на Рождество Христово 141, дважды — о размерах годовых окладов подьячих и сторожей на 152-й и 153-й годы 142, о праздничных дачах подьячим на именины царицы в феврале 1644 г. 143 и в марте 1645-го 144, царевича в марте 1643 г. 145, на пасху 1643-го 146 и 1644 гг.; о праздничном жалованье молодым подьячим, вновь взятым на службу 147; о жалованье золотописцу П.Иванову на 153 г. 148 Таким образом, все дела о подьячих, сторожах и золтописцах не позже, чем с марта 1643 г., находились в исключительном ведении Т.Никитина. Последнее по времени дело, касающееся этой категории служащих, относится к июню 1644 г. — это выпись о денежной даче на день государева ангела 152 г. 149

В сентябре 1643 г. мы встречаем справу «Гренки Васильева» на выписи об окладе толмачам и переводчикам и кормовым иноземцам¹⁵⁰. Он справил в декабре 1644 г. память о годовых окладах переводчиков и толмачей на 153 г. 151, в марте 1644 г. составлял выписи по делам толмача Т.Англера 152 и переводчика M.Cахарникова¹⁵³, в июле того же года — об определении на службу толмача Т.Головачева 154, в 1645 г. выписи о жалованье «гречанам и волошенину» за выезд «на государево имя на вечную службу»¹⁵⁵ и о верстании государевым жалованьем новокрещена 156. Эти данные свидетельствуют, что в 152 (1643/1644) г. Никитину поручили ведать делами подьячих, сторожей, золотописцев, а также толмачей, переводчиков и служилых иноземцев вместо ушедшего на повышение М.Волошенинова. С сентября по декабрь 1643 г. за категорию толмачей и переводчиков отвечал М.Фокин (см. ниже); напрашивается вывод, что эту обязанность возложили, честве временного поручения, на Т.Васильева, затем передали Фокину, а после вернули Третьяку. Возможно, в сентябре 1644 г. этими делами стал заведовать И.Хрипков (см. ниже).

Кроме того, Третьяк подготовил память об отправке 26 января 1644 г. в приказ Большого дворца 40 серебрянных тарелок, взятых у английского купца 157 , память в Большой приход о присылке 500 рублей для уплаты за яхонты некоему голландцу 17 февраля 1644 г. 158 Вероятно, он занимался делами иностранных подданных, живших в Московском государстве.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Т.Васильев-Никитин в 1644 г. имел наиболее широкую компетенцию, в которую входили польские, шведские, турецкие, грузинские дела, дела восточных патриархий, служба сначала подьячих, золотописцев и сторожей, затем одновременно переводчиков и толмачей (с сентября 1643 г.), кормовых иноземцев.

Мина Фокин в сентябре 1643 г. справил выпись о поденном корме, выдаваемом служилым кормовым иноземцам¹⁵⁹; 1 декабря 1643 г. — о годовом жалованье переводчикам и толмачам на 152 г. ¹⁶⁰ В 152 (1643/1644) г. — о жалованье толмачам и переводчикам¹⁶¹. Здесь мы имеем случай, когда средний подьячий с денежным окладом 30 рублей выполнял функции справного. Возможно, это назначение состоялось ввиду того, что Фокина, прослужившего во второй статье уже 11 лет, должны были вскоре перевести в первую статью, но он умер менее, чем через год, 28 мая 1644 г. ¹⁶²

Сухоруков Яков справил выпись 14 февраля 1638 г. об окладах волуйским вожам и о посылках на Дон 163 ; 7 января, 6 апреля и 12 июня 1638 г. — о государевом жалованье зимовым станицам со 141 г. 164 ; 15 и 26 июля 1638 г. — о жалованье воронежцам — информаторам на Дону 165 . Также сделал справы о жалованье участникам посольства С.И.Исленьева и М.К.Грязева в Персию — подьячим, в августе 1638 г. — переводчику и толмачам, собольщику, сокольникам, ястребникам и кречетникам 166 . 28 апреля 1639 г. Сухоруков умер 167 .

Источники не дают полного представления о компетенции М.Волшенинова и Я.Сухорукова; можно утверждать, что первый отвечал за датские дела, второй — за персидские. То обстоятельство, что оба они делали справы о награде членам одной и той же дипломатической миссии, можно объяснить следующим образом: Волошенинов, первый подьячий прика-

за с окладом 50 рублей, делал выпись о самих посланниках, Сухоруков — о прочих участниках посольства. Возможно, справы о жалованье руководителям посольств являлись обязанностью первого подьячего.

Донские дела находились сначала в ведении Волошенинова, затем были переданы Сухорукову, но после смерти последнего их вернули Волошенинову.

Иван Прокофьев Хрипков справил выписи в августе 1641 г. о размерах пособия на перевоз из Астрахани семьи переводчика М.Магаметева 168 и жалованья на подъем переводчику Б. Абдулову, тоже в свое время переезжавшему из Астрахани¹⁶⁹; о жалованье переводчикам, ездившим в Персию с посольством С.Волынского и С.Матвеева 170. 28 мая 1645 г. им была написала память, сколько денег дать на дорогу персидскому послу¹⁷¹. 11 ноября 1639 г. справил выпись о жалованье турецким пленнным — «гречанам», «арапам» и «турченину»¹⁷²; 30 декабря 1639 г. о жалованье гречанам за подначальство 173; 3 января 1640 г. сделал доклад о полонянниках — астраханских и московских стрельцах 174; о повышении жалованья толмачу К.Романову в сентябре 1644 г. 175; о крещении арзамасского мурзы¹⁷⁶; в мае 1640 г. – о жалованье «за степной проезд» и поденном корме в Москве Л.Бухарову, присланному с отписками от астраханских воевол¹⁷⁷.

Он также справил о жалованье вяземскому стрелецкому сотнику А.Цвиленеву, сопровождавшему Адама Индрика Пенца, «маршалка» датского королевича Вольдемара (прибыл 18 ноября 1644 г.)¹⁷⁸, о награде вернувшимся участникам посольства в Данию С.М.Проестева и И.Патрикеева¹⁷⁹.

Занимался он и донскими делами: 9 марта 1640 г. справил память о даче сукна на отпуск зимовой станице 180 , 17-18 декабря 1639 г. о поденном корме и питье и денежном окладе зимовой станице И.Каторжного и Н.Есипова 181 , 9 марта 1640 г. справил в Большом приходе о денежном жалованье им же на отпуск 182 . Летом 1645 г. справил об окладе подьячего А.Немирова 183 и о награде Е.Юрьеву «за литовскую службу» 184 .

Создается впечатление, что Хрипков унаследовал от Я.Сухорукова дела по отношениям с Персией и Доном, от М.Волошенинова — с Данией, от Т.Васильева — Польские

дела и дела о службе подьячих, толмачей и переводчиков. Он ведал также турецкими делами. Примечательно, что сочетание дел — польские, турецкие и датские — соответствует подбору дел, находившихся во втором повытье в правление Алексея Михайловича.

Немиров Андрей. Сведений, позволяющих судить о его компетенции, найдено мало. Он справил о жалованье касимовской царевне, живущей в Ярославле¹⁸⁵, и ярославским кормовым татарам¹⁸⁶.

Выводы

Складывается впечатление, что «отделов» – завершенных структурных единиц со строго определенной компетенцией. еще не существовало; «отделы» формировались по иному принципу: чиновникам отдавали в ведение дела, тематически между собой не всегда связанные. Здесь трудно проследить систему. Правда, в начале 30-х годов дела по связям с теми или иными странами были объединены в «отделах» по географическому признаку: всеми протестантскими государствами Северной Европы заведовал Г.Львов, отношения со всеми странами мусульманского Востока (кроме, пожалуй, Крыма) были сосредоточены в руках Д.Одинцова. С середины 30-х годов этот порядок меняется: Р.Юрьев принял от Одинцова после его отставки только турецкие дела; а от Корепанова - крымские; он также отвечал за жалованье подьячим и приказное хозяйство («избные расходы»); после смерти Юрьева подьячему Корепанову вернули крымские дела и «избные расходы». Донские дела «кочевали» из «отдела» в «отдел»; за 6 лет они переходили из рук в руки четыре раза: от Корепанова к Волошенинову, от Волошенинова к Сухорукову, после смерти Сухорукова обратно Волошенинову, наконец, от него к Хрипкову. Но все же некую преемственность заметить можно: из пяти подьячих, отвечавших за донские дела, трое (Одинцов, Сухоруков, Хрипков) ведали одновременно сношениями с Персией. В «отделе» Хрипкова находились также турецкие дела. Создается впечатление, что все или почти все материалы по Востоку поручались подьячим Одинцову, Юрьеву, Сухорукову, Хрипкову единым пакетом. Этот порядок был нарушен в 1644 г., когда турецкие дела были переданы Т.Васильеву-Никитину и с тех пор все-

гда находились в одном повытье с польскими. Кроме того, до 1644 г. существовало незыблемое правило при разграничении различных категорий служащих приказа: подьячие, сторожа и золотописцы постоянно сгруппированы в одном «отделе», толмачи, переводчики, служилые иноземцы - в другом. В 1644 г. это правило было нарушено: и тех, и других объединили в ведении того же Т.Васильева-Никитина; с осени 1645 г. – в повытье Е.Р.Юрьева.

Вопросы дипломатического протокола по устоявшемуся обычаю разрабатывались под руководством первого подьячего, о чем свидетельствуют данные Описей архива Посольского приказа (А.Шахов, Г.Львов).

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в 10-х — начале 40-х годов XVII века еще не сложилась окончательно система «лепартаментов»-повытий с постоянной, точно опрелеленной специализацией, но имела место тенденция к созданию таковой. Так, к концу изучаемого периода специализация некоторых «отделов» совпадала в основных контурах со специализацией повытий Посольского приказа в следующее царствование («отделы» Т.Васильева-Никитина, И.Хрипкова).

Белокуров С.А. О посольском приказе. М., 1906.

² РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1632. Д. 15. Л. 159.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 142.

⁵ Там же. Л. 140.

⁶ Там же. Л. 142.

Там же. Оп. 2. 1640. Д. 3. Л. 13.

Там же. Ф.79. Оп. 1. 1644. Д. 3. Л. 264 об., 281.

⁹ Там же. Л. 35506 об. ¹⁰ Там же. Л. 355 об., 387 об., 517 об.

¹¹ Там же. Л. 387 об., 418 об., 517 об.

¹² Там же. Л. 116.

Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1635. Д. 26. Л. 51.

¹⁴ Там же. 1618. Д. 2. Л. 215 об.

¹⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 457. Л. 986; С. 484. Л. 1061 об., 1062; С. 487. Л. 1070 об.

¹⁶ РГАДА́. Ф. 141. Оп. 1. 1635. Д. 26. Л. 51.

¹⁷ Там же. 1618. Д. 2. Л. 103 об.

¹⁸ Там же. Л. 204 об.

¹⁹ Там же. Л. 155 об.

²⁰ Там же. 1618. Д. 2. Л. 81 об.

²¹ Там же. Л. 84 об., 89 об.

- Там же. Л. 146 об.
- Там же. Л. 152 об.
- 24 Там же. Л. 210 об.
- ²⁵ Там же. 1619. Д. 5. Л. 208 об.
- 26 Там же. 1623. Д. 36. Л. 12 об.
- 27 Там же. 1619. Д. 65 об.
- Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: Изданы под ред. Н.И.Веселовского. СПб., 1898. T. III. C. 570.
- Сборник Русского исторического общества. Т. 137. М., 1912. С. 24. (Далее — Сб. РИО).
- РИБ. Т. 28. Стб. 748, 749.
- РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1623. Д. 36. Л. 33 об.
- Там же. 1625. Д. 22. Л. 69 об.
- Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 404. Л. 725-726.
- Там же. С. 404-405. Л. 726 об.-727.
- Там же. С. 405. Л. 727-727 об.
- РГАЛА. Ф. 138. Оп. 1. 1629. Д. 1. Л. 16 об.
- 37 Там же. 1629. Д. 2. Л. 32 об.
- 38 Там же. Л. 254 об.
- Там же. Л. 313 об.
- 40 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1632. Д. 15. Л. 128 об.
- Там же. Л. 24 об.
- Там же. Л. 217 об.
- Там же. Л. 127, 131. 43
- Там же. 1634. Д. 9. Л. 66 об., 68 об.
- Там же. Л. 76 об.
- Там же. Л. 127, 142 об.
- 47 Там же. Л. 137 об.
- Там же. Ф. 159. Оп. 2. 1629. Д. 617. Л. 123 об.
- Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1632. Д. 1. Л. 6 об.
- Там же. 1630. Д. 1. Л. 3 об.
- Там же. Д. 5. Л. 2 об. 52
- Там же. 1629. Д. 2. Л. 8 об.
- Там же. Л. 59 об.
- Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 400-401. Л. 718-722 об.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629. Д. 2. Л. 101 об.
- Там же. Л. 229 об., 231 об.
- 57 Там же. Л. 245 об.
- Там же. 1632. Д. 3. Л. 4 об.
- Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1630. Д. 4. Л. 308 об.
- Там же. 1632. Д. 2. Л. 160 об.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629. Д. 2. Л. 254 об.
- ⁶² Там же. Л. 284 об.
- Там же. Л. 111 об.
- Там же. Л. 229 об., 239 об.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1632. Д. 3. Л. 4 об.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629. Д. 2. Л. 103 об.
- Там же. Л. 296 об., 323 об.

- Там же. Л. 17 об.
- Там же. 1632. Д. 15. Л. 271.
- Там же. 1629. Д. 2. Л. 231 об., 232 об. 70
- 71 Там же. 1640. Д. 3. Л. 4 об.
- Там же. 1629. Д. 2. Л. 162 об., 191 об., 272 об.
- Там же. 1632. Д. 15. Л. 4 об.
- 74 Там же. Д. 99 об.
- Там же. Д. 103 об.
- 76 Там же. Л. 224.
- 77 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1635. Д. 26. Л. 10.
- Там же. Ф. 159. Оп. 2. 1629. Д. 617. Л. 178 об.
- 79 Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1629. Д. 2. Л. 69 об., 72 об.
- Там же. Л. 94 об. Там же. Л. 64 об.
- Там же. Л. 81 об.
- Там же. 1634. Д. 6. Л. 5 об.
- Там же. Д. 8. Л. 88.
- Там же. Л. 71 об.
- Там же. Л. 89 об.; 1644. Д. 1. Л. 148 об.
- Там же. 1643. Д. 2. Л. 28а об.
- Там же. Д. 3. Л. 88.
- РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1644. Д. 1. Л. 307 об.
- Там же. Л. 370 об.
- 91 Там же. 1643. Д. 5. Л. 2.
- Опись архив Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. М., 1990. Стр. 415. Л. 890.
- 93 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. Д. 2. Л. 59 об.
- Там же. Д. 3. Л. 109.
- 95 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1634. Д. 8. Л. 112 об.; 1640. Д. 4. Л. 6 об., 15 об., 41 об., 49 об., 58 об., 63 об. 96 Там же. 1634. Д. 8. Л. 57 об.
- 97 Там же. 1634. Д. 3. Л. 89.
- 98 Там же. Л. 121.
- 99 Там же. Л. 183.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 110-113.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 171.
- 102 Там же. Ф. 141. Оп. 1. 1635. Д. 26. Л. 69.
- ¹⁰³ Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. 18. Стб. 479. (Далее – РИБ)
- 104 Сб. РИО. Т. 18. Стб. 488.
- ¹⁰⁵ Там же. Стб. 490.
- 106 Там же. Стб. 785.
- 107 Там же. Стб. 496, 499.
- 108 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1635. Д. 26. Л. 53 об.
- ¹⁰⁹ Там же. Ф. 138. Оп. 1. 1639. Д. 1. Л. 7 об.
- 110 Там же. 1643. Д. 4. Л. 10 об.
- 111 Там же. 1640. Д. 3. Л. 9 об.
- 112 Там же. Л. 30 об.
- 113 Там же. 1643. Д. 2. Л. 22 об.
- 114 Там же. Л. 40 об.

- 115 Там же. Л. 22 об.
- 116 Там же. Л. 33 об
- 117 Там же.
- 118 РИБ. Т. 18. СПб., 1898. Стб. 476.
- 119 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628. Д. 1. Л. 84.
- 120 Там же. Ф. 53. Оп. 1. 1642. Д. 1. Л. 63 об., 89, 104, 107 об.
- ¹²¹ Сб. РИО. Стб. 529, 532, 564, 866; Т. 18. Стб. 879. ¹²² Там же. Оп. 1. 1634. Д. 9. Л. 179 об., 188 об.
- 123 РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. 1644. Д. 5. Л. 1.
- 124 Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 402. Л. 722 об.-
- 125 Опись архива Посольского приказа 1673 г. Ч. 1. Л. 723-724 об.
- 126 Там же. С. 403-404. Л. 724 об-725.
- 127 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. Д. 5. Л. 2.
- 128 Там же. 1634. Д. 8. Л. 96 об.
- ¹²⁹ Там же. 1644. Д. 1. Л. 121 об.
- 130 РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 1. Л. 362, 369, 369 об., 408 об., 411 об., 412, 479.
- ¹³¹ Там же. Л. 411 об.
- 132 Там же. Оп. 1. 1644. Д. 1. Л. 48.
- 133 Там же. Л. 104 об, 108 об., 136 об., 180 об.
- 134 Там же. Л. 127 об.
- ¹³⁵ Там же. Л. 143 об.
- ¹³⁶ Там же. Л. 210 об., 214 об., 408 об., 243 об., 248 об.
- ¹³⁷ Там же. Л. 382 об.
- 138 РГАЛА. Ф. 79. 1644. Л. 3. Л. 23 об.
- ¹³⁹ Там же. Л. 56 об.
- ¹⁴⁰ *Белокуров С.А.* Указ. соч.
- ¹⁴¹ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. Д. 3. Л. 9 об., 101 об.
- 142 Там же. Л. 26 об., 108 об.
- ¹⁴³ Там же. Л. 37 об.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 117 об.
- ¹⁴⁵ Там же. Л. 61 об.
- ¹⁴⁶ Там же. Л. 160 об.
- ¹⁴⁷ Там же. Л. 180.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 103 об.
- ¹⁴⁹ Там же. Л. 43 об.
- ¹⁵⁰ Там же. 1644. Д. 1. Л. 15.
- 151 Там же. 1643. Д. 3. Л. 139.
- 152 Там же. Д. 2. Л. 73 об., 75 об.
- 153 Там же. Д. 3. Л. 84 об., 101 об. 154 Там же. Д. 2. Л. 127 об.
- 155 Там же. 1644. Д. 1. Л. 342 об., 349 об.
- ¹⁵⁶ Там же. Л. 438 об., 443 об.
- 157 Там же. 1643. Д. 3. Л. 54.
- ¹⁵⁸ Там же. Л. 30 об.
- 159 Там же. Д. 2. Л. 59 об.
- ¹⁶⁰ Там же. Л. 20 об.
- ¹⁶¹ Там же. Л. 15 об.
- 162 РГАДА. Ф. 138. Оп. Д. 1644. Д. 5. Л. 13.
- ¹⁶³ РИБ. Стб. 629.

- 164 Сб. РИО. Т. 18. Стб. 653, 719. 784.
- 165 Там же. Стб. 788, 798.
- 166 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1628. Д. 1. Л. 177 об., 161 об., 94 об., 103 об.
- 167 Там же. Оп. 2. 1639. Д. 2. Л. 14.
- ¹⁶⁸ Там же. Оп. 1. 1640. Д. 3. Л. 44 об. ¹⁶⁹ Там же. 1643. Д. 3. Л. 169.
- 170 Там же. 1628. Д. 1. Л. 188 об., 213 об.
- ¹⁷¹ Там же. 1643. Д. 3. Л. 169; 1640. Д. 3. Л. 44 об. ¹⁷² РИБ. Т. 18. Стб. 897.
- 173 Сб. РИО. Т. 18.
- 174 Там же. Стб. 908.
- 175 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1643. Д. 2. Л. 46 об.
- ¹⁷⁶ Там же. Л. 117 об.
- 177 Там же. 1640. Д. 4. Л. 9 об.
- ¹⁷⁸ Там же. 1644. Д. 1. Л. 238 об.
- ¹⁷⁹ Там же. 1645. Д. 5. Л. 151.
- 180 Сб. РИО. Т. 18. Стб. 958.
- 181 Там же. Стб. 964, 965, 970.
- 182 Там же. Стб. 990.
- 183 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1645. Д. 5. Л. 5 об.
- ¹⁸⁴ Там же. Л. 37 об.
- ¹⁸⁵ Там же. 1644. Д. 1. Л. 154 об.
- ¹⁸⁶ Там же. Л. 166 об.

ДОСТАВКА И ОБРАБОТКА В ПОСОЛЬСКОМ ПРИКАЗЕ ИНОСТРАННЫХ ГАЗЕТ В ЦАРСТВОВАНИЕ ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВИЧА

В 1665 г. предприимчивый голландец Ян ван Свиден по договору с приказом Тайных дел организовал первую в России почту между Москвой и Ригой. Е.И.Кобзарева в своем диссертационном исследовании отмечала, что «с учреждением почты ... газеты, которые начали присылаться регулярно, превратились ... в основной источник поступавших в приказ (Посольский. — С.Ш.) сведений о политических событиях»¹. Это наблюдение заставляет особенно внимательно отнестись к проблеме доставки и обработки иностранных газет (или курантов).

Нами использованы куранты за 1676-1681 гг. Они находятся в ф. 155 РГАДА. Сохранились переводы курантов за сентябрь — декабрь 1676 г., март — декабрь 1677 г., сентябрь 1678 — август 1679 г., сентябрь 1680 — февраль 1681 г. и отдельные почты за ноябрь 1679, май и июнь 1681 г. Причем существенные утраты в переводах за декабрь 1677, весь 1678 г. и август 1679 г. ограничивают возможность их использования для статистических расчетов. Приведенные данные показывают, что до нашего времени дошло чуть менее половины существовавших переводов курантов. Кроме того, в работе привлечены опубликованные И.П.Козловским «Почтовые дела», хранившиеся в МГАМИД (в настоящее время РГАДА. Ф. 162)².

В первую очередь решим вопрос о том, какое место занимала доставка газет среди задач, которые русское правительство ставило перед регулярной почтой. Ван Свиден, по договору с приказом Тайных дел 18 мая 1665 г., обязывался «привозить вестовые письма всякие Цесарской, Шпанской, Францужской, Польской, Свейской, Дацкой, Аглинской, Италианской, Галанской и Недерлянской земель из стольных городов по две недели, из Турского, из Кизилбашского

царств и из Индеи по времени» 3. В этом договоре не различаются вести письменные и печатные (собственно газеты), но других целей перед почтой правительство вообще не ставит. В Андрусовском договоре 1667 г., по которому учреждена вторая, Виленская почта, отражен противоположный взгляд на ее функции. По мнению договаривающихся сторон, почта должна была служить сношению московского и польского правительств, особенно по турецким и украинским делам, а также развитию торговли 4. Однако в указе Леонтию Марселису об учреждении почты на первом месте среди ее задач стоит: «Держать ... почту, что во всех государствах во всякое время делается, вестьми так *печатными* (выделено мной. — C.III.) как и письменными». Похожая формула повторяется в указе о передаче Марселису Рижской почты 5.

О реальной работе Виленской почты пишет в июне 1681 г. почтмейстер Андрей Виниус (он сменил на этом посту Марселиса в 1675 г.) в челобитной о ее закрытии. Исходя из текста. приведенного в начале челобитной Андрусовского договора, Винеус ставит на первое место переписку с резидентом Василий Тяпкиным, на второе – переписку купцовиноземцев, и на третье - доставку курантов 6 . Отзыв русского резидента из Польши не привел к закрытию почты. Истинная причина желания Андрея Виниуса ее ликвидировать заключалась в следующем: почты были не только государственным учреждением, но и коммерческим предприятием самого Виниуса. Он оплачивал большую часть почтовых расходов и забирал себе выручку от пересылки частной корреспонденции7. В условиях спада деловой активности из-за эпидемии в Европе переписка между купцами сократилась, и предприниматель решил ликвидировать одну из двух почт.

К прекращению пересылки писем через Вильну Виниуса подталкивал гданьский почтмейстер Вернер Штурм (бранденбургские почты), который конкурировал с виленским почтмейстером (польские почтовые линии). Вернер Штурм писал Виниусу: «А что господин Бисинг (виленский почтмейстер. — С.Ш.) тебе, господину докучал для привлечения к себе грамоток, амбурским и голландским жителям принадлежащих, чтоб их послать окружною дорогою через Варшаву и Бреславль, и о том смеюсь яко делу несбыточно-

му» («Куранты» 1680 г., л. 177-181). В челобитной о закрытии почты Виниус уверял, что перепиской торговых иноземцев «...едва протори одной Рижской почты исполнить можно... а чрез Вильно посылать нечего...»

Получается, что с мая 1677 г. (окончание резидентства Тяпкина) и до июля 1681 г. (указ о закрытии почты) единственная задача, которую почта выполняла для нужд государства, состояла в доставке газет. Добиться закрытия Виленской почты Виниус смог, только пообещав доставлять всю эту корреспонденцию через Ригу⁹. Перечень сохранившихся в РГАДА иностранных газет, которые присылались в Посольский приказ, опубликован¹⁰. Подавляющая их часть — немецкие и голландские.

Русские почтмейстеры сами покупали газеты у издателей, а государство платило иностранным почтмейстерам только за их пересылку и за вестовые письма¹¹. Во всяком случае в челобитной о закрытии почт Виниус пишет, что «по договору моему с печатником рижских курантов ныне присылаются и третьи куранты», а в другой челобитной жалуется, что «у меня по всякие годы издержки на ту почту за рубежом на гоньбу, и за куранты, и за грамотки иноземные исходит по штисот рублев с лишком, а из казны великих государей мне на протори не дается ни чего». Очевидно, доставка курантов была одной из обязанностей почтмейстеров перед государством. За это они получали доходы с частной пересылки¹².

Учитывая, что газеты требовались для получения массовой оперативной информации, необходимо выяснить, каковы были сроки их доставки и насколько регулярно они поставлялись. Эти сроки зависели от двух факторов — работы европейских почтовых линий и скорости движения корреспонденции на их русской ветке. Теоретически сроки движения почты от Вильны до Москвы определяются договорами с виленскими почтмейстерами Бисингами 1669 и 1685 гг. В первом — возможный срок доставки от Вильно до русской границы определяется в 4 дня и столько же по России. Во втором — время движения почты по польской территории обозначается в 5 дней. Значит, минимальный срок доставки корреспонденции равняется 8-10 дням. Очевидно, в период своего расцвета Виленская почтовая линия выдерживала его, поскольку в 1674 г. Кильбургер отмечал, что через нее вести

доходят быстрее, чем через Ригу. В это время почта приходила в Москву по средам. Однако уже в конце 1675 г., когда почтовое дело было отобрано у Петра Марселиса, ему ставилась в вину задержка корреспонденции на 2-3 дня¹³. Сменившему его Виниусу не удалось исправить положение. Судя по данным курантов за 1676-1681 гг., виленская почта в среду приходила очень редко. Обычный срок ее доставки — с пятницы по понедельник. В 1679 г. письма Бисинга и его служащего Грева попали в Москву за 15 дней¹⁴. Вероятно, эта цифра и была средней для доставки виленской почты в царствование Федора Алексеевича.

Скорость работы Рижской почтовой линии можно определить более точно. Кильбургер пишет, что в 1674 г. почта шла 8-11 дней и приходила в Москву в четверг. В 1676-1681 гг. Рижская почта приходила в четверг или в пятницу. Значит, сроки ее доставки остались прежними. Однако уже в 1680-1681 гг. газеты из Риги приходили в пятницу, субботу и даже в воскресение. После того, как в 1681 г. Рижская почта осталась единственной, ее положение не улучшалось. а ухудшалось. Вероятно, на ней пагубно сказалась общая дезорганизация государственного аппарата во время восстания 1682 г. Во всяком случае, когда весной 1683 г. на ее работу обратил внимание канцлер В.В.Голицын, она опаздывала на 4-5 дней. Только жесткие меры, принятые в 1684 г., позволили восстановить нормальную работу почты, хотя «старыми», образцовыми сроками в Посольском приказе считали уже не 8-11, а 11-12 дней¹⁵.

Фактическое время доставки корреспонденции зависело также от работы европейских почт. Кильбургер в 1674 г. писал, что почта от Москвы до Гамбурга доходит за 23 дня через Рижскую и за 21 через Виленскую почту. В 1676 и 1677 г. «грамотки» из Гданьска были доставлены за 20 дней через Рижскую и за 23 через Виленскую почты. В 1680 г. грамотка из более близкого Кенигсберга пришла через Ригу за 22 дня. Чтобы выяснить минимальные сроки доставки газет, был взят комплект кенигсбергских курантов (они печатались ближе всего к русским границам) за 1676 г. (период наилучшей работы почты) 16. Русский перевод удалось найти только для 7 номеров кенигсбергских газет. Это объясняется тем, что переводы сохранились только с сентября, а немецкие

подлинники, наоборот, лучше представлены за конец года. Средний срок доставки оказался 21,5 день с момента выхода газеты.

Вопрос о периодичности доставки курантов решается следующим образом. При нормальной работе и Рижской, и Виленской почт корреспонденцию привозили по два раза в неделю, что составляло 8-10 комплектов газет в разные месяцы. Однако фактическое количество было меньше. В среднем, за 1 месяц в 1676-1677 гг. приходило 7,3 почт, за аналогичный срок в 1678-1679 гг. — 6,9, а в 1680-1681 гг. — 5 почт с курантами. Как видно, периодичность доставки курантов постепенно падала, особенно сильно это проявилось в 1680-1681 гг.

По сообщению Кильбургера, в 1674 г. пришедшую почту сразу приносили в Посольский приказ и там ее распечатывали. Отбор статей для перевода осуществляли сами переводчики Посольского приказа. Об этом говорит челобитная, появившаяся в ходе конфликта Марселисов с приказными переводчиками. Противостояние началось сразу после прихода первых виленских почт весной 1669 г., когда отношения между почтмейстерами и приказом еще не устоялись. Среди прочего переводчики жаловались, что «он же де Левонтий в тех курантах назначает те речи, которые доведутца перевесть и тем их, переводчиков, он безчестит, а они де и без него знают, что годно перевесть и что не годно, и чтоб великий государь пожаловал, велел от того почтаря оборонить» 17.

О специфике работы переводчиков говорят черновики курантов. Они сохранились в очень незначительном количестве — один за сентябрь 1676 г., один за август 1679, три за октябрь 1680 г. и четыре за январь — февраль 1681 г. Три январских и февральских перевода были использованы вторично для упражнения в каллиграфии¹⁸. Обычно черновики оставлялись тогда, когда ни один из чистовиков по какой-то причине не возвращался в приказ. Однако на рубеже 1680-1681 гг. заметно общее снижение качества обработки курантов и испорченные черновики были оставлены вместе с чистовиками.

Почерки черновиков могут принадлежать разным авторам даже внутри одного текста. Например, перевод 10 октября 1680 г. начат аккуратным почерком и на правильном рус-

ском языке, а продолжен латинизированной скорописью с характерными для иностранца ошибками — «тругая» вместо «другая», «семель» вместо «земель» и т.д. Этот и еще несколько переводов имеют значительную стилистическую и орфографическую правку. Некоторые переводы правки вообще не имеют. О работе разных переводчиков говорят тексты одной из почт осени 1678 г. К сожалению, материалы сохранились не полностью. Из одних и тех же газет было составлено два чистовика. Они различались по расположению статей, стилю перевода и даже по словоупотреблению («молнии» или «перуны»). Очевидно, перед нами результаты испытания, устроенного руководством приказа кандидату в переводчики, чью работу сравнивали с переводом опытного мастера. Об авторстве переводов 1676-1681 гг. можно сказать очень немного. Только на скрепах курантов 7 января 1681 г. сохранилось рукоприкладство Леонтия Гросса¹⁹.

Перевод курантов начинался формуляром «Перевод с цесарских (голланских) печатных курантов каковы присланы чрез Рижскую (Виленскую) почту в нынешнем во ... году (месяца) в ... день». С 1680-1681 гг. перед названием почты вставлялось «в Посольский приказ». На сходство этого формуляра с формулярами других переводов, выполненных в посольском приказе, обратил внимание А.П.Богданов. По наблюдениям Е.И.Кобзаревой, в 1660-х и 1690-х гг. для переводов отбиралось около 20% информации, содержащейся в европейских газетах, и переводились они достаточно точно²⁰. Вероятно, эти данные можно экстраполировать на 1670-е, 1680-е гг. При переводе на полях текста делались пояснения географического, политического и социальноэкономического характера. Они помогали недостаточно подготовленным слушателям курантов ориентироваться в европейских событиях.

Дальнейшая обработка курантов велась подьячими посольского приказа. В 1675 г. они ведались в повытье Семена Протопопова, а с 1677 г. в повытье Дмитрия Симоновского вместе с Донскими казаками и Мещанской слободой. В повытье работали «средние» и «молодшие» подьячие М.Максимов, И.Нехорошей, Г.Степанов, А.Васильев²¹. Чистовики переписывались в 2-х экземплярах. Анализ почерков чистовиков курантов за март — май 1677 г. показал, что коррес-

понденции в 5 листов и меньше обычно переписывались одним человеком. Более крупные тексты всегда разделялись между несколькими переписчиками. Это было обусловлено требованиями скорости обработки информации. Одновременная работа нескольких переписчиков была возможна, благодаря умению подьячих Посольского приказа писать тексты «в лист» 22 и наличию нумерации на листах большинства черновиков.

Около трети курантов за указанный срок переписано одним почерком. Еще 2 человека переписывали хотя бы один раз целые корреспонденции и регулярно участвовали вместе с коллегами в обработке больших по объему текстов. Обладатель еще одного почерка постоянно привлекался к работе над крупными корреспонденциями. Таким образом, подавляющая часть курантов за весну 1677 г. переписана 4 писцами, что вполне соответствует штату повытья Д.Симоновского.

Как уже говорилось, некоторые черновики имеют следы правки, причем в некоторых случаях довольно сильной. Она могла производиться опытными переводчиками, проверявшими работу начинающих коллег. Интереснее получить ответ на вопрос, вносились ли какие-то изменения в уже готовые тексты переводов? Сравнение чистовых и черновых экземпляров курантов позволяет констатировать, что такие изменения вносились, хотя и редко. В курантах 22 февраля 1680 г. пояснение к слову «Неаполь» – «во Италии короля гишпанского» было заменено на «во Италии францужский город», а в переводе 5 февраля 1681 г. к названию «Гага» было добавлено «галанской», а к прилагательному «трипольских» - «турской». Кроме того, во втором экземпляре за 7 февраля пояснено имя королевы Элеоноры: «цесарю сестра бывшего Михаила короля польского, а ныне она за Лотаринским арцухом»²³.

Еще один случай продолжения работы с курантами после завершения их перевода отмечен в 1680 г. К газетному сообщению о пророчествах была составлена справка. В нее вошли материалы из статейного списка резидента Тяпкина и вестовых листов, поданных польскими послами. Справку составляли в повытье И.Волкова по требованию руководившего Посольским приказом думного дьяка Лариона Ивано-

ва. Информации о том, кто, кроме перечисленных лиц, работал с курантами, немного. С готовыми переводами к царю или кому-нибудь из бояр посылались подьячие П.Деревнин, Л.Паюсов, И.Торопов, М.Волков и дьяк В.Бобинин. Никто из них не входил в повытье Д.Симоновского. Очевидно, Симоновский руководил только технической обработкой курантов, а затем ими уже занималось руководство приказа. Кроме того, Л.Иванов лично зачитывал куранты царю и возвращал их в Посольский приказ. Финансовые, кадровые проблемы почт, и даже вопрос о закрытии Виленской почты тоже решал Ларион Иванов (иногда с участием В.Бобинина, Е.Украинцева и П.Долгово)²⁴.

Курантами также ведал боярин Я.Н.Одоевский. Сохранились две челобитные о том, что по его «со товарищи» приказу куранты перевелены и посланы к государю с одним из подьячих Посольского приказа. Очевидно, Я.Н.Одоевский нес перед царем ответственность за своевременную доставку переводов. Об этом говорят приписи к курантам от 25 сентября 1680 г. После газетного текста следует помета: «Таковы ж отнес к боярину ко князю Якову Никитичу Одоевскому дьяк Василий Бобинин, а назад их не принашивал, а сии вклеены впред для ведома, для того что к великому государю в троецкий поход не посланы». Ниже идет запись: «И таковы куранты посланы к великому государю в поход октября в 3 день с Рижскою почтою, что сентября присланы и отписка прислана такова». Ниже идет: «Государю (титул) холопи твои Янко Одоевский со товарищи челом бьет. Сентября государь в 25 день присланы в Посольской приказ через Рижскую почту весовые немецкие письма». Далее говорится об их переводе и посылке государю.

Однако затем во втором тексте между строк подписано: «а число в них поставлено 30-м числом», а «сентябрь» исправлен на «2 октября». В челобитной «25 сентября» исправлено на «30 сентября» и добавлено, что в Посольский приказ куранты принесены 2 октября. Затем текст курантов от 25 сентября дословно переписан и подклеен в столбец с датой 30 сентября. После всех этих манипуляций перед челобитной вписано: «да и к думному посланы куранты ж октября 2 числа писанные» 25.

Очевидно, что куранты были переданы из Посольского приказа Я.Н.Одоевскому, который должен был отослать их к царю. Однако Яков Никитич забыл это сделать. Чтобы скрыть упущение, дата доставки газет была сфальсифицирована приказными служащими. Лариону Иванову, который неоднократно докладывал куранты государю, они были отправлены только в то время, когда «прикрывалась» оплошность Одоевского. Это свидетельствует о нечетком разделении функций между руководившим Посольским приказом думным дьяком и боярином, игравшим видную роль в правительстве Федора Алексеевича.

Как уже говорилось выше, в Посольском приказе изготовлялось 2 чистовых экземпляра переводов иностранных газет. Такой факт можно объяснить, исходя из помет, ставившихся при возвращении курантов «с верху». Краткая стандартная формула таких помет: «(год) года (месяц) в (число) день великому государю известно и бояром чтено». Смысл этой приписки позволяют понять ее более пространные редакции. После фразы «бояром чтено» иногда упоминается место чтения - как правило «в передней» (зафиксированно по одному случаю «в золотой» и «в столовой»), то есть текст читался Боярской думе. Фраза «государю известно» так же имеет расшифровки – «великому государю чтено в комноте», «великому государю в комнате чтено, при комнатных боярах, чол думной дьяк Ларион Иванов»²⁶. Значит, другой экземпляр предназначался для доклада царю или царю с Ближней думой.

Анализ помет позволяет также определить сроки ознакомления царя и бояр с поступавшей через куранты информацией и объем последней. В 1676, 1677 гг. было зачитано 70% переводов курантов. В среднем на месяц приходилось 5,6 докладов, то есть значительно чаще, чем раз в неделю. Причем 53,6% текстов докладывалось государю и в Боярской думе и только 16,4% — одному государю. Столь серьезный интерес к международным событиям связан с борьбой за Чигирин, которая требовала напряжения всех национальных ресурсов.

Сохранившиеся за 1678 и 1679 гг. куранты приходили уже позже сдачи Чигирина. Процент курантов с пометами об их зачтении упал не очень значительно (до 58,1%). Зато карди-

нально изменилось соотношение между информацией, докладываемой всему правительству, и данными, сообщенными царю и его ближайшему окружению. Теперь всему правительству докладывали 25,3% переведенных текстов – в два раза меньше, чем в предыдущий период, а царю 32,8% — в два раза больше. Это свидетельствует о том, что после отказа от борьбы за Чигирин, решение внешнеполитических вопросов сосредоточилось в руках Федора Алексеевича и его ближайшего окружения. В данный период переводы иностранных газет зачитывались в среднем 4,6 раза в месяц. В 1680, 1681 гг. процент переводов газет, доводившихся до сведения правительства, упал до 52,9. Однако из-за ухудшения работы почты за месяц докладывалось теперь только 2.5 перевода, то есть почти в 2 раза меньше, чем за предыдущий период. Столь серьезное снижение интереса к внешнеполитическим проблемам связано с несколькими причинами. Во-первых, это отказ от активной внешней политики (в это время усиленными темпами идет строительство Изюмской засечной черты)²⁷. Во-вторых. Федор Алексеевич теперь основное внимание уделял внутреннему реформированию государства. Кроме того, из-за постепенного ухудшения состояния здоровья, государь не мог в должной мере контролировать работу приказных служащих, и качество работы государственного аппарата постепенно начинало снижаться.

Большое значение имеет вопрос о том, в какие сроки поступившая через иностранные газеты в Посольский приказ информация доходила до сведения правительства. Максимально оперативно это делалось в ноябре 1677 г., когда из 7 пришедших почт 6 было зачитано на следующий день после прихода и одна — через день. Однако средние сроки, даже в период наибольшего интереса к курантам, были несколько больше. Пометы об использовании курантов присутствовали на 19 из 23 их комплектов за март — май 1677 г. Сроки, в которые информация доходила до царя и бояр, в этот период определяются по пометам на 17 корреспонденциях. В день прихода почты или на следующий день докладывалось около 30% сообщений, 88,3% — в течение недели и только 11,7% позднее. Дата доклада курантов определялась, очевидно, работой почты и потребностью правительства во внеш-

неполитической информации. Какой-либо ее зависимости от дня недели не зафиксировано.

Один из экземпляров использованных курантов возвращался в Посольский приказ. Случаи, когда возвращались оба экземпляра, очень редки. Один зафиксирован в 1676, один — в 1677, три — в 1678 и четыре — в 1681 гг. Черновики за 1680-1681 г. сохранились лучше. В предыдущие годы включение дубликатов и черновиков в беловые столбцы не практиковалось (очевидно, чтобы не затруднять поиск информации). Появление этих материалов в столбцах свидетельствует о нарушении порядка хранения данного вида документации в последние годы царствования царя Федора.

Какой же из двух экземпляров возвращался в Посольский приказ? В приписях к курантам от 25 сентября 1680 г. прямо говорится, что в Посольском приказе остался экземпляр, предназначенный для царя. Однако в помете на переводах 5 сентября 1678 г. сообщается, что «к великому государю таков перевод послан в проход». Очевидно, в столбец мог быть подклеен любой из экземпляров, а оставшийся или использовался на черновики, или хранился среди разрозненных документов, о чем говорит обнаруженная Е.И.Кобзаревой на обороте курантов 1688 г. помета: «Куранты розных годов, не надобные для того, что в столпах таковые вклеены»²⁸.

Каждый из переводов курантов определенное время хранился отдельно. Об этом говорят полосы грязи шириной 4-6 см, которые видны на верхней части оборотов первых листов многих почт. Такое загрязнение могло возникнуть только при длительном хранении маленького столбца в запыленном месте. Чтобы определить, в каком виде куранты оставлялись на более длительное хранение, автор, руководствуясь расположением пятен сырости на листах, восстановил столбцы, в которых хранились переводы 1676 и 1677 гг. Выяснилось, что в больших столбцах хранились куранты за половину сентябрьского года. Это объясняет потерю курантов сразу за 6 месяцев (утерян столбец). Кроме того, становится понятной лучшая сохранность мартовских и сентябрьских текстов по сравнению с февральскими и августовскими. Находившиеся снаружи столбца листы с почтами за февраль и август первыми портились от сырости и легко отрывались. Это наблюдение подтверждает помета «куранты», сделанная почерком

XVIII в. на оборотной стороне последнего листа курантов за август 1677 г. Очевидно, что в этих столбцах куранты хранились вплоть до начала XIX в., когда их стали расклеивать и реставрировать (о времени расклейки и реставрации говорят даты на филигранях бумаги, использованной для обертки и реставрации). Однако переводы в Посольском приказе не накапливались беспорядочной грудой половину года. Об этом свидетельствует помета на оборотной стороне последних курантов за май 1677 г.: «почтовой РПЕ», то есть почтовый столбец 185 г. Принесенные в Посольский приказ 21 июня куранты за 6 января, 5 и 12 мая были подклеены уже среди июньских курантов²⁹. Это значит, что майские переводы к 21 июня уже были собраны в большой столбец.

Восстановление столбцов 1678-1681 гг. по пятнам сырости не проводилось. Однако об их структуре можно судить по особенностям сохранности и пометам подьячих. В ф. 155 РГАДА находятся оба столбца за 7187 г. (1678-1679 гг.) и один за первую половину 7189 г. (1680-1681 гг.) Материалы за 1678 г. уже после расклейки столбца и разделения документов по январскому году перепутаны. Некоторые листы, а, возможно, и целые почты, утеряны. С января по сентябрь 1679 г. в приказе была несколько изменена система хранения курантов. Их стали вклеивать в столбцы помесячно или до конца полугодия хранили в столбцах за 1 месяц. На оборотах последних листов за каждый месяц надписывалось его название. Однако уже в 1680 г. произошел возврат к прежней системе хранения. Об этом говорит помета на обороте последнего листа почты за 8 декабря. После обычной надписи «куранты 189» тот же текст четырежды повторяется порусски латиницей. Далее латиницей добавлено «сбору Дмитрия Симоновского»³⁰. Данная подпись еще раз показывает, что техническая обработка и хранение курантов находились в ведении повытья Симоновского. То, что руководитель повытья позволил себе ради демонстрации познаний в иноземной грамотности отойти от принятых норм оформления документации, подтверждает выводы о небрежной работе с курантами в конце 1680-1681 гг.

Наблюдения за тем, как доставлялись и обрабатывались иностранные газеты в период правления Федора Алексеевича, позволяют сделать вывод о тесной зависимости интереса

царя и Думы к курантам от внешнеполитической активности русского государства и состояния здоровья государя. В начале правления Федора Алексеевича, в период борьбы за Чигирин, правительство получает постоянную информацию через куранты о политической ситуации в Европе. После сдачи Чигирина подробные сведения о европейских событиях регулярно сообщаются только государю и его ближайшему окружению. Когда же в конце своего царствования Федор Алексеевич начинает уделять основное внимание внутренним реформам, а его здоровье ухудшается, информация начинает поступать в гораздо меньшем объеме, используется мало и обрабатывается менее качественно. Одна из почт, по которой доставлялись куранты, вообще закрывается, другая значительно замедляет свою работу. Восстановление системы доставки курантов, сопоставимой с существовавшей в первые годы правления Федора Алексеевича, происходит только в 1685 г. благодаря деятельности В.В.Голицына и предшествует новому полъему внешнеполитической активности.

Кобзарева Е.И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII века. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. М., 1988. С. 201; Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в московском государстве. Варшава, 1913. Т. II. С. 60-63.

² Козловский И.П. Указ. соч. Т. II.

³ Там же. Т. І. С. 62.

⁴ Там же. С. 66.

⁵ Там же. Т. II. С. 21.

⁶ Там же. С. 56-58.

⁷ Вигилев А.Н. История отечественной почты. М., 1977. С. 120-123.

⁸ *Козловский И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 57; ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680. Д. 4. Л. 177-181.

⁹ Козловский И.П. Указ. соч. Т. II. С. 57-59; Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 65.

¹⁰ *Булгаков А.Я.* Ответ на библиографический вопрос // Московский телеграф. 1827. Ч. 16. 613. Отд. 5. С. 5-33.

¹¹ *Козловский И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 4, 38, 55, 56, 70-72; ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679 г. Д. 5. Л. 18, 19.

¹² *Козловский И.П.* Указ. соч. Т. II. С. 57, 79 -72.

¹³ Там же. Т. І. С. 118, 164; Т. ІІ. С. 108.

¹⁴ ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1679. Д. 5. Л. 83, 84.

¹⁵ Козловский И.П. Указ. соч. Т. І. С. 163; Т. II. С. 69-62, 91.

- ¹⁶ Там же. Т. І. С. 163, 164; ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 1; 1677 г. Д. 7. Л. 137, 234, 235; 1678 г. Д. 4. Л. 139; 1680 г. Д. 4. Л. 177-181.
- Козловский И.П. Т. І. С. 141, Т. ІІ. С. 24, 25, 37, 40, 41; Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 105.
- ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 13-19; 1679 г. Д. 5. Л. 256-
- 258; 1680 г. Д. 4. Л 40-45, 56-61, 264-275, 307-317, 187-204. Там же. 1678 г. Д. 4. Л. 172-174, 212, 184-185; 1680 г. Д. 4. Л. 46-50, 167-176.
- Богданов А.П. «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе 1687 г. – памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 58; Кобзарева Е.И. Указ. соч. C. 112-142.
- *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 52, 53, 167.
- Демидова Н.Ф. Обучение при Посольском и Поместном приказах // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 105.
- ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1680 г. Д. 4. Л. 167-176, 187-198, 231, 133-263, 285-296.
- Козловский И.П. Указ. соч. Т. II. С. 44-59; ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 12; 1677 г. Д. 7. Л. 112; 1680 г. Д. 4. Л. 1-11, 26, 27, 148, 297; Белокуров С.А. Указ. соч. С. 53.
- ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1676 г. Д. 8. Л. 18; 1680 г. Д. 4. Л. 23-30.
- Там же. 1676 г. Д. 8. Л. 1, 6.
- 27 *Богданов А.П.* В тени великого Петра. М., 1998. С. 166-167.
- 28 Кобзарева Е.И. Указ. соч. С. 93.
- 29 ЦГАДА. Ф. 155. Оп. 1. 1677 г. Д. 7. Л. 111-127.
- Там же. 1679 г. Д. 5. Л. 17, 92, 113, 160, 205, 255; 1680 г. Д. 4. Л. 134.

«ЦЕНОВНЫЕ РОСПИСИ» КАБАКОВ XVII ВЕКА

Изучение организации монопольного казенного производства хмельных напитков и их продажи населению в кабаках в первой половине XVII в. должно опираться на широкую источниковую базу. Однако кабацкое делопроизводство не стало еще предметом пристального внимания источниковедов и по этому вопросу почти нет специальных работ¹.

Целью настоящей работы является источниковедческое изучение одной из разновидностей кабацкой документации — «ценовных росписей» кабаков, где перечислялись и оценивались строения, оборудование, инвентарь и запасы, необходимые для функционирования казенного предприятия. Автор попытался классифицировать источник по способу и приемам его составления, определить степень его полноты, а также определить его информативные возможности для изучения кабацкого хозяйства в условиях государственной монополии.

«Ценовные росписи» XVII в. являлись непременной частью кабацкой документации, впрочем, как и таможенной, и составлялись всякий раз при смене кабацкой администрации и были обязательным традиционным передаточным актом, по которому определялась стоимость «кабацкого завода». Дело в том, что, принимая казенное хозяйство, новый персонал должен был оплатить старому персоналу в лице «верного головы» или откупщика стоимость кабацкого хозяйства со всеми его строениями, оборудованием, инвентарем и оставшимися запасами (хлеб, солод, хмель, дрова, «питье») из доходов первого месяца его эксплуатации². При передаче кабацкого хозяйства от «верных» выборных голов к «верным» же головам, когда посадские люди знали друг друга, опись и оценка кабака производилась старым «головою» с целовальниками на основе прежних росписей с добавлением лишь новых построек и приобретений (котлы, бочки, ставцы, ковши и т.д.), если они были, и с включением в перечень передаваемого «кабацкого запаса». Эти оценочные описи входили в состав приходно-расходных книг нового выборного персонала и отдельно могли фигурировать лишь в черновиках и списках. Такие росписи являли собой первый тип оценочного документа.

Если же кабацкое хозяйство переходило от откупщика, который мог брать его в эксплуатацию от года до трех лет, к другому откупщику или «верному голове» или, наоборот, — от «верного головы» к откупщику, то принимающий хозяйство обращался с челобитьем к государю, чтобы «ценовную кабацкую опись составили сторонние люди», что позволяло, как считалось, получить более объективную картину состояния принимаемого хозяйства. Если новый выборный голова плохо знал старого выборного голову и не вполне доверял ему, то он так же просил сделать роспись кабака «сторонними людьми».

Поскольку «верная» система кабацкой службы чередовалась с откупной системой (когда появлялись желающие взять кабак на откуп), а во многих городах во главе кабака находились выборные тяглецы из других городов или торговые люди гостиной или суконной сотен, то наиболее распространенным способом составления «ценовных росписей» было составление их «сторонними оценщиками». Такие росписи представляли собой второй тип документа и были сложнее по своему формуляру, чем первый тип.

Формуляр таких росписей состоял из трех частей (клаузул):

1) преамбула, 2) собственно роспись с оценкой имущества хозяйства, 3) отметка о том, кто писал документ.

Преамбула включала в себя следующие сведения. Для первого типа росписей — это перечень выборных лиц кабака — составителей росписи с указанием, кому они передают описываемое кабацкое хозяйство. Для второго типа документа преамбула включала: а) упоминание о распоряжениях, на основании которых составлялась опись, б) перечень выбранных или назначенных воеводой «сторонних оценщиков», в) краткая инструкция оценщикам от воеводы, что надо описывать и оценивать на кабаке.

Преамбула второго типа источника отражала процедуру начала составления оценочной росписи. После челобитья новых приемщиков кабака об его описи из Москвы местно-

му воеводе приходила «государева грамота» об организации этой росписи. Воевода приказывал земскому посадскому старосте выбрать «оценщиков — людей добрых и прожиточных и чтобы им то дело было за обычай» или назначал их своею властью, что практиковалось в пограничных городах. В число оценщиков включались не только посадские люди, но и уездные крестьяне. Они должны были описать и оценить «по крестному целованию вправду» у верных голов или у откупщиков кабацкий двор и хоромы и всякое кабацкое строение и винные медные суды и горшки и кубы и тчаны бражные и пивные и кабацкий всякий завод и запасы, «без чего кабаку быти нельзя».

Второй (основной) частью формуляра росписей как первого, так и второго типа являлось собственно описание и оценка строений («хоромов»), оборудования, инвентаря и запасов кабацкого хозяйства.

Если в городе было несколько кабацких дворов, например, в крепости и на посаде, в также других заведений, приписанных к кабаку — торговых бань и мельниц, то их строения и имущество также описывалось и оценивалось наравне с кабацкими. Уездные филиалы городского кабака, в слободах и селах, если они были, также описывались и включались в общую роспись. В некоторых городах кабаки и таможни были объединены под началом одного «верного головы» или откупщика и составляли общий хозяйственный комплекс. В этом случае «ценовная роспись» составлялась на хозяйство кабака и таможни.

Для второго типа росписи в третьей части источника делалась отметка о том, кто ее писал (составлял). Это был также «сторонний человек» — площадной подьячий, церковный дьячок или дьячок земской избы. Он или ходил с оценщиками по кабацкому двору, записывая, что они ему говорили, или «набело» переписывал черные тексты грамотных оценщиков.

На обороте документа помещались рукоприкладства грамотных оценщиков или рукоприкладства местных священников за неграмотных «детей своих духовных», что практиковалось для второго типа источника.

Росписи первого и второго типа в подлинниках отсылались в Москву в приказы, ведавшие кабаками: Новую чет-

верть, Устюжскую четверть и Разрядный приказ, а списки отдавались новому персоналу кабаков, который мог их включать в текст своих приходно-расходных кабацких книг. Эти же списки «для справки» выдавались очередным оценщикам для составления новых росписей.

Общей чертой росписей как первого, так и второго типа являлась перечневая оценка строений и имущества отдельных подразделений кабацкого хозяйственного комплекса – «кабацкого двора»: 1) кабацких питейных изб, где производилась продажа хмельных напитков посетителям, 2) винных и пивных поварен, где «курилось» вино, варилось пиво и «ставился» мед в одном общем помещении или в отдельных поварнях — в пивной или винной. 3) помещений-погребов и ледников, где хранились готовые хмельные напитки, 4) помещений-амбаров, омшенников, клетей, житниц, где хранились кабацкие запасы и «порозжие» и ветхие бочки, тчаны. бадьи и другой инвентарь, 5) овинов, где сушились зерно, солод, хмель, 6) других приписанных к кабаку заведений. мельниц, торговых бань (бани могли быть и сугубо для персонала кабаков), а также дворов для приезжих голов и откупшиков.

Обычно в небольшом городе в одном кабацком дворе находились все подразделения кабацкого хозяйства, обнесенные одним общим забором или плетнем. Внутри двора поварни, а также питейные избы имели свои ограждения, чтобы пьяные посетители не забредали в производственные кабацкие помещения.

В крупных городах кабацкие питейные избы или поварни могли находиться в разных частях посада или по соседству с подразделениями таможни, когда кабаки и таможенная служба образовывали единый комплекс.

Наиболее интересную информацию о местных приемах составления передаточных документов, на основе которых можно судить и об изменениях в кабацком хозяйстве, дают разновременные росписи для одного и того же города. Такая возможность у нас есть по «ценовным росписям» старицкого кабака.

До 1634 г. старицкий кабак «держал» на откупе «москвитин Дмитровские сотни Сенька Фомин» за 269 р. 1 ден. в год. На 1634 г. он отказался от откупа, и старицкий воевода

Ст.Унковский по указанию из Устюжской четверти «велел бирючу по торжкам не по один день кликать будет кто похочет в Старице кабак откупить». Однако никто этого сделать не захотел, и воевода велел взять кабак «на веру» и для этого выбрать «верных» целовальников из посадских людей «сколько человек пригоже». Старичане выбрали шесть целовальников, которые у откупщика С.Фомина «ис кабацкого питья взяли в завод сколько им надобно и за то питье деньги платили». Другие же выборные люди от посада и Рыболовной и Каменщиковой слобод — Ф.Пенекин «с товарыщи» (всего 12 чел., причем один был из Погорелого городища) «старицкий кабацкий двор и поварни... оценили и сделали всему тому роспись»³.

На кабацком дворе Городской стороны посада упомянута изба, где целовальники продавали питье, «анбар казенный», где хранились, очевидно, кабацкие запасы, и новый «стоячный анбар», где хранились стойки — узкие, обычно дубовые, посудины с крышками в виде жбанов. Все три строения оценивались в 5 р. 23 алт. 2 ден. В эту оценку огульно вошло имущество (инвентарь) каждого строения.

На территории кабацкого двора находились пивная и винная поварни, огороженные плетнем. В пивной поварной избе находились два ветхих тчана — один заторный, другой квасной, и корыто. Весь этот инвентарь вместе с избой стоил 1 р. Кроме того, в поварне были еще 3 ветхих бочки и «тщанец, что мед ставят», которые вместе оценены в 16 алт. 4 ден., а также 7 шаек общей стоимостью 4 алт. 3 ден., 20 ковшей, воронка железная узкая (общая стоимость в 2 алт. 2 ден.) и подситник ценой 10 ден. Таким образом, цена пивной поварни с инвентарем составляла 1 р. 25 алт. 1 ден.

У винной поварни находилась мыльня (баня) размером в 2 сажени (т.е. 2 х 2 саж.), клеть 1,5 саж. и повет — крытое пространство между баней и клетью, стоимость которых определена в 2 р. Эти строения были «крыты соломой и забраны в два прясла забором». Цена забора, очевидно, вошла в общую сумму строений.

К поваренной винной избе «из горы» был «приведен ключ з заплотом», т.е. с ограждением водотока, попадавшего в «камею за очаг котельной». В проточной воде охлаждались медные трубки, из которых сливался «погон», служивший

для последующей выгонки «горячего вина» (водка разного сорта). Изба, заплат, очаг и «камея» были оценены в 2 р. 16 алт. 4 ден. В винной поварне находились также «три тщана, два тщанца-дроженника, да два тщана бражных добре ветхи, да семь ведер поставочных, да ушат, да три конюхи (ковщики), да кадушка ручная, да лопатка железная, чем кубы покрывают — цена тем судам 3 р. 3 алт. 2 ден.» Кроме того, в поварне оценены были 7 кубов и 7 труб медных (змеевиков), «а в них весу полшеста [5,5] пуда, цена за гривенку [в пуде было 40 гривенок] по 4 алт.», т.е. медные кубы и трубы стоили 26 р. 13 алт. 2 ден.

Отмечено также, что «на поварнях же два котла железных с ушами, один добре ветх, цена обоим котлам 4 р. 20 алт. 4 ден.» Ветхий котел был, очевидно, на пивной поварне. Всего же стоимость кабацкого хозяйства — строений и имущества питейной избы и поварен составляла 46 р. 2 алт. 5 ден.

Оценочная роспись кабацкого двора была засвидетельствована священниками местных церквей: Никольским попом Даниилом, Семионовским — Иваном, Воскресенским — Григорием и Вознесенским — Павлом, которые под документом «вместо прихожан своих (оценщиков) руки приложили».

По «ценовной росписи» старицкого кабака 1645 г., также составленной оценщиками, на кабацком дворе, который назван «старым», упоминается хором (питейная изба); против нее стоял уже «ветхий стояшной анбар», стоимость которых определялась в 3 р. 17 алт. Под этим «анбаром» после 1634 г. был сделан каменный погреб. На дворе также находились анбар казенный с погребом и анбар хлебный. Последнее строение и погреб казенного анбара были сделаны также после 1634 г. Стоимость их с каменным погребом «стояшного анбара» определена в 6 р. 27 алт.

Кроме того, на кабацком дворе появились новые строения — «горница на подклете, да клеть на подклете ж, промеж них хоромы — сени с подклетями», оцененные в 5 р. 3 алт. 2 лен.

В казенном «анбаре» находились «пустые винные и пивные большие бочки ветхие и новые, всего 13 шт., да мерное ведро, да полведра, да осьмушка, да пол-осьмушка, да подситник и всем тем мелким кабацким судам цена 4 р. 3 алт. 2

ден.» На кабацком дворе отмечен железный ветхий котел (1 р.) и дрова (1 р. 20 алт.), а также пивная поварня, огороженная «заметом в столбы и покрытая тесом и дранницами». В ней перечислены один запорный и два квасных тчана и «подручное корыто». Эта посуда была ветхой и вместе с поваренной избой и заметом оценивалась в 3 р.

На кабацком же дворе находилась винокурня — «разваленная избушка, да клетишка хлебная», оцененные в 40 алт. На винокурне находилось 6 тчанов (3 р. 3 алт. 2 ден.) «да дров на 30 алт.» Из того обстоятельства, что на старой винокурне не было медных кубов и труб — самого дорогого оборудования, можно заключить, что вино в ней уже не «курилось» и на кабаке использовалось привозное покупное вино.

На Московской стороне — в другой части посада через р. Волгу отмечен новый кабацкий двор. На нем перечислены: хором (изба) «с казенкою» — подсобным помещением, «анбар, под ним погреб каменный, ледник». Эти строения оценивались в 5 р. 16 алт. 4 ден. 4

Все строения и имущество «кабацкого завода» можно суммарно оценить в 30 р. 10 алт. 2 ден.

Сравнивая два описания кабака, отметим, что как первое, так и второе были недостаточно полными, не всегда были названы размеры строений, не было описаний инвентаря питейных изб и «стояшного анбара», инвентарь пивной поварни описывался не по отдельным предметам, а суммарно и не весь, не была названа общая сумма стоимости кабацкого завода, оборудования в питейных избах и поварнях, а также совокупная цена всего кабацкого завода. Все это указывает на формальный подход оценщиков к деду.

Разногодные описания за первую половину XVII в. мы имеем также для вяземских кабаков. Являясь порубежным городом, Вязьма была средоточием военной силы, и кабацкий доход зависел от постоянно менявшегося числа ратных людей. Так, в 1622 г. кабацкая прибыль составляла почти 865 р.⁵, в 1625 г. — почти 2176 р., в 1626 г. — 2336,5 р.⁶, в 1629 г. — чуть более 2018 р., а в 1630 г. — 2832 р.⁷

В преддверии Смоленской войны «во 138 г. мая в 25 день по государеву указу... вяземский кабак ведено отставить, чтоб служивые всякие люди не пропивалися...» В то время в

городе функционировала квасная и сусляная изба, целовальники которых были под началом таможенного головы «москвитина» Афон. Перфильева⁹. Однако после войны кабак возобновил свою деятельность, и с 1 марта 1635 г. он был на откупе за «москвитиным кадашевцем» Φ . Ребровым за 2042 р. 10

По «ценовной росписи» кабацкого вяземского хозяйства 1627 г.11, составленной таможенным и кабацким головою «москвитиным торговым человеком гостиной сотни Аврамом Сырейщиковым с товарыщи», кабацкие заведения были расположены в четырех местах города: на Вязьме реке на берегу располагался кабацкий поваренный двор с кабацкой питейной избою «на повытнице 3 саж., с нутрею и с кровлею, цена 11 р. 26 алт.» Как видим, внутреннее имущество избы не было росписано, и его стоимость вошла в обшую сумму вместе с кровлей и избою. На том же дворе отмечена «клеть двухсаженная с кровлей и з дверью (1 р. 26 алт. 4 ден.), изба ветхая, да сарай плетневый, в избе очаг, где котел ставят да погребишева яма, а под ямою гнил сенник тому всему цена два рубля с полтиною». В поваренной избе отмечены «3 чана пивных, 2 корыта да ушат, да стойка дубовая – цена всему тому 2,5 р.». Там же находился «котел медяной (медный), дно заплачено, весу 3 п., цена по 4 алт. гривенка, всего 14 р. 13 алт. 2 ден., да яндова (низкая с рыльцем братина) медная лужена, да воронка железная, цена им 2 р. 10 алт. 2 ден.». Вся стоимость поверенного двора, где варилось пиво, составляла 34 р. 33 алт.

В Верхнем остроге находилась кабацкая изба 3,5 саж. «да к той избе приделана пристень 1,5 саж., с кровлею и с нутрею — цена 4 р.». Там же стояла «клеть над ямою, а к ней 2 прясла замету (плетня), цена 1 р.». Что было в погребе (яме) и в клети, не указано. Стоимость строений и имущества Верхнего кабака составляла 5 р.

В Нижнем остроге также находилась кабацкая изба 3 саж. К ней была приделана «пристень». Цена избы и «пристени» вместе «с кровлею и нутрею» составляла 3,5 р. Этот кабак, как видим, обходился без погреба и клети и без ограждения.

На Русском гостином дворе стояла «кабацкая изба с подызбицею, 3 саж., с кровлею и с нутрею, цена 4 р., да на гостине же дворе анбар мшанной з двемя мосты» (верхним

и нижним). Верхний мост был покрыт и подсыпан землей. Цена «анбару с мостом» составляла 4 р. В анбаре находилось «60 пивных и винных бочек, по 7 алт. 2 ден. бочка, итого 13 р. 2 гривны». Стоимость кабацких строений и оборудования гостинного двора составляла 21 р. 3 алт. 2 ден.

Помимо перечисленного имущества, старый голова «отдал» новому голове еще «орленное казеное ведро», 3 фарты, 5 полуфарток, гарнец — мерная посуда и 4 «льячки малых» (воронки), 7 ковшей, 3 чарки, 3 ставца, 5 шаек и 2 ушата 12. Как этот инвентарь распределялся по четырем кабацким дворам, неизвестно. Стоимость посуды также не указывалась, но, очевидно, она колебалась в пределах 1 р. Общая же цена четырех кабацких дворов с учетом этой посуды равнялась 65 р. 19 алт. 4 ден.

В «ценовную роспись» была включена и стоимость кабацких запасов, переданных при смене персонала по отдельной росписи: 164 ведра русского вина на 80 р. 12 алт., медусырцу 26 п. 3 четверти на 18 р. 15 алт. 1,5 ден., хмелю 50 п. на 10 р., солоду ржаного 30 четвертей и 2 четверика на 13 р. 13 алт. 4 ден., меду ставленного 18 мерников с гарницем и с фартою на 7 р. 27 алт. 4 ден., пива 29 мерников и 14 гарнцев на 7 р. 7 алт. 2 ден. (гарнец и форта – мелкие меры), литовского «оковитого» вина (сорт вина) 101 ведро и 5 фарт на 61 р. 4 алт. 3,5 ден. 13 Общая стоимость запасов не указана, но, по нашему подсчету, она составила 238 р. 1 алт. 1 ден. Общая же стоимость кабацкого хозяйства равнялась 403 р. 20 алт. 5 ден. Как видим, роспись 1627 г., была краткой и неполной, но из нее можно заключить, что винной поварни в Вязьме не было и кабаки снабжались привозным вином. Эта «роспись» принадлежала к первому типу источника, когда она составлялась персоналом кабака.

По «цененной росписи» кабацкого хозяйства Вязьмы $1646~\mathrm{f.}^{14}$, составленной оценщиками — посадским земским старостою Н.Насоновым и посадскими людьми К.Губаревым, Г.Федоровым да Т.Карасевым, можно заметить некоторые изменения в кабацком хозяйстве по сравнению с росписью $1627~\mathrm{f.}$

Для удобства сравнения начнем с перечня построек, оборудования и инвентаря поваренного двора, на котором стояла питейная изба размером в 3 саж. «с лишком». Про нее

сказано, что «мосту в избу нет, кровля гнила, а в избе постав досчаный» (посудный шкаф). Про другую избу поваренную сказано, что у нее 2 стены «рублены в замок по 4 саж., что она ветха, сцеплена [т.е. укреплена], да по стороне избы конюшня гнила». Отмечено также, что у нее на кровлю было «прибавлено нового дору» (драни, щепы). Эти две избы с одним очагов и конюшней оценивались в 2,5 р. В поварне находились тчаны — «спускник да два квасника, да напол липовый (полубочка), да стойка дубовая, в чем мед ставят, а спуск и квасники все ветхи. Цена всему 3 руб. без четверти». Кроме того, там же находились: квасник новый дубовый (1 р.), четыре ушатика (посудина с обручем с проемами для носки вдвоем), четвертой худ (гривна — 10 коп.), ковш пивной да три ковша ручных (2 алт. 4 ден.), да жерновы (для ручного помола) с ящиком (11 алт.).

Питейная изба разделялась на «чарочную» — помещение, где торговали вином в чарки, и на четвертную, где продавали вино и пиво четвертями и осьмушками ведра. В «чарочной» отмечено: «котел зеленой меди весом 7 фунтов (гривенок) цена 23 алт. 2 ден., пол-фарты [фарта — 1/10 ведра] да лейка (8 ден.), ставец [деревянная точеная чаша] да 5 чарчонок [стопок] ветхи (5 ден.), два стола еловых (2 алт.), сито (4 алт.), ведро государево орленное весом 8,5 фунтов, лопатка медовая (10 ден.), стойка винная (2 алт.), два замка вислых (гривна)».

В «четвертной» перечислен следующий инвентарь: «осьмушка винная да четверть ведра деревянная (2 алт.), две воронки пивные деревянные (2 алт.), трубка винная, чем вино из бочки доставают для опыту (6 ден.) стойка винная (гривна)».

На поваренном кабацком дворе описаны следующие строения и подсобные помещения: «Да возле поварни колодец, в колодези сруб еловой гнил, да очеп у колодезя-кольцо и крюк и пробой железные (8 алт. 2 ден.), лоток водоливный (6 ден.)»

В конюшне находились: «Лошадь, что стойки развозит (40 алт.), телега целая да зад тележный с одром, да хомут (10 алт.), сани-дровни большие да маленькие салазки (3 алт.)».

На дворе также отмечена «клеть 2 саж, с рундучком гларцом для хозяйственный мелкой утвари] да сторожня 1,5 саж., где находились сторожа (2 р. 10 алт.), омшеник 3 саж. [конопаченая изба без печи для хозяйственной утвари] стоимостью в 1,5 р., анбар на леднике 3 х 2,5 саж. (1,5 р.), а в нем постав забран досками, в леднике сруб дубовый (4,5 р.), ендова медняная весом 6 фунтов, а другая – 7 фунтов (1,5 р.), котел зеленой меди весом 8 фунтов (1 р. 10 алт. 2 ден.) и погреб походный сосновый 4,5 саж., мост весь гнил, на под-порях, выход у погреба 2,5 саж.» У погреба отмечена решетка с «вислым» замком стоимостью 5 алт. Кровля на погребе и выходе была из гнилого дора и лубья. Мост, выход, решетка и кровля оценивались в 1.5 р. В погребе находились «2 котла пивных весом 9 пуд. 9 гривенок за пуд по 4 р. (всего 36 р. 30 алт.), корыто пивное 6 алт.. другое корыто гнилое (2 алт.)».

Общая стоимость поваренного кабацкого двора не приведена. По нашему подсчету она составляла 58 руб. и была в 1,7 раза больше, чем по росписи 1627 г. Расширение хозяйства кабацкого двора выразилось в появлении новых строений конюшни, ледника, омшеника, сторожки и нового инвентаря. В поварне по-прежнему варилось пиво и «ставился мед», а вино было привозное.

В городском Верхнем кабаке отмечена «изба 2 саж., да у той же избы пристень, кровля вся гнила». Эти строения с кровлей оценивались в 2 р. Погребище было размером 4 х 3,5 саж., у него кровля была «вся гнила». В леднике отмечен завалившийся гнилой сруб. Эти строения оценены в 40 алт. В избе находился «котел зеленой меди», у которого было «ухо попрочено и края изломаны». Он весил 8,5 фунтов и оценивался в 30 алт., «фарта медовая (2 алт.), три ставца да две чаши, одна дырявая, да четыре чарки (2 алт. 2 ден.), три стойки — винная, медовая, пивная (10 алт.), два стола еловых (10 ден.)».

Общая стоимость строений и оборудования кабака составляла 4 р. 19 алт., т.е. была меньше, чем в 1627 г.

В городском Нижнем кабаке стояла изба 5 х 4 саж., очевидно, с «пристенью», которая вошла в размеры избы (в 1627 г. изба была 3 саж., при ней была отмечена «пристень»), кровля избы была из нового дора и в избе стоял

«постов досчатый». Общая стоимость избы, кровли и постава равнялась 3,5 р. Из имущества избы отмечены: «полфарты новой, да лейка (8 ден.), котел зеленой меди весом 6 фунтов (20 алт.), бочка стоечная винная (20 ден.), чарка, да ставец, да ковш испорчен да чашка (5 ден.), да стол дубовый расчеп-лен (2 алт.)» Стоимость строений и имущества кабака равнялась 5 р. 10 алт. 5 ден., что было больше, чем в 1627 г.

У «Государевых гостинных дворов» отмечен «омшеник 4 саж, сосновый на омшенике изба с сенцами». Стоимость избы и омшеника оценивалась в 10 р. В избе находился дубовый стол со скамьею (5 алт.) Замок у омшеника оценен в 5 алт. Общая стоимость избы, омшеника и имущества равнялись 10 р. 10 алт.

Стоимость кровли, городьбы и ворот, которые упоминаются в росписях 1647 и 1650 гг., очевидно, вошла в общую стоимость избы и омшеника. В этом просматривался формальный подход оценщиков к своей принудительной работе. Анбар, упомянутый в росписи 1627 г., очевидно, был перенесен в другое место.

После 1627 г. в городе появилось еще две питейные избы. Роспись 1646 г. отмечает Смоленский и Московский кабаки, у которых было однообразное оборудование и инвентарь: «поставы досчатые», ледники на погребище, столы еловые и дубовые, бочки, котлы, лейки, чарки, ставцы и т.д. Стоимость Смоленского кабака составляла 2 р. 3 алт. 5 ден., а Московского — 6 р. 31 алт. 1 ден. (Она была больше, потому что кровля ее избы была из нового «дора и лубья»).

Кроме того, роспись 1646 г. отмечает «государев двор, где головы кабацкие, приезжая живут», на котором стоял «хоромизба 2,5 саж., клеть 3 саж. с двумя житьи (т.е. с двумя этажами), меж избой и клетью сени с перединьем, в сенях окно красное, за клетью баня с предбанником да на дворе погребишко, на всех хоромах кровля гнила и хоромы гнилы ж, около двора городьба плетневая, вся гнила, цена всему 8 р.»

К Вяземскому кабаку была приписана также «государева торговая баня с предбанником 3 саж., с водоливною», у которой «очеп, кольцо с пробоем железные» да плот. В бане отмечен «щан да 10 шаек». Стоимость бани не указана, но по росписи 1650 г. она составляла 4 р. 15

Таким образом, общая стоимость кабацкого хозяйства с двором кабацких голов и торговой баней составляла 99 р. 8 алт. 1 ден.

В расходной кабацкой книге 1646 г. записано, что 13 декабря построена еще одна кабацкая изба «за Фроловским мостом, что вместо чарочной (на поваренном дворе) изба куплена у Вяземского стрельца Федорова приказу Львова у Михаила Павлова, дано 7 р.» За провоз, установку, конопатку, укладку печи и мостов в избе и «на перед избы», устройство «постава» и за материал дано плотникам и печникам из стрельцов и казаков еще 8 р. 18 алт. 2 ден. Этот новый кабак на Фроловской стороне росписью 1647 г. оценивался со всей «нутрею» в 8 р. 30 алт. 3 ден. 17

В источнике отсутствуют сведения о кабацких запасах, которые, очевидно, вошли в отдельную роспись.

Сравнивая «росписи» вяземского кабашкого хозяйства 1627 и 1646 гг., можно заметить его расширение за счет постройки новых строений и подсобных помещений. Можно также обратить внимание на изменение типа источника. Роспись 1646 г. и дальнейшие принадлежали уже ко второму типу документа. Роспись 1646 г. заметно подробнее отмечает имущество кабаков и поварни, хотя ряд формальных моментов в ней все же присутствует. Так, не всегда у кабацких дворов отмечены ограды (городьба), в избах – печи, скамейки, окна, замки, кочерги и т.д., предметы инвентаря нередко оценивались вместе, а не по отдельности, не приводилось общего подсчета стоимости строений и имущества отдельных подразделений хозяйства и общей суммы «кабацкого завода», что, очевидно, не требовалось от оценщиков. Общую сумму стоимости кабацкого хозяйства подсчитывали новые головы или откупшики.

С точки зрения выявления местных особенностей составления кабацких ценовных росписей, интересен пример г. Воронежа. По росписи 1649 г. 18, составленной по наказу воеводы В.Т.Грязного служилыми и посадскими людьми, в том числе осадным головой Т.Кочаниным, всего 22 оценщиками, кабацкое хозяйство выглядело следующим образом. В городе на кабацком дворе у таможни находилась изба «питущая» (питейная) ценой в 4 р. В ней отмечено: «ендова медная большая (20 алт.), бочка чарочная винная (3 алт.),

котел медный, из чего вино продают, чарка винная двуденежная [в нее наливали вина на 2 ден.], воронка жестяная, цена всему 18 алт., 9 ковшей, один из них "медвяной", три ставца, два ведра мерных медвяных, из одного мед продают, цена всему 6 алт., два напола липовых, что мед ставят, да сито с подситником (20 алт.)». В избе стояли две бочки с медом, «а в них меду 62 ведра, цена за ведро по 3 алт. 2 ден., итого меду на 6 р. 6 алт. 4 ден.»

На этом же дворе отмечена «клеть подле таможни, цена 20 р. 3 алт. 2 ден.» и еще несколько подсобных помещений: «омшеник на погребе сосновый, а на нем сушило с крыльцом и отводной двойной лесницей». Погреб имел «выход» в омшеник, длина которого равнялась 3,5 саж. У омшеника и погреба было по замку, цена этих строений с замками определялась в 13,5 р. В омшенике находилось 10 кадей с медом, «а в них весу 60 п. 2 чети, цена пуду по 23 алт. 2 ден., итого меду на 42 р. 11 алт. 4 ден. да две кондейки медные с ручками [сосуд для заливки смолой щелей в бочках], да клевец железный, чем жернова куют, цена всему 23 алт. 2 ден.» В погребе находилось 11 бочек «порозжих» (1 р. 23 алт. 2 ден.).

На кабацком дворе также находился «ледник на погребу сосновый» размером 5,5 х 3,5 саж. Погреб был дубовый и имел размер 3 х 3 саж. Эти строения оценивались в 23 руб.

Все хозяйство кабацкого двора без запасов меда пресного и кислого оценивалось в 71 р.

Под городом на берегу р. Воронеж стояла Верхняя Большая винокурня. В ней находилось основное оборудование винных поварен — медные котлы и трубы. Особенностью воронежских «ценовных росписей» было то, что вместе с котлами и трубами Большой винокурни перечислялось основное оборудование и Нижней Малой винокурни — ее филиала. Очевидно, это была традиция, которую новые оценщики не изменяли. Всего на двух поварнях отмечено «15 котлов с трубами добрых а весу в них 11 п. 9 гривенок, цена пуду по 4 рубля с полтиной, меди ветчанных (ветхих) котлов и труб 10 п. 18 гривенок 2 чети (гривенки) цена пуду по 4 р. без четверти (рубля)». Общая стоимость доброй и худой меди в котлах и трубах равнялась 82 р.

На Большой винокурне отмечены также «две ендовы медные, весу в них 3,5 гривенки по 4 алт. 3 ден., т.е. общая цена

ендовам 17 алт. 1 ден.» Очевидно, также для двух винокурен были исчислены и запасы дров — «2100 возов, по цене 2 гроша (4 ден.) за воз, всего на 42 р.; вина 438 ведер по цене 23 алт. 2 ден. за ведро, всего на 306 р. 20 алт.; муки молотой 67,5 чети по цене за четверть 23 алт. 2 ден., всего на 47 р. 8 алт. 2 ден., овса 40 чети по 13 алт. 2 ден. за четверть, всего на 10 р., хмелю 8 чети по цене за четверть 3 алт., всего на 1 р. 3 алт. 4 ден.» Там же на винокурне находилось «семь мешков портеных, что хлеб носят, цена мешкам 13 алт. 2 лен.»

На дворе Большой винокурни находилось довольно много подсобных помещений: 3 омшеника – два с сушилами, в одном из них солод мочили, он был с колодою и к нему «был приведен колодез», в другом ставили вино, а в третьем (без сушила) находился кабацкий инвентарь: пустые бочки. бадьи, наполы, стойки, ставцы, ковши и воронки (стоимость омшеников и инвентаря оценивалась в 55 р. 2 алт. 2 ден.), два овина для сушки солода, общей ценой в 27 р.: две жилые избы, где мололи солод, в них находились 7 ручных жерновов, 30 кадушек да шайка, общая цена избам и имущества равнялась 11 р.; «клетка ветхая» для хранения молотого солода ценой 6 алт. 4 ден.: «анбар» для ссыпки хлеба. там же держали вино, цена «анбару 20 р.»; погреб с выходом дубовым, «а в него вино ставят, да не нем поставлена житница (4 х 4 саж.), а у погреба замок, а в тое житницу молотой хлеб сыплют, цена погребу и житнице 34 руб. с полтиною». Стоимость этих полсобных помещений с имуществом составляла 147 р. 25 алт. 4 ден.

На Нижней Малой винокурне размером 9 х 6 саж. с чуланом, колодами и шайками стоимостью 30 р. также отмечено: 9 чепов (местное название чанов) общей стоимостью 4 р. 1 алт. 4 ден., квасник новый сосновый, напол дубовый, стойка дубовая, «что раку льют» (рака — первый вонючий выгон из браги), наливка деревянная, корец (ковш), 2 бочки, 2 бадьи «с ушми железными» общей стоимостью 33 алт. 2 ден. На поварне находился котел бражной медный весом 6 п. без четверти ценой 23 р.

Кроме этого, там же находились 2 чепа с брагою, цена браги составляла 2 р. 1 алт. 4 ден. Стоимость строений, инвентаря и браги равнялась 60 р. 3 алт. 2 ден.

На том же Нижнем винокуренном дворе стояла изба «питущая» ценой 5 р. 25 алт., в которой находился посудный и другой инвентарь: бочка чарочная, котел медный, «из чего вино продают», чарка, 2 ставца, 3 кондеи, 2 топора, кочерга, поскребушка, резец, 3 ковша общей ценой 31 алт. 4 ден.

Недалеко от двора Малой винокурни располагался Нижний Чюжовский кабак — изба «питущая» с «клеткой на погребе» общей ценой 2 р. 8 алт. 2 ден. В избе находились: бочка приимочная чарочная, чарка винная, 2 ставца, ковш, котел медный. Стоимость посуды, бочки и котла равнялась 16 алт. 4 ден. Общая стоимость чюжовского кабака составляла 2 р. 25 алт.

Таким образом, по нашему подсчету, строения и имущество всего воронежского хозяйства в 1643 г. оценивались в 277 р. 12 алт., а кабацкие запасы, расписанные в одном общем документе, — в 455 р. 13 алт. 4 ден. Всего же общая стоимость воронежского «кабацкого завода» составляла 732 р. 31 алт. 4 ден.

В 1652 г. произошла кабацкая реформа, по которой кабаки стали называться кружечными дворами, «раздробительная» продажа вина стала осуществляться в посуду большего размера — кружки, заведения стали работать не по всем дням недели и по определенным часам. Однако эти новшества, приведшие к снижению кабацких доходов, не отразились на организации производственного процесса в поварнях и на процедуре составления «ценовных росписей».

По росписи воронежского кружечного двора 1655 г., составленной по наказной памяти воеводы В.Я.Непейцына служилыми людьми, в том числе стрелецким сотником Вас.Протопоповым и посадскими людьми, всего 30 оценщиками, кабацкое хозяйство описывалось также, как и в дореформенное время, т.е. традиции составления росписей оставлись в силе.

Хозяйственный комплекс у таможни стал называться кружечным двором. Там находилась все та же изба «питущая» с соответствующим оборудованием, «омшеник на погребе с сушилом», над старым ледником был поставлен «анбар» 5,5 х 4,5 саж., а клеть была снесена. Эти строения с имуществом оценивались в 36 р. 16 алт. 4 ден. В избе находилось также 60 ведер кислого меду на 6 р.

На Верхней Большой винокурне в 1655 г., по сравнению с 1649 г., в росписи было указано инвентаря (колоды, шайки, чепы, ведра, бадьи и т.д.) намного больше — на общую сумму в 50 р. 5 алт. 1 ден.

Самого дорогого оборудования общего для двух винокурен, — медных котлов и труб — было также побольше — на 92 р. 5 ден. Из подсобных помещений Верхней винокурни перечислены и оценены все те же, кроме одного омшеника, где мочили солод, — 2 омшеника с сушилами, два овина, анбар хлебный, погреб с выходом и житницей и две жилые избы. Все строения и инвентарь помещений оценивались в 98 р. 20 алт., т.е. меньше, чем в 1649 г., за счет снесенного омшеника, который постояно подмывался водой.

На винокурне и в подсобных помещениях находились «кабацкие запасы»: 117 ведер вина на 42 р. 4 алт., 334 чети с полуосьминою молодого ржаного солоду на 170 р. 6 алт. 3 ден., 22 осьмины с четвериком хмелю на 3 р. 6 алт. 2 ден., 45 п. меду пресного на 27 р., дров сосновых и дубовых плахами 1400 возов на 56 р., 6 мешков «портяных, что хлеб носят», на 30 алт. Всего запасов было на 299 р. 13 алт. 3 ден.

На Нижней Малой винокурне строения и имущество оценивались в 21 р. На дворе указана также изба жилая, где находилась медная посуда: «ендова да два котлика, из одного работники на винокурне есть варят». Изба и посуда оценивались в 3 р. 18 алт. 2 д. О «питущей» избе в росписи упоминания нет, возможно, она была «отставлена» и стала просто жилой избой. Всего же цена винокурни и жилой избы с инвентарем составляла 24 р. 18 алт. 2 ден. 19

Не упомянут также Нижний Чюжовский кабак, очевидно, он также был упразднен.

По нашему подсчету, строения и имущество воронежского кружечного двора — его избы, винокурен и подсобных помещений оценивались в общую сумму 302 р. 5 алт. 4 ден. Все кабацкие запасы оценивались в 305 р. 13 алт. 3 ден. Совокупная же стоимость всего воронежского «кабацкого завода» составляла 607 р. 19 алт. 1 ден., что было меньше, чем в 1649 г. Для сравнения приведем совокупную стоимость воронежского кабацкого хозяйства в 1665 г., равную 570 р. 7 алт., когда откупщик «москвитин, кадашевец» Л.Елизарьев принимал кружечный двор у «верного» головы И.Михнева²⁰.

Очевидно, снижение кабацкой прибыли после реформы 1652 г. повлияло и на уменьшение стоимости кружечного двора. В дальнейшем правительство, чтобы не нести потери в прибылях, негласно санкционировало прежний (дореформенный) порядок работы питейных заведений.

Изучение двух воронежских росписей кабацкого хозяйства позволило установить, что в местных поварнях производилось одно вино да еще изготавливался («ставился») хмельной мед. О производстве пива вовсе не упоминалось. Это было еще одной особенностью воронежского кабацкого дела.

Таким образом, изучение практики составления «ценовных росписей» кабаков в первой половине XVII в. позволяет заключить, что предпочтение отдавалось второму типу источника, когда опись и оценка производились «сторонними людьми». Строгих требований к составлению документа не было. При оценке полагалось не упускать основные строения и оборудование поварен и питейный изб. Оценщики руководствовались старыми росписями, если они им давались, и своими познаниями и опытом. Произвольность составления местных росписей проявлялась во многих деталях, например, оценшики могли включить в обшую роспись перечень и оценку кабацких запасов, а могли этот перечень составить отдельно. Они также могли не расписывать мелкий инвентарь питейных изб, а включить его стоимость в общую оценку строения. Если же они описывали инвентарь, то часто оценивали его предметы суммарно. При этом они, конечно, что-то упускали из виду. Не всегда приводились размеры строений, его материал (сосна, ель, дуб), не всегда отмечалось наличие «городьбы» (плетни, заметы), ворот, мостов перед избами и т.д. Общей особенностью работы оценщиков было то, что, отмечая стоимость отдельных строений и оборудования поварни или питейной избы, они никогда не приводили совокупную оценку этих комплексов, а также стоимость всего кабацкого завода.

Однако, несмотря не все эти формальные моменты, «ценовные росписи» являются важным источником для изучения организации монопольного государственного производства хмельных напитков и их продажи.

² РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1649 г. 117. Л. 215.

- 8 Там же. Л. 38.
- 9 Там же. 1630 г. 22. Л. 153.
- ¹⁰ Там же. 1635 г. 11. Л. 56.
- Там же. Ф. 137. Боярские и городовые книги г. Вязьма. Кн. 2. Л. 48-50.
- 12 Там же. Л. 50.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Кн. 10. Л. 116 об.-124.
- ¹⁵ Там же. Ф. 141. 1645-1650 гг. 8. Л. 310.
- ¹⁶ Там же. Ф. 137. г. Вологда. Кн. 10. Л. 103.
- ¹⁷ Там же. Л. 123.
- ¹⁸ Там же. Ф. 210. Разрядный приказ. Приказной стол. 177. Л. 1-5.
- ¹⁹ Там же. Севский стол. 162. Л. 141-146.
- Глазьев В.И. Откупщик против мира: конфликт вокруг таможни и кабака в 1668-1671 гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1998. Вып. 7. С. 24.

Полонская Н.Д. Страничка из истории кабацкого дела XVII в. // Юбилейный сборник статей студентов историко-этнографического кружка при Киевском ун-те. Киев, 1914. (Изучены материалы ревизии (счета) вологодских кабацких книг «верных» целовальников 1629 г.); Булгаков М.Б. Росписи кабацких долговых «напойных» денег первой половины XVII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1998. (Изучены долговые росписи некоторых кабаков первой половины XVII в.).

³ Там же. 1635 г. 11. Л. 24-26.

⁴ Там же. 1644 г. 91. Л. 122-123.

⁵ Там же. 1623 г. 29. Л. 14.

⁶ Там же. 1626 г. 26. Л. 39-40.

⁷ Там же. 1628 г. 55. Л. 37-38.

УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК НАЧАЛА XVIII ВЕКА: БОЯРСКИЙ СПИСОК 1706 ГОДА

Изучение проблемы динамики и механизма формирования социального строя России середины XVI — первой четверти XVIII в. не обходится без обращения к документам государственного происхождения. Служебные списки как наиболее синтетичные официальные источники содержат массив данных о чиновной системе, структуре Государева двора, которые поддаются статистическому и просопографическому анализу.

Первые боярские списки, дошедшие до нас, созданы в царствование Ивана Грозного. До 1667-1668 гг. они, в отличие от боярских книг, имевших тетрадную форму, ежегодно составлялись в виде столбцов (свитков-списков) в Московском столе Разрядного приказа¹. В первом десятилетии XVIII в. боярские списки остались практически единственным, регулярно составлявшимся источником, вобравшим насыщенную информацию о правящих слоях России.

Исследователям известны боярские списки всего «книжного» периода 1667-1713 гг., кроме списка 1706 г. В специальных работах выдвигались различные версии и констатация этого пробела², но, по-видимому, направленные усилия для выявления списка не предпринимались. Между тем, отсутствие известий за 1706 г. отразилось на некоторых выводах типологического анализа боярских списков и обработке их сведений. Реконструкция данных неизвестного боярского списка на основе источников 1705 и 1707 гг. не могла избавить от известных погрешностей³. Поэтому ликвидация даже минимальных пропусков информации, возникших вследствие случайных ошибок или обстоятельств комплектования архивного фонда, несомненно, обогатила бы парадигму эволюции «чиновного» строя Московского государства.

Исходя из идеи потенциального нахождения источника в соответствующем делопроизводстве Разряда, автор данной статьи обнаружил боярский список 1706 г. в описи книг Московского стола, составленной в конце XIX в. 4 Лист исполь-

зования архивной единицы хранения подтвердил, что историки, изучавшие известные боярские списки первой четверти XVIII в., не касались данного источника.

Документ, озаглавленный «Список бояр и окольничих, и думных, и ближних людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 1706 году», содержит 237 листов и по объему не контрастирует с соседними списками. В отличие от списка 1707 г.5 он производит впечатление законченного белового экземпляра, не имеющего заметных информационных лакун. Страницы документа не скреплены подписью дьяка, отсутствие которой не всегда говорит об отсутствии подлинности и степени официального завершения списка. В ряду боярских списков встречаются подобные экземпляры, которые свидетельствуют о возникновении нестандартных ситуаций в делопроизводстве Разрядного приказа или существовании копий списка, современных подлиннику. Последняя причина наименее вероятна для списка 1706 г. – ряд палеографических особенностей и совокупность внесенных пометок подтверждают, что данный экземпляр был завершен в течение 1706 г. Возможно, переписка фамилий и развертка чинов в новом списке была закончена не ранее первых месяцев 1706 г., так как численность стольников и стряпчих по составленному перечню несколько выше итоговой цифры оригинала⁷. Переписчики списка не были застрахованы от ошибок при внесении помет, так, например, в начале документа, напротив фамилии боярина кн. А.П.Прозоровского находится пометка «умре»⁸, которую позднейшие списки не подтверждают. Но в целом сведения списка имеют высокую степень достоверности.

Строение списков определялось их предназначением — оперативно фиксировать службу высших «чинов» Государева двора и части выборных провинциальных дворян, числившихся по т.н. Московскому списку. Боярский список представляет подробный перечень служилых людей по чинам и рубрикам (разделам), которые условно можно разделить на три вида: главные, частные, специальные. Главные рубрики разбивают перечень по чинам Московского списка и обычно раскрывают имплицитную информацию заголовка⁹. Перечни внутри главных рубрик назовем частными рубриками, в них указывались лица с одинаковыми обстоятельствами службы

или пожалования чина. Так, в главном разделе «стольники» выделяются следующие частные рубрики: «Со 189 году написаны в стольники за крещение в православную християнскую веру...», «Служат в полку», «Отставные с 703 году написаны... жить на Москве для посылок», «Отставные ж с 703 году по смотру в Розряде для совершенные их старости... писать не ведено», «В полковниках и в подполковниках, и в начальных людех». Аналогичные частные рубрики, исключая раздел «новокрещеные», находим в перечнях стряпчих и московских дворян. Дьяки были единственным чином списка 1706 г., в который были пожалованы служилые «по отечеству». Соответствующий частный раздел после обшего списка дьяков фиксирует семерых пожалованных. Общий (неквалифицированный) список 10, под названием главной рубрики предшествует частным рубрикам каждого чина. Специальные рубрики боярского списка фактически расшифровывают частные разделы (например: «Служат в полку» — «в Новгороцком», «с казанцы», «с синбиряны», «с смоленскою шляхтою» и т.д.: «Отставные с 703 года...» — «из новокрещенов», «из смоленской шляхты»). В целом боярский список 1706 г. содержит типичные для списков первой четверти XVIII в. рубрики. Их набор показывает, что в начале столетия преобладала тенденция дифференциации разрядов дворянства внутри старомосковских (думных и дворцовых) чинов по роду службы, которая Табелью о рангах оформилась в военную, штатскую и придворную.

Все «чины» боярского списка учитывались по четырем обязательным параметрам. Для всех чинов определялось место в иерархии Государева двора. Далее, численность служилых людей указывалась в конце объемных рубрик¹¹. Изменения личного состава, произошедшие в течение года, отмечались пометами напротив фамилии («умре», «отпущен постритца» и т.п.). Третий аспект касался старшинства пожалования чином, которое, как и предыдущие параметры, определялось расположением фамилии человека в рубриках списка (перечень строился по принципу старшинства пожалования чином). Наконец, географическое местонахождение службы указывалось пометами («в Астрахани», «на службе в Севску» и т.д.).

Некоторые направления учета служилых людей не распространялись на весь боярский список. Например, численность дворов указывалась только у стольников, стряпчих и дворян московских 12. Сведения о служебной и физической годности находятся преимущественно в перечне отставных «По смотру в Розряде» и на Генеральном дворе в 1703 г. Данные о прохождении служебного учета были записаны только у «чинов», подлежавших регулярным смотрам (стольники, стряпчие и дворяне московские). Дворяне, которые не посетили обязательные смотры, отмечались в списке особым знаком — крестом (крыжом). Правило не фиксировать в списках дворовладение «крыжовников» было своеобразным атрибутом борьбы правительства с дворянами, увиливавшими от государева дела. Должностные поручения служилых и иные условия службы фиксировались с помощью помет (к примеру: стольник М.П.Гагарин — «в Сибирском сульей»: думный дворянин И.А.Власов — «в посылке»). Помета являлась универсальным способом корректировки боярского списка для оперативного закрепления сведений выборочного учета¹³. Форма и структура списка 1706 г. вполне вписывались в традиционные нормы делопроизводства, поскольку концентрировали vпорядочивали сведения И **учетно**служебного характера.

Типичность и достоверность списка 1706 г. подтверждается не только сходством структуры с другими боярскими списками, но и сравнением с данными т.н. сказок служилых людей — источником, закрепившим подробную информацию о землевладении московских чинов¹⁴. Из сказок 1700 года боярские списки 1700-1713 гг. заимствовали сведения о количестве крестьянских дворов. Данные сказок о географическом расположении поместий и вотчин начала XVIII в. были приведены боярским списком 1706 г. Сказки служилых людей составлялись в Поместном приказе и, таким образом, боярский список 1706 г. был единственным документом Разряда, хранившим более подробные сведения о землевладении дворян, чем другие списки. Напротив фамилий из общих перечней списка, обыкновенно с левой стороны, перечислялись города и уезды, в которых стольники, стряпчие и дворяне имели поместья. Как правило, общее количество крестьянских дворов одного владельца складывалось из нескольких, отдаленных друг от друга поместий, и отмечалось в конце их перечисления (например, у стольников: кн. Л.Ф.Долгорукий — помета слева — «на Вологде, на Костроме, в Оболенску, на Кинешме 167», помета справа — «в Казенном судья»; В.Н.Татищев — помета слева — «в Доннове, в Дмитрове, во Пскове, в Галиче, во Брянску, в Серпейску 13»). Список 1706 г. наглядно отражает тенденцию интенсивного дробления дворянских земель в начале XVIII в. В определенной мере запечатленные цифры проиллюстрировали правительству Петра I необходимость «Указа о единонаследии» 1714 г. Данные о географии землевладения были включены в боярский список по одной только причине обязательного учета служебной и поместной «силы» дворянства в начале Северной войны.

Уникальные сведения и широкие информационные возможности документа могут объяснить его нынешнее хранение вдали от основного сегмента поздних боярских списков. Благодаря их «пополнению» списком 1706 г., исследователи получат возможность повысить информативность, а следовательно, ценность наблюдений и анализа чиновного строя, динамики службы высшего дворянства и эволюции делопроизводства центрального аппарата России в начале XVIII века.

¹ За период 1667-1713 гг. в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 210. Оп. 2) хранятся 53 боярских списка, из которых три не содержат сведения о думных чинах. За некоторые годы имеются по 2-3 списка, дополняющие друг друга, или составленные за период, на несколько месяцев больший или меньший календарного года. К времени составления списка 1706 г. в Московском столе Разрядного приказа сохранялось повытье боярского списка. См., напр.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 8. Разрядные вязки. В. 40. Д. 14. Л. 2.

² Медушевский А.Н. Боярские списки первой четверти XVIII в. // Археографический ежегодник за 1981 г. М., 1982. С. 160; Айрапетян И.Ю. Феодальная аристократия в период становления абсолютизма в России: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 33.

³ Путем реконструкции прежде всего невозможно восстановить содержание помет на полях списка 1706 г. Например, в перечне думных чинов проставлены 26 помет, треть из которых не дублируется списками 1705 и 1707 гг.

⁴ Описание документов и бумаг МАМЮ. М., 1894. Кн. 9. Оп. 6. Московский стол. Книги. Д. 176.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Боярские списки. Д. 53.

- ⁶ Там же. Д. 53; Незавершенный боярский список 1707 г. Д. 59. Боярский список 1711 г., содержащий в т. ч. сведения за 1712-1713 гг.
- ⁷ Сведения об умерших дворянах в конце 1705 начале 1706 г. могли быть получены Разрядом в процессе составления перечней списка 1706 г., когда итоговая цифра была еще не подсчитана. См. прим. 9.
- ⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Московский стол. Книги. Д. 176. Л. 1 об.
- 9 В заглавии списка «думными» обозначаются в узком смысле думные дворяне и думные дьяки — нижние чины Думы; «ближними людьми» — высшие дворцовые чины: кравчие, постельничие, стряпчие с ключом, комнатные стольники.
- Под общими списками в подлиннике указана итоговая численность (в скобках дается фактическая численность подсчет автора). Стольников 1044 (1053), стряпчих 580 (585), дворян 221, дьяков 132.
- 11 Численность служилых людей внутри компактных рубрик, как правило, не указывалась. Ниже приведен численный состав правящей элиты по основным чинам списка 1706 г. (в т. ч. количество умерших за год). Бояр 22 (1 Ф.А.Головин «июля в 10 день едучи с Москвы в Глухове умре»), кравчих 2, окольничих 18 (2 М.Т.Лихачев, кн. П.Г.Львов), постельничих 2, думных дворян 12, стряпчих с ключом 2, думных дьяков 6, комнатных стольников 129 (2 и 1 «отпущен постритца»), стольников 1622, стряпчих 777 (без отставных).
- В начале 1706 г. стольники владели 29718 дворами, стряпчие 7040 дворами. Ср.: Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994. С. 217-219.
- 13 Сопоставление помет является также одним из способов для уточнения даты составления боярского списка.
- 14 См.: Водарский Я.Е. Население России в конце XVII начале XVIII в. М., 1977.

ИСТОЧНИКИ И ПРИЕМЫ СОСТАВЛЕНИЯ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ ВЕЛИКОГО ПОСОЛЬСТВА ПЕТРА І

За полтора столетия в российском дипломатическом ведомстве выработались устойчивые традиции делопроизводственной деятельности. Любой документ первоначально готовился подьячими в черновом варианте на основе имевшихся образцов и прецедентов. Затем он подвергался правке дьяка и переписывался набело. Беловик отправлялся по месту назначения, а черновик подклеивался в столбец (длинная полоса из скрепленных бумаг), который хранился в архиве приказа. Совокупность материалов по одному или нескольким родственным делам образовывали «столп». Однако пользоваться в повседневной работе огромной лентой склеенных вместе документов было сложно, поэтому еще в XVI в. появляется практика переписывания столбцов в тетради, сшиваемые затем в книгу. Позже за ними закрепилось название — «посольские книги». Ряд бумаг не включался в столбцы, а хранился в первозданном виде. К ним относились: грамоты, некоторые письма, печатные материалы, записи на двойных листах с оборотами. Часть из них в той или иной степени тоже получала отражение в посольских книгах. Данные ципы составления и систематизации документов широко использовались и во внутригосударственной, и в зарубежной практической деятельности дипломатического ведомства.

Великое посольство 1697-1698 гг. представляет собой один из наиболее ярких примеров делопроизводственной работы Посольского приказа. В ходе поездки был использован наработанный десятилетиями опыт ведения переговоров, составления различных бумаг. К последним в дипломатической практике вообще относились с большой внимательностью, так как документальная фиксация какого-либо события или происшествия имела огромное значение во всех международных и юридических отношениях. Создававшийся прецедент позже было почти невозможно оспорить, и он в дальнейшем мог играть значительную роль в двусторонних связях.

Внутри посольской миссии в процессе ее подготовки и пребывания за рубежом постепенно накапливались подлинные и копийные материалы, откладывавшиеся в столбцах. Одновременно составлялся «дневник»-отчет, куда заносились ежедневные мельчайшие события и происшествия. Документация во время поездки велась в походной канцелярии специально подобранными подьячими. В штате Великого посольства их было семь человек: «старые» — М.Волков, М.Родостамов, «средние» — М.Ларионов, Н.Иванов, «молодшие» — И.Чернцов (из Казанского дворца), Ф.Буслаев (из приказа Большой казны), Петр Ларионов1. Возглавлял канцелярию дьяк П.Б.Возницын, хотя фактически всем управлял боярин Ф.А.Головин. По возвращении в Москву столбцы и дневник были исправлены и после определенной правки и сокращений перенесены в посольские книги, которые использовались в повседневной работе чиновников.

В данной статье предпринимается попытка выявить источники и принципы составления посольских книг и статейного списка Великого посольства путем сравнения их со столбцами, которые сохранились почти полностью. Особое внимание сосредоточено на решении следующих проблем: 1) какие документы включались в посольские книги, а какие — нет; 2) систематизация способов и методов редактирования столбцов при копировании в книги; 3) соотношение чернового и белового статейных списков. В основе анализа лежит методика, отработанная Н.М.Рогожиным².

Для выявления наиболее полных первоисточников посольских книг было рассмотрено большинство материалов, относящихся к Великому посольству 1697-1698 гг., которые сохранились в РГАДА. Анализу подверглись так называемые «дипломатические фонды», т.е. бывший архив МГАМИД, наследник архива Посольского приказа. Особое внимание уделялось столбцам, хотя другие документы тоже привлекались. За рамками исследования осталась частная переписка участников миссии, «Походные журналы» Петра I и другие бумаги, которые из-за неофициального характера не могли использоваться в ходе составления посольских книг³.

В настоящее время существует шесть посольских книг (полный комплекс), относящихся к Великому посольству. Все они находятся в фонде 32 «Сношения России с Австрией и Германской империей»: 44, 45, 46, 47, 48 — под-

линники, 45а — копия XVIII-XIX вв. 4 Наибольший интерес представляют две книги: 44, объединяющая: 1) отправление гонца А.Вейде, 2) отправление Великого посольства, 3) документы, посланные с посольством, и 45, включающая основную часть «Статейного списка Великого посольства». Приходно-расходные книги, имеющие 47 и 48, прямо не относятся к дипломатической стороне миссии, а их разбор - задача отдельного исследования. Сам факт включения финансовых документов в число чисто дипломатических посольских книг свидетельствует о размывании круга действий подьячих Посольского приказа, поместивших бумаги не в «тот» раздел архива. Из книги 46, содержащей «Продолжение статейного списка Великого посольства» и «Статейный список пребывания П.Б.Возницына на конгрессе в Карловице», привлекалась лишь часть, касающаяся июля-сентября возврашения послов Ф.Я.Лефорта 1698 г. После Ф.А.Головина, вместе с Петром I и свитой, в Москву в сентябре 1698 г. Великое посольство фактически перестало сушествовать, хотя в Австрии для переговоров с турками остался третий посол — П.Б.Возницын.

Некоторые столбцы, содержащие финансовые документы миссии, не включались в исследование как являющиеся первоисточником приходно-расходных книг⁵. Часть дел, использованная при составлении книг, не была проанализирована из-за недоступности ввиду ветхого состояния⁶. В целом полному разбору подверглись две книги: 44 и 45.

Посольская книга 44

В отличии от делопроизводства XVI — начала XVII в. имеющиеся столбцы позволяют в полной мере выявить первоисточники посольской книги 44. Книга состоит из четырех групп документов: 1) отправление в Европу гонца А.Вейде и подьячего М.Волкова; 2) отправление Великого посольства; 3) наказ Великому посольству; 4) переписка с Посольским приказом, копии грамот. Ee первоисточники находятся в нескольких фондах: ф. 32, оп. 1, д. 5 (1696 г. — столбец), д. 6 (1696 г. — столбец), д. 7 (1697 г. — столбец), д. 8 (1697 г. — столбец), д. 9 (1697 г. столбец), д. 16 (1697 г. — столбец), д. 17 (1697 г. — столбец), д. 28 (1697 г. — столбец), д. 43 (1697 г.— столбец), д. 55

 $(1697 \, \Gamma. - \text{столбец}), \, д. \, 71 \, (1698 \, \Gamma. - \text{столбец}), \, д. \, 19$ (1699 г. — столбец), д. 20 (1699 г. — столбец); ф. 50, оп. 1, д. 2 (1697 г. — столбец), д. 4 (1697 г. — столбец); ф. 74, оп. 1, д. 1 (1697 г. — столбец). Ранее все документы, скопированные в посольскую книгу, находились в одном столбце, о чем свидетельствуют палеографические данные и скрепы на краях расклеенных листов. Косвенно это подтверждается пометой на полях из Кн. 44, касавшейся одного из документов: «Сего в столпу нет, знатно отодрал кто небрежением. А после сего дела их в столпу»⁷. Сохранилась даже помета. свидетельствующая о ревизии его (столбца) содержимого: «После сего нет в сем столпу делу грамот: верющей, полномочной х курфесту бранденбускому, проезжей послом, памятей в Казенной приказ о камке и мафтех на грамоты, грамот в Новгород и во Псков о даче послом подвод: и то есть списано в тетратех»⁸. В процессе формирования фондов архива Коллегии иностранных дел, а затем МГАМИД (Московский главный архив Министерства иностранных дел), и их реорганизации столп был расклеен и рассортирован по разным делам. Часть бумаг даже попала в другие фонды.

Хорошая сохранность всего комплекса столбцов дает возможность их подробного сравнения с текстом посольской книги. Анализ показал, что столбцы перенесены в Кн. 44 почти полностью, с учетом исправлений в черновиках. В нее (книгу) включены: указы⁹, грамоты¹⁰, наказы¹¹, памяти¹², отписки послов и воевод в Посольский приказ¹³, переводы писем губернатора Э.Дальберга, письма Ф.А.Головина и П.Б.Возницына к Е.И.Украинцеву¹⁴, памяти в финансовотерриториальные учреждения¹⁵, росписи¹⁶, челобитные¹⁷, делопроизводственные выписки¹⁸, выписки и «доклады»¹⁹, расспросы («скаски»)²⁰, отдельные записи²¹, переводы грамот к Петру I^{22} . В книгу не вошли фрагментарные отрывки, как, например, «черновые отпуски грамот на иностранных языках, предназначенные для А.Вейде»²³.

Таким образом, можно прийти к выводу, что посольская книга 44 составлялась исключительно на основе черновых столбцов. При копировании их в книгу сокращению подвергались лишь некоторые второстепенные документы, причем в местах, исключающих спорные моменты. Разночтения можно отнести на счет невнимательности составителя. В хо-

де работы над книгой переписчик порой пропускал отдельные фразы. Дьяк при сверке текста с первоисточником исправлял ошибки, делая дополнения²⁴. Иногда оплошность оставалась незамеченной. Так, в книге в челобитной подьячего Ф.Буслаева о верстании ему нового оклада неверно передан текст пометы: «Выписать» вместо «205-го, февраля в 12 день, выписать» и указан другой ее автор — дьяк И.Волков, а не думный дьяк Е.И.Украинцев; в записи указа за 4 февраля о включении в состав Великого посольства собольщиков из Стретенской сотни вместо Петра Чистяка, Антипа и Ивана Поповых записаны Антипа Иванов и Иван Петров; в Наказе неправильно вписано имя одного из собольщиков: «Иван Копьев» вместо «Иван Попов»²⁵.

Возможно, книга не была окончательно сверена, что подтверждается наличием в ней места для одного из документов, который не был переписан. В конце Наказа послам, как в столбце, так и в посольской книге, есть помета «Да с сим же наказом отдана роспись делам и всему, что с ними послы послано, в тетрате же, за приписью дьяка Ивана Волкова, такова» 26. Далее в столбце идет перечисление взятых документов и т.п., а в книге пустое место до конца л. 261 и следы трех отрезанных листков. Видимо, переписчик оставил свободное место для «росписи», но так как ее не вписали, чистые листы были удалены и использованы на другие нужды.

Посольская книга 45

В основе составления посольской книги 45 (далее — Кн.45) лежали более сложные принципы. Она представляет собой не просто сборник челобитных, памятей, указов, а единый отчет (статейный список), написанный на основе «дневника» с последующей переработкой. Во время пребывания в Европе один из подьячих в специальных тетрадях вел регулярные записи, куда заносил сведения о текущих событиях. Другие посольские служащие на листах столбцовой формы могли предоставлять информацию по отдельным эпизодам поездки. В процессе работы в дневник вклеивались или копировались все важные дипломатические документы. Ведение чернового статейного списка на двойных листах с оборотами, образовывавших затем тетради, свидетельствует о новых веяниях в приказном обиходе. В предшествующее

время основное делопроизводство, за исключением объемных итоговых беловиков (посольские, писцовые, разрядные книги), велось на длинных узких полосках бумаги, которые получались при разрезании большого стандартного, так называемого «александрийского», листа. В первую очередь это касалось всех черновых записей. Полный отказ от столбцов произошел только после коллежской реформы Петра I, поэтому тетрадная форма чернового отчета миссии свидетельствует о передовых наработках в деятельности дипломатического ведомства. Вообще, в отличие от других учреждений, Посольский приказ обладал значительно большей широтой полномочий и гибкостью в ведении дел. В связи с этим он мог внедрять в своей практике более прогрессивные методы.

Посольская книга 45 базируется на черновом статейном списке посольства (далее — ЧСС) и столбцах с различными материалами. Аналогично характеризуется статейный список в посольской книге 46. К сожалению, сохранилась лишь часть чернового списка, включающая информацию за февраль — ноябрь 1697 г.²⁷

Сопоставление белового (из Кн. 45) и чернового статейных списков, с подключением столбцов, позволяет выявить основную массу первоисточников посольской книги, схему их внедрения в ее начальный вариант и степень изменений при составлении и правке. Большинство бумаг в столбцах сохранилось в виде черновиков или черновых отпусков, но в статейные списки они попадали исключительно в беловом варианте, поэтому при сопоставлении указывалась только общая разновидность документа (грамота, отписка, челобитная и т.д.) без подробностей. Анализ проводился нами в два этапа: сначала сравнивались статейные списки со столбцами, а затем — посольская книга с ЧСС, т.е. беловик и черновик статейного списка.

I. Статейные списки и столбцы

Столбцы, грамоты, отписки и другие бумаги фиксировались в статейных списках (как черновом, так и беловом из Кн. 45) несколькими способами: 1-2) копирование всего дела либо его отдельных материалов²⁸; 3) вставка с небольши-

ми дополнениями²⁹; 4) переложение в третьем лице с сокращениями³⁰; 5) упоминание событий, о которых шла речь в документах³¹. Первые два способа не имеют принципиального различия, однако ряд архивных дел представляет собой единый комплекс в виде склеенного столбца, поэтому важно учитывать, как он переписывался: целиком или фрагментарно. При наличии большого и разнохарактерного столбца могли использоваться два-три способа. Например, одна из грамот копировалась полностью, из других вносилось лишь основное содержание, а второстепенные памяти и отписки полностью игнорировались. Некоторые дела вообще не нашли отражения в статейных списках³².

Не удалось найти в статейном списке соответствие столбцу с описанием визита графа Кинского к великим послам 17 июля 1698 г.³³ В посольской книге на страницах, предшествующих 19 июля, когда состоялась официальная аудиенция Великого посольства у цесаря, помещено большое количество материалов, касающихся подготовки приема, урегулирования спорных вопросов, выработки взаимоприемлемых точек зрения на проблему войны с Турцией (тексты статей и предложений обеих сторон). За всеми этими достаточно объемными документами мог легко затеряться небольшой столбец из полутора листов.

Исключительным случаем является прямое использование столбца при формировании ЧСС. Так, большая часть описания визита голландских депутатов к великим послам 2 октября 1697 г. была изъята из первоисточника и помещена в статейный список³⁴. Причем в начале составитель ЧСС переносил текст своей рукой, но потом, по непонятной причине, бросил это дело и, отделив оставшиеся восемь листов из оригинала, подклеил их к окончанию собственных записей³⁵. В столбце осталась делопроизводственная помета, указывающая на судьбу фрагмента: «Конец (колен) сего розговору отодран и вклеен в статейной черной список»³⁶.

Копии и списки на иностранных языках в статейный список, а, следовательно, и в посольские книги, не заносились³⁷.

Можно отметить, что приказные подьячие при составлении статейного списка в большинстве случаев придерживались достаточно четких принципов отбора и копирования материала. Полностью или с небольшими купюрами в него

попали почти все официальные документы: разнообразные грамоты; наказы лицам, отправляемым из состава основной миссии с самостоятельными поручениями; отписки великих послов в Посольский приказ; их переписка с государственными и должностными деятелями других стран; статьи с предложениями сторон и тексты договоров; описание церемоний; отдельные важные письма и памяти как дипломатического, так и делового характера. Данные бумаги играли основополагающую роль во взаимоотношениях на международной арене и в приказной практике, поэтому их содержанию придавался особый смысл.

Менее существенные материалы обычно перелагались с купюрами от 1-го или 3-го лица. К ним относились: ординарная и служебная переписка великих послов второстепенного характера; информация о внешнеполитических событиях, не имеющих прямого отношения к Великому посольству. Здесь значение имело лишь общее содержание документа, а не его точные формулировки. Встречались и исключения из правил, когда важные бумаги переписывались в урезанном виде или опускались. Например, указ посольской свите о запрещении посылать в Россию письма мимо великих послов и выступление председателя Генеральных штатов фон Эссена на отпуске посольства из Гааги в октябре 1697 г. переданы с сокращениями, а грамота к цесарю с просьбой о содействии Г.Кобылину и П.Михайлову, описание приема Великого посольства в Бранденбурге и визита в Гаагу 25 сентября 1697 г., речь амстердамских бургомистров при отпуске посольства 14 мая 1698 г. — вообще отсутствуют.

Разбор случаев смысловой правки показал, что ей не придавалось особого значения на данном этапе создания посольской книги, т.е. при включении столбцов в статейный список. За исключением двух небольших отрывков, касавшихся приезда послов в Ригу и встреч с представителями Генеральных штатов, серьезных изменений первоисточника не наблюдалось. Более основательное редактирование шло, как будет показано ниже, при переносе информации из ЧСС в беловик.

События, оставившие после себя делопроизводственный («бумажный») след, но не имевшие сколько-нибудь значительного влияния на деятельность посольства, иногда кратко

упоминались в тексте статейного списка. Такая практика применялась при получении Великим посольством объемной корреспонденции из Москвы, Польши или Украины, при отпусках в Россию вспомогательного персонала миссии и в других отдельных эпизодах. Однако чаще всего такие моменты поездки вообще опускались при описании, а отложившиеся после них документы сохранялись исключительно в столбцах. Обычно в статейном списке отсутствовали следующие материалы (речь идет только о неоднородных столбцах, другие фрагменты которых могли использоваться): переписка участников миссии с европейскими корреспондентами и между собой, если они выступали как частные лица: некоторые полуофициальные письма (например, от Ф.А.Головина к Е.И.Украинцеву) и информационные отписки (со сведениями о событиях в России. Польше. Австрии): выписки: росписи кормовых выдач и покупок.

II. Посольская книга и черновой статейный список

Оба документа дошли до нас в неравноценном виде. В ЧСС листы сильно перепутаны. Кроме того, между отфрагментами И абзацами предусматривалась вставка документов, которые в ЧСС вкладывались отдельно. Поэтому даже абзацы с одного листа, при переносе их в посольскую книгу, иногда оказывались на разных страницах. После подробного сопоставления текста с Кн. 45 появилась возможность выявить правильный хронологический порядок расположения листов и отдельных фрагментов ЧСС: 1-46, 83 - 84 об., 85 - 93 об., первые две трети 46 об., 94 - 113, конец 46 об., 50 - 60, 47, первые две трети 47 об., 48, 49 об., 49, конец 47 об., 61 - 63, 114 - 121, 63 - первая половина 69, 122 — 123 об., 70 — начало 72 об., вторая половина 69 об., 73 - 74, вторая половина 72 об., 75 - 82 об., 128, 124 -127 об., 129 — 133 об., 136, первая половина 137, 138 — 139 об., вторая половина 137, 134 — 135, 140 об., 142, 141, 142 об. — 226 об., 226 об., 228, 227, 227a-б, 228 об. — 249 об., 251, 250, 250а-эк, 251 об. — начало 261, 263 об., середина 261, 262 - 263, окончание 261 - 261 об., 264 - 291, 292, 294а, 294 — 305 об., первая половина 314, 306 — 313, вторая половина 314-332 об., первая половина 338, 333-334, вторая половина 338, 335-337, 338 об. -375 об., 382-383 об., 388, 388 об., 384- первая половина 384 об., 376-381, вторая половина 384 об. -387 об. Сплошной связанный текст в ЧСС хронологически заканчивается октябрем 1697 г., далее идут отрывки и документы за 5-28 ноября 1698 г. Видимо, вторая половина чернового статейного списка с перечнем событий за декабрь 1697- сентябрь 1698 г. была утеряна38.

В книгу текст из ЧСС переносился пятью основными способами: 1) полностью, с учетом всех исправлений³⁹; 2) с небольшими изменениями стилистического характера⁴⁰; 3) с трансформацией смысла и содержания фрагмента⁴¹; 4) с сокращением фраз, предложений или целых документов⁴²; 5) с дополнениями⁴³. Следует обратить особое внимание на последние три способа, которые позволяют раскрыть особенности приказного делопроизводства, выявить побуждающие мотивы при внесении корректуры.

Помимо указанных способов существовали исключения, не подпадавшие ни под одно из правил:

- 1) Копирование фрагментов первоначального варианта ЧСС, т.е. «дневника», без учета исправлений. Так, в ЧСС вместо зачеркнутого «Мая в 25 день...» вписано сверху «Июня в 4 день...», вместо «Мая в 27 день...» «Июня в день...», а в Кн. 45 стоят прежние даты⁴⁴.
- 2) Игнорирование помет на полях. В ЧСС напротив текста грамоты к датскому королю указано «Написать великого государя его царского величества имянования и титлы, так же и королевские», но в Кн. 45 титулы оставлены в сокращенном виде⁴⁵. На мой взгляд, это объясняется либо невнимательностью переписчика, либо неизвестными соображениями составителей.

В некоторых случаях из-за больших сокращений первоначального варианта ЧСС («дневника») происходила путаница в датировке, которая переносилась в посольскую книгу. Например, описание посещения Э.Данкельманом великих послов, начинающееся с фразы «Того ж числа был...», в контексте окончательного варианта ЧСС и Кн. 45 соответствует дате — 12 июня 1697 г. На самом же деле, как показывает анализ зачеркнутой части ЧСС, первый бранденбургский

министр ездил в русскую миссию 15 июня 46 . Приглашение бранденбургского курфюрста посмотреть «звериные потехи» датируется 18-м, а не 20-м июня, как надо 47 ; приезд в Пилау подьячего Н.Иванова — 23-м, а не 27-м июня 48 ; визит великих послов на Ост-Индийский двор — 19-м, а не 21-м августа 49 ; проезд через Амстердам и посещение великих послов казаком Яцко Кондратовичем Цыховским, посланным гетманом И.Мазепой в Турцию для разведки, — 2-м, а не 3-м сентября 1697 г. 50 Все это вело к фактическим ошибкам в точной датировке исторических событий.

При изменении порядка следования различных бумаг в ЧСС использовалась система значков « $\sqrt{}$ », « $\sqrt{}\sqrt{}$ », « $\sqrt{}\sqrt{}$ » и т.д. В нужном месте устанавливался тот или иной знак, которым также помечали необходимый документ. Составитель посольской книги, руководствуясь метками, расставлял все по порядку. Например, перед верющей грамотой к А.Никитину, первоначально находившейся на первом месте, поставили знак « $\sqrt{}\sqrt{}$ », а перед следовавшим за ним письмом-указом — « $\sqrt{}$ ». Поэтому в Кн. 45 письмо-указ к посланнику в Польше переместилось на первое, а верющая грамота на второе место. Для исключения возможной путаницы на полях появилась помета: «Списать указ, а после верющую грамоту...» 51

Таким образом, изменениям при переписывании из ЧСС в посольскую книгу подверглось около трети текста. Причины этого были самыми разнообразными:

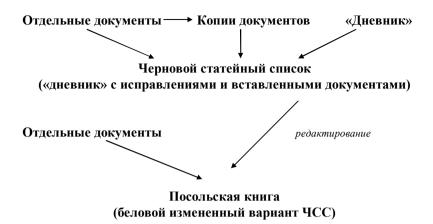
- 1) переработка вставок в текст «дневника» в связанный текст и косвенную речь;
- 2) расположение в смысловом порядке посланий, вписывавшихся в «дневник» по мере отправления адресатам, с уточнением и проведением логических связей между ними с помощью дополнений или помет;
- 3) внесение содержимого документов по пометам в ЧСС с одновременной стилистической правкой текста;
 - 4) редактирование текста;
 - 5) невнимательность переписчика.

В окончательной версии статейного списка (и в ЧСС, и в Кн. 45) отсутствует упоминание о деле, связанном с кражей в пути у П.Б.Возницына вещей и денег, хотя сохранилась целая переписка великих послов с губернаторами Берлина, Колберга и Кистрина⁵². Однако в первоначальном варианте

списка говорилось о посылке писем главам городов и приводилась роспись похищенных вещей⁵³. Вероятно, изъятие произошло из-за нежелательного характера бумаг, свидетельствовавших об отрицательной стороне путешествия. Это доказывает тенденциозность составителя, выполнение им определенного «заказа» начальства.

Некоторые документы, вошедшие в статейный список, не сохранились в первоисточниках: письма Ф.А.Головина к П.И.Прозоровскому за 10 декабря 1697 г. (2 послания) о присылке переводных векселей и о продаже «чехов (чеков — ?) старого и нового дела»; за 17 декабря «с подтверждением на первые декабря 10 числа к нему отпущенные письма»; к А.А.Виниусу в Сибирский приказ о подготовке соболей на 10 тысяч рублей для отсылки Великому посольству; к Е.И.Украинцеву о подготовке привоза соболей В.Борзым с подьячим и др.⁵⁴

На основе проведенного анализа можно выявить примерные этапы делопроизводственной работы, имевшей своим итогом посольскую книгу 45. В походной канцелярии писался «дневник» с подробной ежедневной фиксацией событий. Наряду с этим велась текущая документация, принималась и разбиралась почта, оформлялся отъезд самостоятельных и вспомогательных миссий, составлялись бумаги для переговоров. Некоторые материалы, активно используемые при выполнении дипломатических и других задач посольства, копировались. По возвращении в Москву весь архив попал в Посольский приказ, где «дневник» преобразовали в черновой статейный список. В него перенесли информацию из столбцов, частично из копий, если подлинник был утрачен, одновременно проведя первую правку с удалением всех упоминаний имени Петра І. Затем посольский дьяк, возможно, П.Б.Возницын или Ф.А.Головин, еще раз просмотрел и отредактировал весь ЧСС (в тексте остались следы двойной корректуры). Окончательный вариант переписали в посольскую книгу, переработав некоторые вставки в косвенную речь, расположив все в хронологическом порядке, включив дополнительные материалы. В схематичном виде это выглядит следующим образом:



В промежутке между ЧСС и посольской книгой, возможно, существовал беловой статейный список, на что указывают разночтения между окончательным вариантом черновика и текстом книги. Но каких-либо упоминаний о беловике не сохранилось, поэтому данное предположение остается гипотетическим.

* * *

Часть материалов, находящихся в «дипломатических фондах», представляет собой отдельные копии того или иного столбца. Они обычно не использовались при составлении посольских книг в отличие от их первоисточников-столбцов. Однако было бы неправильно поместить их в группу дел, не оказывавших влияния на составление посольских книг. Данные документы являются простыми дубликатами, созданными для различных делопроизводственных или дипломатических пелей 55.

* * *

В итоге, можно сделать вывод о наличии в делопроизводственной практике Посольского приказа XVII в. устоявшихся навыков и обычаев. Основная масса документации первоначально откладывалась в черновом варианте столбцов, а затем, проходя несколько этапов корректирования, фиксировалась в книгах. Посольские книги являлись результатом

сложнейшей работы, обобщавшим всю дипломатическую документацию. Они создавались либо путем копирования столбцов (Кн. 44), либо путем переработки статейного списка со вставками дополнительных бумаг (Кн. 45). Таким образом, можно говорить о двух типах посольских книг. Первый представлял собой сборник всех значительных документов миссии. Основная сложность для подьячих при его составлении заключалась в отсеивании второстепенной информации, в четком хронологическом и смысловом расположении переписываемых бумаг, в точном их копировании. Более трудоемким было написание второго типа посольских книг, базировавших на дневниках-отчетах. Редактирование их первоначального текста было намного сложнее, часто носило тенденциозный характер и зависело от конкретной международной обстановки. Оно делалось в несколько этапов с обязательным привлечением участников поездки. Перед переписыванием набело черновик обязательно просматривался посольским дьяком, вносившим окончательную правку. Вообше, статейный список среди источников Ведшего посольства занимал важнейшее место, и поэтому ему уделялось особое внимание. В дальнейшем он играл определяющую роль в складывании представлений о миссии 1697-1698 гг.

Устойчивый формуляр посольских книг, сложившихся к концу XVI в., сохранился в XVII в. В книгах Великого посольства можно четко выделить определенную структуру каждой составной части. Здесь имеются и грамоты, и наказы, и статейные списки, и росписи подарков. Изменения содержания несомненно произошли, но они не затронули сути данного вида документов. Таким образом, основные черты посольских книг оставались неизменными на всем протяжении существования этой уникальной формы делопроизводства, так как полностью отвечали насущным потребностям ведения дел.

Передовые для того времени методы широко распространились в работе Посольского приказа. Помимо тетраднокнижной формы ведения дел, составления подробных обзоров из зарубежных «ведомостей», постепенно происходило внедрение практики содержания при важнейших иностранных дворах официальных российских представителей и неофициальных агентов (А.Никитин в Речи Посполитой,

А.С.Свейковский в Австрии). Они подробно информировали российских дипломатов о важнейших событиях в Европе, иногда давали полезные рекомендации, что подтверждается перепиской, отложившейся в посольских книгах. Все свидетельствовало о достаточно успешном функционировании Посольского приказа на международной арене.

Пример Великого посольства показал, что к началу правления Петра I российское внешнеполитическое ведомство имело большие практические наработки, не терявшие своего значения несколько десятилетий.

² Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV-XVII в. М., 1994. С. 121-165.

⁴ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 44-47, 45а.

8 Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 233.

¹¹ Там же. Д. 6 (1696 г.). Л. 12-47; Д. 7 (1697 г.). Л. 1-102; Кн. 44. Л. 7-24. 219 об.-261.

¹ РГАДА. Ф. 32: «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Кн. 44. Л. 221 об.-222.

³ РГАДА. Ф. 2. (Разряд II). «Дела собственно до императорской фамилии относящиеся»; Ф. 5. (Разряд V). «Переписка высочайших особ с частными лицами»; Ф. 9. (Разряд IX). «Кабинет Петра I и его продолжение»; Ф. 11. (Разряд XI). «Переписка разных лиц XVII-XIX вв.»; Ф. 142: «Царские подлинные письма»; Ф. 155: «Иностранные ведомости и газеты» и др.

⁵ Там же. Д. 14 (1697 г.), 58 (1697 г.), 25 (1698 г.), 38 (1698 г.).

⁶ Там же. Д. 2 (1698 г.); Ф. 138. Оп. 1. Д. 20 (1697 г.), 29 (1697 г.). 7 Там же. Кн. 44. Л. 301 об.

⁹ Там же. Л. 1, 9, 31-32, 42-44, 52, 140, 155, 171, 178, 228; Д. 6 (1696 г.). Л. 1, 11, 49; Д. 16 (1697 г.). Л. 1; Д. 55 (1697 г.). Л. 1-3; Д. 20 (1699 г.). Л. 1; Кн. 44. Л. 1, 6 об.-7, 25-25 об., 49-49 об., 59-59 об., 63-63 об., 85 об.-87, 94-94 об., 135 об.-136, 137 об.-138, 148-148 об., 195, 197 об.-198 об., 262, 272 об.-273 об., 276 об.-277, 306.

¹⁰ Там же. Д. 6 (1696 г.). Л. 51-55, 57-60, 62, 64-67, 70-75; Д. 9 (1697 г.). Л. 1-27, 36-41; Д. 55 (1697 г.). Л. 8-13; Кн. 44. Л. 26-38, 198 об.-215 об., 277-280.

¹² Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 57, 135, 141-144, 156, 160, 164; Д. 6 (1696 г.). Л. 77-80; Д. 20 (1699 г.). Л. 3-4; Кн. 44. Л. 38 об.-41, 92 об., 136 об.-137 об., 138-139, 140-140 об., 144 об.-147, 150 об.-151, 306 об.-307.

¹³ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6 (1696 г.). Л. 82-86; Д. 17 (1697) г. Л. 1-5; Д. 28 (1697 г.). Л. 1-4; Д. 43 (1697 г.). Л. 1, 2; Ф. 50. Оп. 1. Д. 4 (1697 г.). Л. 1-2; Ф. 32. Оп. 1. Кн. 44. Л. 42-45 об., 265-268 об., 270 об.-272 об., 280-281.

- ¹⁴ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5 (1696 г.). Л. 25, 48, 54-55, 94, 95, 116, 117, 124, 125, 136, 138; Д. 6 (1696 г.). Л. 90-92; Д. 17 (1697 г.). Л. 6-7; Кн. 44. Л. 45 об. 48 об., 49 об. 50 об., 50а-50а об., 79-79 об., 87 об.-88 об., 141-144, 268 об.-270 об.
- Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 19-24, 45-47, 49, 53, 56, 73, 74, 82, 93, 109-112, 118-119, 127, 133, 134, 152, 154, 177, 183, 189, 190, 192-195, 202, 204, 211, 215, 216-221, 229; Д. 6 (1696 г.). Л. 8-9, 76, 81; Д. 55 (1697 г.). Л. 7; Д. 19 (1699 г.). Л. 6-8; Кн. 44. Л. 5-6, 38-38 об., 41-42, 73 об.-77 об., 78 об.-79, 79 об.-80, 87-87 об., 88 об.-89, 90, 92-92 of., 94 of.-95 of., 105-105 of., 112 of.-113, 119-119 of., 120 об.-121 об., 127 об., 130-130 об., 132 об.-133, 135-135 об., 148 об.-149, 153-153 об., 155-155 об., 156 об.-157 об., 159-159 об., 163-163 of., 166-167, 170-170 of., 173 of.-176 of., 179 of.-180, 180-180 of., 187 of.-188, 276-276 of., 304 of.-305 of.
- Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 33-34, 129-131, 137, 139; Д. 8 (1697 г.). Л. 106-107; Кн. 44. Л. 51-55, 77 об.-78, 141, 144-144 об., 189-191 об.
- Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 88, 96, 103, 113, 121, 126, 128, 145, 157, 162, 179, 180, 182, 197, 205, 208, 212, 222, 227, 230; Д. 19 (1699 г.). Л. 1; Кн. 44. Л. 90 об.-91, 106-107 об., 113-113 об., 119 об.-120 об., 125-125 об., 128-128 об., 133 об.-134, 149-149 об., 151 об.-152, 153 об.-154 об., 156-156 об., 157 об. -158 об., 159 об.-160 об., 163 of.-164, 167-168 of., 171-171 of., 176 of.-177, 181-181 of., 183 об.-184 об., 187-187 об., 301 об.-302 об.
- Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 17-18, 71, 72, 81, 87, 92, 102, 108, 115, 150-151, 163, 181, 200-201, 207, 214, 225-226, 232; Д. 6 (1696 г.). Л. 6-7; Д. 8 (1697 г.). Л. 105; Кн. 44. Л. 3 об.-4 об., 72-73 об., 89-89 об., 91 об., 104 об.-105, 111 об.-112 об., 118 об.-119, 124 об., 127, 132-132 of., 152-153, 158 of., 162 of.-163, 165 of.-166, 173-173 об., 179-179 об., 183-183 об., 186-186 об., 264 об.-265.
- Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 2, 5-8, 10-16, 26-31, 35-41, 50-51, 58-71, 76-81, 83-86, 89-91, 97-101, 106-107, 114, 122-123, 146-150, 158-159, 163, 165-170, 173-175, 181, 198-200, 203, 206-207, 209-210, 213-214, 223-225, 231-232; Д. 6 (1696 г.). Л. 2-5, 10, 48-50; Д. 8 (1697 г.). Л. 101-104; Д. 55 (1697 г.). Л. 4-6; Д. 19 (1699 г.). Л. 2-5; Д. 20 (1699 г.). Л. 2; Кн. 44. Л. 1 об.-3 об., 6-6 об., 24-25, 56-59, 59 oo.-63, 63 oo.-71 oo., 80-85 oo., 91-91 oo., 93-94, 95 oo.-104 of., 107 of.-111 of., 113 of.-118 of., 121 of.-124, 125 of.-127, 128 об.-130, 130 об.-132, 139, 149 об.-150 об., 153, 158 об., 160 об.-162 of., 164-165 of., 168 of.-170 of., 171 of.-173, 177-179, 181 об.-183, 184 об.-186, 191 об.-192, 193-194 об., 195 об.-197 об., 262 об.-264 об., 273 об.-275 об., 302 об.-304 об., 306-306 об. Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 176, 196; Кн. 44. Л. 147-148, 194 об.-
- 195.
- Там же. Д. 5 (1696 г.). Л. 3, 4, 104, 139, 151, 153, 191; Д. 71 (1698 г.). Л. 1-2; Кн. 44. Л. 50а об., 134-134 об., 144 об., 158 об.-159, 179 of., 180, 192 of.-193, 288-289.
- Там же. Ф. 74. Оп. 1. Д. 1 (1697 г.). Л. 112-116; Ф. 50. Оп. 1. Д. 2 (1697 г.). Л. 90-97; Кн. 44. Л. 294 об.-297 об., 297 об.-301.
- 23 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6 (1696 г.). Л. 56, 61, 63, 68-69.
- Там же. Кн. 44. Л. 30, 36 об., 41 об. Ср.: Д. 6 (1696 г.). Л. 60, 73, 81.

- ²⁵ Там же. Кн. 44. Л. 159 об.-160 об., 144 об., 222 об. Ср.: Д. 5 (1696 г.). Л. 197, 139; Д. 7 (1697 г.). Л. 4.
- ²⁶ Там же. Д. 7 (1697 г.). Л. 102. Ср.: Кн. 44. Л. 261.

²⁷ Там же. Д 10 (1697 г.). Л. 1-388 об.

- ²⁸ Напр.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 28 (1697 г.). Л. 1-2; Д. 32 (1697 г.). Л. 5-10; Д. 43 (1697 г.). Л. 1-2; Ф. 50. Оп. 1. Д. 4 (1697 г.). Л. 1-2; Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 21-22, 151 об., 382, 382 об.; Кн. 45. Л. 22-23, 37-39 об., 134, 134 об., 348, 348 об. и др.
- ²⁹ Напр.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 21 (1697 г.). Л. 2-3; Д. 27 (1697 г.). Л. 1-3; Д. 60 (1697 г.). Л. 13; Ф. 50. Оп. 1. Д. 2 (1697 г.). Л. 43-44; Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 2-3, 262-263; Кн. 45. Л. 5 об.-7 об., 18-19, 238 об.-239 об., 469-471 и др.
- ³⁰ Напр.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 20 (1697 г.). Л. 2; Д. 35 (1697 г.). Л. 1-2; Д. 49 (1697 г.). Л. 1-3; Д. 10 (1697 г.). Л. 37, 37 об., 186 об.-187 об.: Кн. 45. Л. 7 об.-8, 52, 52 об., 161-162 и др.
- ³¹ Напр.: Там же. Д. 25 (1697 г.). Л. 8-11; Д. 26 (1697 г.). Л. 1-4; Д. 12 (1697 г.). Л. 22; Д. 10 (1697 г.). Л. 4, 6, 179-180; Кн. 45. Л. 17, 19 об., 154 об.-155.
- 32 Напр.: Там же. Д. 12 (1697 г.). Л. 1-21, 23-89, 100-167; Д. 1 (1698 г.). Л. 1-3, 10-19, 26-34, 49-64, 73-81, 86-87, 90-97, 103-128; Д. 20 (1697 г.). Л. 3-4, 7-10.
- 33 Там же. Д. 43 (1697 г.). Л. 55-56.
- 34 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 292-300.
- 35 Там же. Л. 290-291 об.
- ³⁶ Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2 (1697 г.). Л. 62.
- ³⁷ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 6 (1696 г.). Л. 56, 61, 63, 68-69, 87-89; Д. 21 (1697 г.). Л. 6-8; Д. 27 (1697 г.). Л. 4; Д. 39 (1697 г.). Л. 1-2; Д. 44 (1697 г.). Л. 10; Д. 48 (1697 г.). Л. 4; Д. 53 (1697 г.). Л. 16; Д. 54 (1697 г.). Л. 1, 13; Д. 60 (1697 г.). Л. 11-12; Д. 16 (1698 г.). Л. 12-13, 18-19, 32-33, 43-44; Д. 43 (1698 г.). Л. 2, 38-43; Д. 48 (1698 г.). Л. 8, 13; Д. 52 (1698 г.). Л. 6-10 и др.; Ф. 50. Оп. 1. Д. 2 (1697). Л. 33, 37, 42, 44, 47-48, 68-71, 81, 85-88; Ф. 74. Оп. 1. Д. 1 (1697 г.). Л. 7-22, 26-31, 34, 74-81.
- ³⁸ Ср.: Там же. Ф. 32. Оп. 1. Кн. 45. Л. 376-708.
- ³⁹ Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 10 (1697 г.). Л. 4 об., 6, 6 об.-7 об., 12-14, 20-22, 24-36, 38-46, 83-84, 53 об.-60, 61-62 об., 63 об.-64 об., 75-80, 124-127 об., 129-133, 138-139 об., 143 об.-147, 148-151 об., 152-168 об., 176-193, 194-197, 198-204 об., 205 об.-226, 205 об.-240 об., 241 об.-246 об., 247 об.-260, 264-278, 281-300 об., 302-319, 320-322, 323 об.-343 об., 343 об.-357, 359-375 об., 382-383, 376-381 целиком соответствуют Кн. 45. Л. 19, 19 об., 20-22, 25 об.-28, 36-39 об., 41 об.-51, 53-61, 61 об.-63, 77 об.-83, 85-87, 93 об.-94 об., 103-104, 106 об.-111, 111 об.-115, 118-121, 126 об.-129,129 об.-134 об., 135-145, 153-164, 165-167 об., 169 об.-172 об., 173 об.-191 об., 193 об.-205 об., 207-211, 215 об.-237, 240-252 об., 256 об.-270, 274 об.-292, 293-296, 297 об.-31313, 3 об.-324 об., 325-339 об., 348-349, 365-369.
- ⁴⁰ Напр.: Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 11, 16, 81, 125 об.-126, 129; Кн. 45. Л. 25, 32, 105, 142-143, 147 об. и др.

- ⁴¹ Напр.: Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 4 об., 10, 142; Кн. 45. Л. 19, 24, 125 и др.
- ⁴² Напр.: Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 43 об., 80 об., 133. Ср.: Кн. 45. Л. 59, 105, 115 и др.
- ⁴³ Напр.: Там же. Кн. 45. Л. 29 об., 77, 95. Ср.: Д. 10 (1697 г.). Л. 15 об., 52, 122 и др.
- ⁴⁴ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 51 об., 52; Кн. 45. Л. 76 об., 77.
- ⁴⁵ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 205; Кн. 45. Л. 173.
- 46 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 75 об.-76; Кн. 45. Л. 103 об.
- ⁴⁷ Там же. Кн. 45. Л. 104; Д. 10 (1697 г.). Л. 79.
- 48 Там же. Кн. 45. Л. 124; Д. 10 (1697 г.). Л. 140 об.
- ⁴⁹ Там же. Кн. 45. Л. 165 об.; Д. 10 (1697 г.). Л. 195 об.
- 50 Там же. Кн. 45. Л. 172 об.; Д. 10 (1697 г.). Л. 205.
- 51 Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 168 об.-172; Кн. 45. Л. 145-148 об.
- ⁵² Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 167; Кн. 45. Л. 144 об. Д. 46 (1697 г.). Л. 1-31.
- ⁵³ Там же. Д. 10 (1697 г.). Л. 167-168. Ср.: Д. 46 (1697 г.). Л. 1, 10.
- ⁵⁴ Там же. Кн. 45. Л. 378-379, 394-395 об.
- 555 Там же. Д. 1 (1697 г.). Л. 1-22. Ср.: Д. 6 (1696 г.). Л. 12-47, 51-53, 57-60, 62, 64-67, 70-75; Д. 9 (1697 г.). Л. 28-37. Ср.: Л. 3-12, 16-24; Д. 64 (1697 г.). Л. 1-6. Ср.: Д. 53 (1697 г.). Л. 5-14; Д. 69 (1697 г.). Л. 1-2. Ср.: Д. 53 (1697 г.). Л. 1-4.

СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ КУПЕЧЕСТВА

Судебно-следственные дела занимают важное место среди источников, позволяющих изучать различные стороны жизни городского общества и купеческого сословия в частности.

Наибольший интерес отечественных историков до недавнего времени привлекали судебно-следственные материалы политических процессов. Более других были изучены материалы по делу декабристов. Они послужили главным источником для монографий по истории декабристского движения В.Л.Довнар-Запольского, В.И.Семевского, Н.М.Дружинина, М.В.Нечкиной и других авторов. Интерес же к судебно-следственным делам купечества возник сравнительно недавно. Материалы судопроизводства стали привлекаться для изучения предпринимательской деятельности и внутрисемейных отношений купечества. Однако, работ, написанных на основе этого источника, весьма немного. На необходимость интенсификации изучения судебно-следственных дел купечества, а также актового материала и источников личного происхождения указывает Н.В.Середа¹.

Предметом данного исследования выступают судебноследственные дела Новоторжского² магистрата. Магистрат являлся судебно-административным органом городского самоуправления. В его компетенцию входило производство суда как по гражданским, так и по уголовным делам. Апелляционными инстанциями для пересмотра дел, решенных в магистратах, являлись губернский магистрат³, палаты уголовного и гражданского суда, Сенат.

В архивном фонде Новоторжского магистрата⁴ имеется свыше 6,5 тыс. единиц хранения за период 1775-1866 гг. Значительную часть фонда составляют судебноследственные дела горожан. В данной статье мы рассмотрим дела, связанные с судебными тяжбами купцов Вешняковых. В делопроизводственной документации Новоторжского ма-

гистрата нами выявлено 45 судебно-следственных дел, в которых фигурирует данная фамилия.

Сведения о деятельности Вешняковых конца XVII – начала XVIII B имеются В работах М Я Волкова5 А.В. Лемкина⁶. Известно, что Вешняковы являлись богатейшими торговыми людьми Торжка. Вначале они не выделялись среди массы оптовиков. Иван Андреевич Вешняков в 60-80-х годах XVII в. торговал солью в Вязьме, Торжке, Твери на 30-80 руб. Но уже в 1696 году он повез в Москву через Новгород и Торжок «из-за свойского рубежа» 230 голов сахара чистым весом в 20 пудов⁷. В начале XVIII в. Иван Андреевич Вешняков с сыном Василием поставляли огромные партии пеньки в Архангельск. Так, в 1710 г. вместе с А.Ф.Кочеровым и М.Е.Чернышевым они продали на архангельской ярмарке товаров на 22000 руб., в том числе пеньки на 11600 руб. и юфти на 7200 руб., и приобрели здесь же западноевропейских товаров на 12200 руб. В 1721 г. внук Ивана Андреевича — Андрей Васильевич Вешняков поставил в Архангельск 3306 пудов пеньки⁹. Большое количество товаров он отправлял в Санкт-Петербург. Известно, что для перевозок по Вышневолоцкому водному пути своих товаров Андрей Васильевич ежегодно использовал по 3 барки 10. В сказках 1723 г. он причислен к первостатейному купечеству с самым большим в Торжке капиталом в 1000 руб. 11

Вешняковы конца XVIII— первой половины XIX в. не выделялись среди новоторжского купечества формами своей предпринимательской деятельности. Представители данного рода вели характерную для большинства купечества Торжка оптовую торговлю хлебом с Санкт-Петербургом, владели промышленными предприятиями, связанными с обработкой хлеба. В указанный период Вешняковы уже не занимали столь высокого положения среди купечества Торжка. Многие из них разорились и перешли в мещанство.

Выявленные в фонде Новоторжского магистрата дела Вешняковых охватывают период 1783-1858 гг. и представляют собой делопроизводственные материалы уголовных и гражданских разбирательств. Подавляющее большинство дел связано с защитой гражданских прав горожан (39 дел) и только 6 дел являются материалами уголовных процессов.

Среди гражданских дел, по которым проходят представители рода Вешняковых, преобладают «дела должников для безопасности заимодавцев» (22 дела), т.е. дела, связанные с удовлетворением денежных претензий. К числу таковых следует отнести вексельные дела, заводившиеся в случае неуплаты денег, взятых под вексель, и дела о долгах. Однако, как правило, начавшись с единичного иска, многие вексельные дела перерастали в долговые, т.е. связанные с удовлетворением ряда денежных претензий, поступивших от разных лиц (претензии по векселям, заемным письмам и другим долговым обязательствам). Вторую по величине группу (17 дел) составляют «дела об имениях». Сюда относятся дела о выделе указной части из наследственного имения (движимое и недвижимое имущество, деньги, долговые расписки и т.п.) -11 дел и дела, связанные с имущественными спорами Вешняковых с горожанами, не являвшимися их родственниками. – 6 дел. Среди последних преобладают земельные тяжбы.

Среди преступных действий, послуживших причиной для начала заведения уголовных дел на Вешняковых, можно назвать: дачу разноречивых показаний, клевету на кредиторов, недопущение к описи имения, ложное наименование себя купцом. В отличие от гражданского судопроизводства, которое имеет дело преимущественно с правами материальными и может начаться по инициативе частного лица, объектом суждения в уголовном процессе является человек, преступивший закон. При этом уголовное дело, как правило, начинается по воле учреждения, а не индивидуума.

Любое судебно-следственное дело необходимо рассматривать как некий комплекс документов, состав которых будет различным в каждом конкретном случае. Во внутренней структуре подобного рода дел можно выделить три основные части: 1) инициативный документ, послуживший началом дела; 2) делопроизводственная документация, образовавшаяся в результате проведения предварительного следствия или мероприятий, направленных на исполнение решения вышестоящей инстанции; 3) вынесение магистратом решительного определения по делу или отчет об исполнении указа вышестоящего учреждения.

Делопроизводственный комплекс открывает инициативный документ, послуживший началом дела и показываю-

щий, кто являлся его инициатором. Согласно Учреждению для управления губерний, городовой магистрат мог приступить к рассмотрению дела только по получении жалобы или иска от частного лица или сообщения от учреждения¹². Таким образом, выделяется два возможных инициатора судопроизводства — частное лицо и учреждение. Это деление прослеживается и по документам судебно-следственных дел Вешняковых.

Среди частных инициативных документов выделяются челобитные 13, прошения, объявления. По сути все эти документы являются исковыми заявлениями и связаны либо с денежными, либо с имущественными претензиями истца к ответчику. Челобитная и прошение составлялись на имя Е.И.В. и состояли из трех частей. В первой части указывался предмет иска: «Должным мне состоит новоторжский купец Александр Васильевич Вешняков по векселю, писанному прошлого 1806 года января 1 дня сроком в год суммою в 500 руб. и протестованному сего 1807 года января 10 числа почему и прошу...» Во второй части излагалась суть просьбы и называлось учреждение, на чье рассмотрение подавалось прошение: «Дабы повелено было сие мое прошение в Новоторжский городовой магистрат принять и с векселедавца Вешнякова взыскать и меня удовольствовать» 14. Заключительная часть прошения включала в себя подписи заявителей и составителей документа.

Объявление же являлось более простой формой прошения, состояло из одной части и напрямую было адресовано учреждению, которое должно было рассматривать данное дело.

Дело могло начаться и по инициативе учреждения. В данном случае выделяются две причины передачи дела в магистрат: 1) дело требовало решения вопроса, подведомственного юрисдикции магистрата (в этом случае бумаги передавались для рассмотрения и вынесения решения), 2) дело передавалось для исполнения решения вышестоящей судебной инстанции по апелляционной жалобе на решение магистрата.

При передачи дела на рассмотрение магистрата в качестве инициативного документа выступают: 1) указы губернского правления как высшего органа управления губернией, на рассмотрение которого было подано дело, оказавшееся «не

бесспорно и некоторому сомнению подлежаще» 15; 2) сообщения или отношения равных между собой учреждений: городничего, нижнего земского суда, уездного суда, сиротского суда; 3) доношения из учреждения, подведомственного магистрату, — например, конкурса, учрежденного по долговым претензиям.

В сообщении (отношении, доношении) излагалось существо дела и перечислялись следственные мероприятия, уже проведенные учреждением, передающим дело. Например, в сообщении Новоторжского городничего в городовой магистрат указано: «Июля 15 числа 1807 г. в поданном на мое имя прошении новоторжский купец А.Е.Тавлеев прописывает, что застал мещанина В.М.Вешнякова, убирающим хлеб с его, Тавлеева, земли в пустоши Реткиной, а потому и просил поступить с Вешняковым по законам. Вследствие чего отобрано мною у Вешнякова показание, в коем он изъяснил, что хлеб убирал на своей земле в пустоши Карповище на которую и крепость имеет» 16. Далее в сообщении указывалось, какие документы препровождаются в магистрат для рассмотрения. В данном случае это: прошение А.Е.Тавлеева, показание В.М.Вешнякова и крепость на землю.

При передаче дела из вышестоящей судебной инстанции (губернский магистрат, палаты уголовного и гражданского суда, 2-й и 5-й департаменты Сената), в качестве инициативного документа выступал указ этого учреждения. Указ, в котором излагалось постановление, принятое при рассмотрении апелляционной жалобы¹⁷, направлялся на исполнение в городовой магистрат. В качестве приложения к инициативному документу в данном случае выступает опись бумаг дела или само дело, производившееся в магистрате и переданное в вышестоящее учреждение для производства апелляционного рассмотрения. Заключительным документом этой части дела является отпуск рапорта магистрата о получении указа.

Таким образом, инициативный документ не только называет возбудившего дело человека или учреждение, но и определяет дальнейшее производство этого дела — рассмотрение и решение тяжбы в магистрате или исполнение решения апелляционной инстанции. При этом в качестве приложения к инициативному документу может выступать документация,

образовавшаяся при производстве дела в другом учреждении, или отпуск с дела магистрата, переданного ранее для рассмотрения в апелляционную инстанцию. Процесс можно было считать начавшимся после вынесения журнальной резолюции магистрата о принятии инициативных документов к производству.

Основная часть судебно-следственных дел связана с проведением следственных мероприятий, которые сопровождались разного рода перепиской, сбором показаний и документальных свидетельств. В «производственной» части судебно-следственного дела можно выделить несколько категорий документации.

Во-первых, это выписки из журнала заседаний городового магистрата — журнальные резолюции. На заседании докладывалось о ходе дела, и присутствующие определяли дальнейшие шаги производства: снять показания, произвести опись имущества, обеспечить явку свидетелей, послать сообщение в другие учреждения и т.д. Именно журнальные резолюции являлись направляющим документом при проведении следственных мероприятий.

Руководствуясь принятым на заседании постановлением, секретарь вступал в переписку, которая могла вестись напрямую или опосредованно практически со всеми учреждениями как на территории данной губернии, так и за ее пределами. Учреждение для управления губерниями регламентировало порядок сношений магистрата с другими учреждениями, определяя, какие виды документов в какие учреждения следует направлять. Переписка магистрата носила распорядительно-исполнительный характер и состояла из таких документов, как указы, сообщения, рапорты, предписания, доношения, отношения, справки, запросы, известия.

В результате этих сношений магистрат, во-первых, исполнял приговоры, решения и определения как свои собственные, так и вышестоящих учреждений, а, во-вторых, собирал свидетельские показания, необходимые для вынесения судебного решения. К числу последних можно отнести: объяснения, допросы, показания на очной ставке, сведения повальных обысков, вопросные пункты (только в уголовных делах). Даче любых свидетельских показаний предшествовало письменное клятвенное обещание.

В отдельную группу необходимо выделить различные нотариальные акты, которые выступали в качестве документальных доказательств при судебном разбирательстве. В выявленных делах встречаются копии и подлинники векселей, заемных и верющих писем, купчих крепостей, закладных, контрактов, духовных завещаний, соглашений о разделе имущества. Эти документы, как правило, предоставлялись следствию самими тяжущимися как доказательство их правоты.

Не менее интересной категорией документов являются описи движимого и недвижимого имущества, составлявшиеся с целью взятия имения под опеку сиротским судом или конкурсом должников, при выделе части наследственного имущества, а также с целью продажи имения с аукциона за долги. В некоторых делах в качестве приложения встречаются планы описанных строений.

По ходу проведения следственных мероприятий тяжущиеся могли присылать в магистрат новые прошения, в которых сообщали ранее неизвестные обстоятельства, давали объяснения, выдвигали новые претензии или отказывались от дальнейшего производства дела.

Заключительная часть судебно-следственного производства связана с вынесением решения по делу. Основываясь на информации, полученной в результате проведения предварительного следствия, и доказательствах, предоставленных тяжущимися сторонами, в магистрате составлялась выписка из законов и материалов дела (экстрат) и выносилось решительное определение. Само определение не всегда присутствует в деле, а о факте принятия решения свидетельствуют другие документы, например, указы нижестоящему учреждению, посланные с целью выполнения решения магистрата. Обязательным приложением к решительному определению являлись подписки тяжущихся о слушании ими вынесенного по делу решения и о получении копии указанного документа.

При несогласии с вынесенным решением стороны обращались с прошением в магистрат, в котором заявляли о своем желании внести апелляционную жалобу в вышестоящее учреждение и просили выдать свидетельство о производстве дела в магистрате. В данном случае последним документом дела выступает опись бумаг, передаваемых на рассмотрение в апелляционную инстанцию.

В ряде дел, переданных на апелляционное рассмотрение, после описи бумаг следует указ губернской палаты гражданского или уголовного суда (в некоторых случаях указ составлялся по указу Сената), признававший решение магистрата справедливым или сообщавший о вынесении иного решения по делу. Указ присылался в городовой магистрат для ознакомления тяжущихся сторон и исполнения, поэтому вслед за указом в делопроизводстве встречаются: отпуски рапортов о получении и исполнении указов.

Таким образом, одно судебно-следственное дело может включать в свой состав материалы нескольких дел, как решенных самим магистратом, так и производившихся во исполнение указа апелляционной инстанции. При этом вид заключительного документа зависит от характера производившегося в магистрате дела. В первом случае это решительное определение магистрата, во втором — рапорт об исполнении указа апелляционной инстанции.

Рассмотренный выше документальный комплекс обладает огромными информативными возможностями. Особо важным обстоятельством является наличие в судебно-следственных делах целого ряда источников, содержащих сведения о социально-экономическом развитии русского города конца XVIII — первой половины XIX в. Приведем лишь несколько примеров возможного использования информации, заключенной в документах судных дел, применительно к изучению купеческого сословия.

В ходе судебного разбирательства в качестве доказательства обоснованности своих требований тяжущиеся стороны предоставляли копии и подлинники различных нотариальных актов: векселей, заемных писем, духовных завещаний, контрактов, закладных, верющих писем и др. Перечисленные документы являются прекрасными источниками изучения предпринимательской деятельности и имущественного положения купечества.

Например, из верющего письма новоторжского купца III гильдии К.А.Вешнякова узнаем, что названный купец доверяет своему приказчику А.К.Шурухину «состоящий в С.-Петербурге в двух барках на Неве реке ниже Малого Охтинского перевоза красный уксус 205 бочек и самые барки продать, а вырученные деньги доставить в Торжок и дать отчет

кому, сколько и по какой цене продано» ¹⁸. Не менее интересно и письмо-отчет А.К.Шурухина. Приказчик пишет: «...За несколько дней продал только 6 бочек ценою по 1 руб. за ведро. Покупателей очень мало. Ходил я к приятелям Вашим зеленщикам Жукову и Кирпичеву, но они мне указали, что теперь спроса нету, и старого уксуса продать не могут, да опять же цены очень дешевы ... Еще ходил к С.Е.Серову, и он мне сказал, что требуется ему 50 бочек, а цену дал по 90 гривен за ведро...» ¹⁹

Из приведенных документов видно, какой товар продавал К.А.Вешняков, в каком городе он осуществлял свои торговые операции, кто являлся его постоянными партнерами по бизнесу, каков был спрос и насколько успешно шли дела.

Не менее информативным источником являются векселя и заемные письма, позволяющие представить приблизительный объем капитала, находящегося в коммерческом обороте того или иного купца. Так, из уголовного дела о недаче к описи имения новоторжским купцом Михаилом и братом его Иваном Матвеевичами Вешняковыми (1834-1835 гг.) узнаем, что в 1827 г. долгов у этой семьи было на 41225 руб. 20, поэтому и долговое дело было начато еще при жизни их отца, Матвея Андреевича. Судебные разбирательства по долгам этой купеческой семьи, начавшись в 1826 году, продолжались до 1857 года, несколько раз переходя на апелляцию в вышестоящие судебные органы.

Интересно, что большую часть долга Л.А.Вешнякова выплатила его дочь Наталья. В одном из долговых дел сохранились копии векселей, данных М.А.Вешняковым и его сыновьями, на общую сумму в 20901 руб., платеж по которым произвела Наталья. Среди векселей значатся: 1) вексель на 10000 руб., данный в 1811 г. дерптскому купцу ІІ гильдии Г.Ф.Ленцу; 2) вексель на 2000 руб., данный в 1818 г. тому же купцу; 3) вексель на 3850 руб., данный в 1821 г. новоторжскому мещанину А.М.Гарманову; 4) вексель на 1540 руб., данный в 1821 г. тому же мещанину; 5) вексель на 2000 руб., данный в 1821 г. новоторжскому купцу Я.С.Глазунову; 6) вексель на 800 руб., данный в 1821 г. тому же купцу и др.²¹

С помощью векселей мы имеем возможность не только судить о размере долга, но и проследить, с какими категориями лиц вступал в кредитные отношения купец: дворяна-

ми, чиновниками, купцами, мещанами. Записи о том, как дошел вексель к предъявителю, кому заимодавец доверил получить долг, позволяют восстановить круг лиц, с которыми кредитор имел деловые контакты, проследить региональные связи купечества. Радиус предпринимательской деятельности купечества г. Торжка мы можем восстановить и по сведениям о том, к какому городу приписаны векселедавец, заимодавец, предъявитель векселя.

Немаловажны и сведения о свидетелях-поручителях, присутствовавших при заключении кредитной сделки. Подписи поручителей, которых требовал, обеспечивая свои интересы, кредитор, были обязательным условием кредитных операший. и купцы постоянно оказывали друг другу эти услуги. Поручительство тесно связывало своеобразной круговой порукой целые группы купцов, систематически ручавшихся друг за друга²². Довольно часто поручителями выступали члены семьи векселедавца или его родственники. Например, 17 июня 1786 года Андрей Антонович Вешняков взял в долг у купца Александра Вешнякова с товарищами 1100 рублей²³. Поручителями по векселю были И.Я.Морозов, купеческая жена П.И.Вешнякова, купец С.Я.Маслеников²⁴. Иногла выбор поручителя зависел от заимодавца - почти во всех случаях дачи денег в долг Александром Вешняковым поручителями выступали Андриан Морозов, Иван (больший) Морозов, Андрей Антонович Вешняков или его жена Прасковья Ивановна. Вышеприведенный пример говорит о существовании как родственной, так и деловой связи между названными лицами.

Среди рассмотренных нами судебно-следственных дел Вешняковых имеется несколько конкурсных производств. Согласно Уставу Благочиния, при долге свыше 5000 руб. коммерческий суд или словесный суд при магистрате признавал торговую несостоятельность, т.е. банкротство векселедателя. Суд назначал конкурсное управление имуществом должника, которое принимало в свое распоряжение «все дела и управление оными»²⁵. Так, конкурсы были учреждены по долгам Андрея Васильевича, Матвея Андреевича и Александра Васильевича Вешняковых²⁶.

Для передачи имущества в распоряжение конкурса необходимо было составить его опись. Как правило, описание

недвижимой собственности было очень подробным и включало в себя названия строений, их местоположение (часть города, квартал, номер участка), материал, из которого они сооружены, размер, стоимость и сумму ежегодного дохода.

Так, согласно «учиненной 1836 года августа 16 числа новоторжским городничим, ратманом и двумя гласными при сторонних свидетелях по отношении новоторжского городового магистрата описи имущества для обеспечения исков Вешняковых» наследникам умершего новоторжского купца Матвея Вешнякова принадлежали: «1) мельница деревянная, состоящая позади г. Торжка на ручье Коровяк о трех поставах с наливными колесами ... Оценена в 600 руб., годового дохода может принести 100 руб.: 2) мельница деревянная машинная, состоящая в г. Торжке во 2-й городовой части на берегу р. Тверцы ... Оценена в 5000 руб., годовой доход до 835 руб.: 3) 4 лабаза каменные в одной связи ... Оценены в 3000 руб., годовой доход до 375 руб.; 4) 2 амбара деревянные, состоящие в одной связи ... Оценены в 150 руб., годовой доход до 50 руб.: 5) дом каменный 2-этажный, состоящий в Торжке во 2-й городовой части на берегу реки Тверцы ... На дворе каменный солодовый завод. 2 каменных овина, деревянный амбар, баня, два огородных места, каменный ветхий магазин. Оценен в 3800 руб., дохода может принести ло 950 руб. в гол» 27 .

В ходе судебного разбирательства могли выявляться сведения о наличии недвижимости в других городах. Например, в 1843 году конкурс, учрежденный по долгам купца М.М.Вешнякова, обнаружил, что последнему в пустоши Гари Вышневолоцкого уезда принадлежат 3000 деревьев на сумму в 4272 руб. 70 коп. 28

Вполне понятно, что должники пытались всячески избежать судебного разбирательства и, по возможности, воспрепятствовать описи и продаже имущества. Так, в своем объяснении, адресованном в новоторжский магистрат, И.М.Вешняков пишет: «...Производить опись имения и отдачу доходов под опеку есть по купечеству и заведениям нашим совершенный подрыв кредиту и доходам, отчего могут последовать нам напрасные и невозвратные убытки...»²⁹

Судебная тяжба могла длится несколько лет. Например, в случае с долговыми претензиями к М.А.Вешнякову и его

сыновьям — более 30 лет. За это время не только коммерция, но и описанное имущество приходило в упадок. В своем прошении мещанин А.В.Штанковский сообщает в магистрат: «Узнал я, что недвижимое имение должника Л.А.Вешнякова, както: каменный дом и амбар с прочим строением, которые мне с прочими кредиторами представлены в иск, доведены до совершенного упадка, так, что ни на заводе позади дома, который был отдан в оброк и полагалось в нем казенное вино, ни на овине ни одной тесницы не осталось... В доме разобрана печь, а кирпич продан, с мельницы увезен камень, а сама она находится в бездействии и упадке...»

Как видно из материалов дела, кредиторам не было выгодно затягивать продажу описанного имения. Поэтому в счет уплаты долга с разрешения губернского правления проводилась продажа сначала движимого, а в случаи неудовлетворения претензий — недвижимого имущества должника. В судебно-следственных делах сохранились материалы торгов, проводимых городовым магистратом в присутствии городничего и уездного стряпчего. Данные документы дают нам возможность проследить, за какую цену и кому было продано имущество.

Сведения о переходе имения встречаются и в актовом материале — в купчих крепостях, закладных, раздельных записях, духовных завещаниях. Так, согласно духовному завещанию купца Василия Гавриловича Вешнякова, составленному 16 мая 1788 г., его сын Андрей получил в вечное и потомственное владение три святых образа, деревянный амбар, состоящий на Торговой площади, кладовой амбар на Масленом болоте, да в градских нивах на Михайловской стороне сенокосный луг³¹.

При выдаче купеческой дочери замуж составлялось брачное обязательство для того, чтобы «по смерти родителей из оставшегося после них движимого и недвижимого имения ничего требовать было не должно»³². Как правило, приданное состояло из движимого имущества (предметы культа, драгоценности, одежда, предметы быта), поэтому опись, составлявшаяся при разделе, может быть интересна, в первую очередь, при изучении купеческого быта.

Сведения о внутрисемейных отношениях содержатся в материалах практически всех судебно-следственных дел, но

особенно в документах дел о разделе наследственного имения. Сохранившиеся источники (прошения, объяснения, показания, материалы допросов) свидетельствуют о существовании некой круговой поруки не только на уровне семьи, но и за ее пределами. Занимая различные должности в городском самоуправлении, купцы часто пользовались своим служебным положением, выдавая в обход закона различного рода бумаги³³, чинили препятствия конкурентам по бизнесу³⁴, занимались подтасовкой фактов, покрывательством.

Достоверность сведений, содержащихся в документах судебно-следственных дел, зависит от их источника. Информация, исходившая от официальных учреждений (справки, нотариальные акты), носит более достоверный характер, чем сведения, сообщаемые тяжущимися и свидетелями. Это необходимо учитывать при работе с судопроизводственными материалами.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что судебно-следственные дела обладают огромными информативными возможностями. Отложившиеся в них документы позволяют изучать систему государственных учреждений дореформенной России, развитие судебного законодательства и его практическое применение в судопроизводстве магистратов конца XVIII — первой половины XIX в.

Судебно-следственные дела являются прекрасным источником изучения купеческого сословия. Материалы судопроизводства дают возможность выявить изменения в имущественном положении купеческой семьи, составить представление о предпринимательской деятельности ее отдельных представителей, определить круг лиц, с которыми купцы имели деловые контакты, проследить процесс переливания купеческих капиталов, восстановить региональные связи купечества. Судебно-следственные дела являются, по сути, единственным источником, позволяющим определить причину разорения купеческой семьи. Также необходимо отметить роль следственных дел как источника изучения психологии купеческого сословия, дающего возможность представить купца в различных системах межличностных отношений: семье, фамилии, деловом окружении и т.д.

- Середа Н.В. Современная историографическая ситуация и проблемы изучения русского города // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV-XVIII вв. Тверь, 1999. С. 29.
- ² Торжок один из старейших уездных городов Тверской губернии. Значительный толчок развитию Торжка дало строительство Санкт-Петербурга и Вышневолоцкой водной системы. Выгодное положение города способствовало формированию в нем большой группы торгово-промышленного сословия.
- ³ После ликвидации этого института в конце 90-х гг. XVIII в. напрямую в Палаты.
- 4 Государственный архив Тверской области. Ф. 172.
- ⁵ Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья и Северо-Запада России: первая четверть XVIII в. М., 1994. С. 230; Он же. Города Тверской провинции в первой четверти XVIII в. // Историческая география России XII начала XX в. М., 1975. С. 143-163.
- 6 Демкин А.В. К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. (по материалам Торжка) // Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М., 1983. С. 168-174; Он же. К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII начала XVIII в. (по материалам верхневолжских городов) // История СССР. 1. 1982. С. 135 -141; Он же. Русское купечество XVII-XVIII вв. Города Верхневолжья. М., 1990. С. 92; Он же. Тверь и Торжок как центры торговли второй половины XVII в. // Феодализм в России. М., 1987. С. 315-320.
- ⁷ *Он же.* К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. ... С. 171-172.
- 8 Волков М.Я. Города Верхнего Поволжья... С. 85.
- ⁹ Демкин А.В. К вопросу о преемственности торговых капиталов XVII в. ... С. 172.
- ¹⁰ *Волков М.Я.* Города Верхнего Поволжья... С. 85.
- 11 Демкин А.В. Русское купечество ... С. 49.
- ¹² ПСЗ. Т. ХХ. 14392.
- 13 Отменены по указу Екатерины II 1786 г. ПСЗ. Т. XXII. 16329.
- Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 290. Л. 1.
- ¹⁵ ПСЗ. Т. XX. 14392.
- 16 Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 342. Л. 1.
- 17 Апелляционная инстанция или признавала решение, вынесенное магистратом, верным, или принимала собственное постановление.
- 18 Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 910. Л. 37.
- ¹⁹ Там же. Л. 13-13 об.
- 20 Там же. Д. 982. Л. 6.
- 21 Там же. Д. 1986. Л. 9-20.

- ²² Голикова Н.Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. // Русский город. М., 1979. Вып. 2. С. 194.
- ²³ Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 2. Д. 716. Л. 110.
- 24 Маслеников брат мужа сестры Андрея Вешнякова Ульяны. Брат Александра Вешнякова был женат на дочери Андриана Морозова.
- Уставы и учреждения торговые // СЗ. Уставы Благоустройства. СПб., 1832. Ч. II.
- ²⁶ Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 1. Д. 210, 290, 2762.
- ²⁷ Там же. Д. 1083. Л. 22-38.
- 28 Там же Оп. 2. Д. 1217. Л. 27.
- 29 Там же. Оп. 1. Д. 982. Л. 6.
- ³⁰ Там же. Д. 2762. Л. 381-382.
- 31 Там же. Д. 4303. Л. 5-5 об.
- 32 Там же. Д. 3658. Л. 12.
- 33 Например, в 1811 году было произведено взыскание в размере 50 руб. с бывших бургомистра Емельяна Вешнякова и ратмана Александра Морозова за выдачу ими ложного свидетельства Андриану Морозову, который являлся дедом Емельяна. Ф. 172. Оп. 1. Д. 319. Л. 1 об.
- 34 А.В.Вешняков жаловался на произвол ратманов новоторжского магистрата. – Государственный архив Тверской области. Ф. 172. Оп. 1. Л. 819. Л. 71.

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ОДНОМУ ИЗ МЕМУАРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПУШКИНСКОЙ «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВА»

Известный литературовед Ю.Г.Оксман, просматривая в 1932 г. архивные выписки А.С.Пушкина – документальные заготовки к «Истории Пугачева», хранившиеся в ту пору в Москве, в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. обнаружил исполненное неизвестной рукой мемуарное повествование, озаглавленное как «Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швыйковского»¹. В «Биографии» изложены воспоминания отставного секунд-майора Повало-Швейковокого (Швыйковского) об его участии в подавлении Пугачевского восстания, в частности, в боях с повстанческими отрядами под Казанью и Симбирском, а также о службе его в команде гвардии капитана А.П.Галахова, которая конвоировала пленного Е.И.Пугачева из Симбирска в Москву и находилась при нем по день его казни. Ю.Г.Оксман установил, что «Биография» побывала в руках Пушкина: на одной из страниц восьмой главы «Истории Пугачева» обрисованы обстоятельства конвоирования Пугачева из Симбирска в Москву и названы офицеры конвойной команды Галахов и Повало-Швейковский (IX,73)*. В 1933 г. Ю.Г.Оксман разыскал в коллекции бумаг видного пушкиниста П.Е.Щеголева, хранящейся в отделе рукописей Пушкинского Дома (Института русской литературы АН СССР), письмо некоего С.Энгельгардта от 21 марта 1834 г., благодаря которому удалось выяснить обстоятельства, связанные с созданием «Биографии» Повало-Швейковского, появлением ее в руках Пушкина и нахождением в составе рукописного наследия поэта-историка. Письмо это С.Энгельгардт адресовал в Петербург своему однофамильцу и, судя по обращению «братец», род-

^{*} Здесь и далее ссылки на произведения А.С.Пушкина приводятся по Полному собранию сочинений (Т. I-XVII. Л., 1937-1959) с указанием в тексте статьи, в круглых скобках тома издания (римская цифра) и страницы (арабская цифра).

ственнику Василию Васильевичу Энгельгардту (1785-1837), давнему приятелю Пушкина еще со времен «Зеленой лампы» (1819-1820), известному петербургскому богачу, карточному игроку, веселому прожигателю жизни и острослову². Обращаясь к нему, смоленский С.Энгельгардт сообщал об исполнении поручения о доставлении при данном письме текста воспоминаний о престарелом очевидце событий времен Пугачевского восстания и кровавого его эпилога на Болотной площади в Москве в день казни Пугачева.

«Почтеннейший братец, Василий Васильевич!

Желая исполнить со всем усердием ваше поручение, был у Швейковского. Написанное со слов его прилагаю к вам, присоединя к Пугачеву и Биографию Н.З.(Повало-Швейковского), почтенного героя времен Екатерины.

Будьте здоровы, веселы, а я ваш навсегда преданный сердцем и душою С.Энгельгардт.

P.S. Переписать начисто не имел времени. И.З. свидетельствует вам свое истинное душевное почтение и горит нетерпением читать скорее историю Пугачева.

Марта 21 (дня) 1834»³.

Судя по содержанию письма, петербуржец В.В.Энгельгардт, будучи осведомлен о работе Пушкина над «Историей Пугачева» и зная о жившем под Смоленском современнике и участнике подавления «пугачевщины» Повало-Швейковском, взялся раздобыть его воспоминания и предоставить их Александру Сергеевичу, поручив записать эти воспоминания своему смоленскому сородичу С.Энгельгардту, что тот и исполнил. Письмо точно указывает на то, что воспоминания Повало-Швейковского были записаны с его слов С.Энгельгардтом в марте 1834 г., в конце того же месяца они были получены в Петербурге В.В.Энгельгардтом и, видимо, тогда же переданы им Пушкину.

Ю.Г.Оксман в 1934 г. опубликовал запись воспоминаний Н.З.Повало-Швейковского вместе с сопроводительным письмом С.Энгельгарта в пушкинском выпуске сборника «Литературное наследство» 4. Но, к сожалению, в этой публикации не приведено каких-либо биографических сведений о С.Энгельгардте, оказавшем немалую «источниковую» услугу Пушкину. Не имеется сведений о С.Энгельгардте и в биографическом словаре Л.А.Черейского «Пушкин и его ок-

ружение», где в статье о В.В.Энгельгардте одному лишь ему необоснованно приписана вся заслуга в предоставлении Пушкину записи воспоминаний Повало-Швейковского⁵.

По какому пути шла атрибуция личности С.Энгельгардта, какие источники дали возможность установить важнейшие факты его биографии?

Поиск начался с просмотра справочных изданий. Обращение к наиболее известному и авторитетному среди них – «Русскому биографическому словарю» оказалось напрасным: в 24-м томе словаря приведены биографические сведения о многих смоленских Энгельгардтах⁶, но ничего не сказано об их земляке и однофамильце, имя которого начиналось с буквы «С». Случилось так, что первой важной вехой на пути поиска стала крохотная — всего лишь в десяток слов – справка, приведенная в 80-м томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, в биографической статье об Энгельгардтах. В справке этой речь идет о Сергее Петровиче Энгельгардте (1795-1870), который был известен как могилевский губернатор⁷. По первому предположению, именно он по тождеству фамилии и первой буквы имени, по своему возрасту и положению и являлся тем самым С.Энгельгардтом, который в марте 1834 г. записал воспоминания Н.З.Повало-Швейковского и послал их в Петербург к «братцу» В.В.Энгельгардту для передачи Пушкину. Но это предположение следовало документально подтвердить фактами биографии Сергея Петровича Энгельгардта и, в частности, установить возможность его общения с Повало-Швейковским, который, судя по его показаниям, являлся уроженцем Духовщинского уезда Смоленской губернии, а в 1834 г., в момент записи его воспоминаний, жительствовал в сельце Мореве под Смоленском (IX. 498).

По справке, любезно предоставленной автору этих строк сотрудниками Государственного архива Смоленской области П.Г.Емельяновой и Г.В.Гончаровой, видно, что Сергей Петрович Энгельгардт, судя по родословным документам Смоленского дворянского депутатского собрания, принадлежал к старинной дворянской фамилии. Родился он 25 сентября 1795 г., в военную службу вступил 19 июля 1809 г. юнкером в лейб-гвардии Егерский полк, участвовал в Отечественной войне 1812 г. и в Заграничных походах российской армии, за

что был награжден серебряными медалями в память 1812 года и в честь взятия Парижа, уволен в отставку с военной службы 13 июня 1826 г. в чине капитана⁸.

Увольнение Сергея Энгельгардта в отставку совпало по времени с проходившим в июне 1926 г. судебным процессом над декабристами. С некоторыми из них Энгельгард был знаком, а со своим земляком, мелкопоместным смоленским дворянином Петром Григорьевичем Каховским, активнейшим членом Северного общества, находился в приятельских отношениях, и тот накануне восстания 14 декабря 1825 г. проживал в его петербургской квартире. На одном из допросов в Следственном комитете Каховский показал, что однажды ему и Энгельгардту повстречался на улице К.Ф.Рылеев, который в завязавшемся разговоре стал убеждать Каховского не уезжать из Петербурга, говоря, что он нужен Обществу. Следователи заинтересовались этим показанием, заподозрив Энгельгардта в сообшничестве с вожаками Северного общества. Дополнительно спрошенный по этому поводу. Каховский заявил, что Энгельгардт о существовании тайного общества ничего не знал. Учитывая это обстоятельство, Следственный комитет принял решение оставить данный эпизод без внимания и не привлекать Энгельгардта к дознанию 9 .

Как свидетельствуют документы Смоленского архива, в октябре 1829 г. Энгельгардт снова вступил в службу, на этот раз гражданским чиновником, подвизался по интендантской части в воинских учреждениях и формированиях, расквартированных в Смоленской и соседней с ней губерниях Западного края. 31 декабря 1832 г. Энгельгардт был произведен в чин коллежского советника (в этом чине он служил и в интересующем нас 1834 г.). 1 февраля 1839 г. он был назначен вице-губернатором Смоленской губернии и почти в течение года находился на этом посту, с 26 января 1839 г. по 2 марта 1844 г. служил губернатором Могилевской губернии, после чего окончательно вышел в отставку. Служба его была отмечена двумя орденами Св. Владимира (3-й и 4-й степени) и орденом Св. Анны 2-й степени. За время пребывания на губернаторских постах он был пожалован чинами статского советника (1.ХІ.1838) и действительного статского советника (16.IV.1841) - последний чин соответствовал рангу генералмайора. Поколенная роспись фамилии Энгельгардтов, хранящаяся в Смоленском архиве, указывает на то, что в числе своих родственников Сергей Энгельгард имел двоюродного брата Василия Васильевича Энгельгардта, отставного полковника, хорошо известного и упомянутого выше пушкинского приятеля 10. Приведенные данные бесспорно указывают на тождество Сергея Петровича Энгельгардта с С.Энгельгардтом, который в марте 1834 г. отправил в Петербург запись воспоминаний Повало-Швейковского при письме к своему «братцу» Василию Васильевичу Энгельгардту для последующей передачи этих бумаг Пушкину.

Значительный интерес представляет обстоятельная поколенная роспись смоленской ветви рода Энгельгардтов за период с середина XVII века и до конца XX столетия, составленная смоленским историком А.В.Тихоновой и приложенной к рукописи ее кандидатской диссертации «Род Энгельгардтов в истории России XVII-XX вв.». зашищенной в Москве в сентябре 1999 г. С признательностью принимаю разрешение автора воспользоваться выпиской из поколенной росписи с подробными биографическими сведениями о Сергее Петровиче Энгельгардте, почерпнутыми в опубликованных источниках, а также выявленными в архивах Смоленска (ГАСО), Москвы (ГАРФ) и Петербурга (РГИА). Из приведенных в поколенной росписи известий остановим внимание на тех, которые касаются рассматриваемого здесь сюжета. Проведенная в 1835-1836 гг. перепись помещичьих имений Смоленской губернии свидетельствует о том, что Сергей Энгельгардт имел унаследованные от отца владения в трех уездах, в том числе в Духовщинском уезде он владел деревней Шулепово с 29 душами крепостных «мужеска полу» и со 137 десятинами земли. Следует заметить, что отец Сергея Энгельгардта - коллежский советник Петр Васильевич Энгельгардт (1748 – не ранее 1796) в последние годы жизни занимал выборную должность предводителя дворянства Духовщинского уезда¹¹. Принимая во внимание известные уже читателю сведения о том, что уроженцем того же Духовшинского уезда был Н.З.Повало-Швейковский, видимо, владевший поместьем в том уезде, можно предположить, что Сер-

^{*} В житейском обиходе выражение «братец» использовалось при обращении к двоюродному брату (см.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1. С. 124).

гей Энгельгардт с юных лет был знаком с этим отставным секунд-майором и слышал рассказы о приключениях, случившихся с ним в пору Пугачевского восстания.

А.В.Тихоновой удалось уточнить дату смерти Сергея Энгельгардта. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, а также и в других справочных изданиях относят ее к 1870 году¹². В действительности же, как установила А.В.Тихонова, опираясь на материалы Смоленского архива, последнее прижизненное документальное свидетельство о Сергее Энгельгардте относится к 1877 г.; умер он в Смоленске, где проживал в собственном доме на Малой Одигитриевской улице¹³.

В ходе разысканий, проведенных в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), был обнаружен послужной список Николая Захарьевича Повало-Швейковского, составленный в марте 1774 г., когда Второй гренадерский полк. в котором он служил, вел в составе авангардных частей карательной армии генерал-аншефа А.И.Бибикова наступление на Оренбург, осажденный войском Е.И.Пугачева. В списке сообщается, что Повало-Швейковский имеет 21 год от роду, происходит из российских дворян, во владении «за отцом ево мужеска полу 200 душ»; в службу Николай вступил 22 июня 1769 г. рядовым гренадером в лейб-гвардии Измайловский полк, 24 сентября того же года произведен в гвардии капрала, 1 декабря 1770 г. переведен из гвардии в подпоручики армейского Черниговского пехотного полка. В составе этого полка участвовал в 1771 г. в войне с Турцией, был при штурме Перекопских укреплений и в бою при взятии города Кафы в Крыму. За отличие в боях он 3 августа 1771 г. был пожалован чином капитана и тогда же переведен на службу во Второй гренадерский полк. Список отмечает, что Повало-Швейковский «грамоте читать и писать умеет, а других наук и не знает» 14.

Ниже воспроизводится запись воспоминаний Повало-Швейковского в сопровождении комментариев, в которых приводятся справочные сведения об упоминаемых в тексте событиях и лицах, а также с указанием на фактические ошибки 80-летнего мемуариста, который повествовал о событиях, коим минуло в ту пору 60 лет.

«Биография секунд-майора Николая Захарьевича Повало-Швыйковского: Н.З.Швый(ковский) — уроженец Смоленской губернии Духовщинского уезда * . Жительство имеет в с. Мореве.

В службу вступил в 1769-м году в Измайловский полк рядовым и того же года произведен в капралы. В 1770-м году в декабре месяце выпущен подпоручиком в армию, в Черниговский пехотный полк. В походах был при завоевании Крыма¹⁵, и по взятии г.Перекопа¹⁶ в 1771-м произведен из подпоручиков в капитаны с переводом во 2-й гренадерский полк¹⁷, по именному соизволению, за отличие; в том же году находился при взятии Кафы¹⁸. Впоследствии продолжал службу в Пугачевской экспедиции¹⁹, за которую и получил награду от государыни императрицы 250 душ в Витебской губернии Невельского повета, в вечное и потомственное владение²⁰. В отставку уволен за болезнию 1777-го генваря ... дня**».

Вот что говорит Швыйковский о Пугачевской войне:

«В плен попался к Пугачеву в 1773-м году*** в сражении при с. Горы в 25-ти верстах от Казани в то время, когда бросился с несколькими рядовыми отбить захваченное у нас орудие²¹. По взятии представлен Пугачеву на самом поле сражения. Он был на добром коне. Свиту его составляли яицкие казаки, из которых самые приближенные к нему Чика²². Творогов²³ – и нашей службы артиллерист Перфильев²⁴, перешедший к нему из Оренбургского поселения. Пугачев росту среднего, чернобородый, глаза небольшие, быстрые, стану ровного, одет по-казачьи, вооружен саблею и пистолетами за поясом. Он у меня спросил: "Ты дворянин?" - "Нет" - "Так видно хорошо служишь" - "Много ли здесь вас?" - "500 человек". Но нас только было 150. Меня обобрали и отдали под присмотр²⁵. Плен мой продолжался с утра и до полуночи. В сие время, заметя оплошность моей подгулявшей стражи, нашел я средство уйти вместе с захваченными со мной рядовыми. В тот же день**** явился я к премьер-майору Михельсону²⁶, расположенному с войском на Арском поле близ Казани. Михельсон, известясь от меня,

** Число не указано.

^{*} Он родился 1752-го года, мая 9 (прим. С.П.Энгельгардта).

^{••••} Фактическая ошибка. В дейстительности описываемое событие происходило не в 1773 г., а 10 июля 1774 г.

^{*****}Неточность. На самом деле Н.З.Повало-Швейковский явился в лагерь И.И.Михельсона не в день побега от Пугачева, а три дня спустя 12 июля 1774 г.

мгновенно напал на Пугачева, разбил²⁷ и преследовал вниз по Волге

Последнее действие против Пугачева происходило следующим образом. Быв разбит²⁸, переправился он через Волгу с 30-ю человеками²⁹ и скрылся в камыше³⁰, который по приказанию Суворова³¹ был зажжен Михельсоном³². Потом Пугачев взят в плен и отвезен в Симбирск в деревянной клетке³³. Суворов сам привез его, следуя за ним в простой телеге³⁴.

Прежде сего дела я командирован был с полковником драгунского полка Абернибесовым 35 , для охранения Симбирска 36 .

При отправлении же Пугачева из Симбирска в Москву³⁷ находился [я] в числе стражи. Путь наш продолжался недолго, ехали на переменных обывательских лошадях, и везли Пугачева, скованного по рукам и по ногам не в клетке, а в зимней кибитке. Всем сопутствующим разговор с ним был воспрещен³⁸. Пища ему производилась сытная, и пред обедом и ужином давали порцию простого вина. Пленника везли только днем, а ночь проводили за крепким караулом на приуготовленных квартирах³⁹.

По прибытии в Москву, Пугачев содержался на Монетном дворе 40 , и занимал особую комнату, имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек преображенцев 41 и роты 2-го гренадерского полка под командою капитана Карташева 42 . Главным же начальником конвоя был гвардии Преображенского полка капитан Галахов 43 , сопровождавший его (Пугачева) от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т.е. по 10-е генваря 1775-го года.

В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие. Одет был со времени плена в нагольный тулуп. Везли Пугачева на казнь в цепях, на зимнем ходу четверкою с форейтором. На санях был амвон, на котором возвышении и сидел Пугачев вместе с духовником своим⁴⁴, увещевающим его к раскаянию. Народу было большое стечение. Пугачев часто обращался к окружающим и говорил, что он самой тот Пугачев, который назывался Петром III-м.

По прибытии к месту казни, палач отрубил ему прежде голову, а там принялся за руки и ноги; за это он в то же

время был наказан кнутом 45 . Вместе с Пугачевым повешены и несколько сообщников его 46 .

Примечания*

Пугачев родом донец 47 и отличался наездничеством. При взятии Бендер 48 Петр Иванович Панин 49 за храбрость произвел Пугачева в значковые товарищи 50 .

Пугачев от живой жены 51 вступил в брак с яицкою казачкою 52 . Она была дочь кузнеца 53 — баба видная, имя ее Устинья Петровна.

На Дону семейство Пугачева составляли: жена, сын и дочь⁵⁴».

Перфильев заведывал у Пугачева артиллериею 55 , но была она весьма малочисленна — едва ли доходила до 10-ти орудий 56 . Войска его определить с точностию невозможно — оно беспрестанно возрастало и уменьшалось. Тут было все — казаки, мужики и разные бродяги» (IX, 498-500).

Наибольший интерес представляют те разделы воспоминаний Повало-Швейковского, в которых переданы личные его впечатления от общения с Пугачевым, обрисована его внешность, охарактеризованы особенности его поведения в ту пору, когда он действовал под личиной «императора Петра Третьего», и в те месяцы, когда он был пленником в руках екатерининских тюремщиков, среди которых находился и Повало-Швейковский.

Значительное внимание уделил Повало-Швейковский событиям, связанным с участием в походе команды полковника Н.В.Толстого, разгромленной авангардом пугачевского войска в бою 10 июля 1774 г. у села Высокие Горы под Казанью, с его недолгим пребыванием в плену у Пугачева и с побегом от него. Некоторые из этих событий нашли отображение в протоколе следственных показаний Пугачева, который, кстати говоря, упомянул и о захваченном в плен его казаками офицере Шватковском (в столь искаженном виде воспроизведена в протоколе фамилия Повало-Швейковского). «Не доходя до Казани верст дватцати, — свидетельствовал Пугачев, — встретилась с ним (Пугачевым) верных войск каманда, которая выпалила по толпе его один раз пужем**. А коль скоро выпалили, то толпа ево пушку от-

* Холостой выстрел из пушки пыжом («пужем»); в данном случае выстрел этот послужил сигналом к бою.

^{*} Примечания, как и основной текст воспоминаний Н.З.Повало-Швей-ковского, записаны с его слов С.П.Энгельгардтом.

нела, офицера Шватковского взяли ж в толпу, а полковника* казаки скололи бегущего на дороге. Каманда конная и пешая вся, не дравшись, ушла в лес»⁵⁷.

Жив и выразителен рассказ Повало-Швейковского о состоянии и поведении Пугачева в дни его конвоирования из Симбирска в Москву (путь этот продолжался с 25 октября по 4 ноября 1774 г.), во время тюремного содержания в каземате Монетного двора в Москве (где он находился с 4 ноября 1774 г. по 10 января 1775 г.) и, наконец, в день его казни на Болотной площади 10 января 1775 г.

Именно эти сюжеты, опирающиеся на впечатления и наблюдения человека, близко знавшего Пугачева, привлекли внимание Пушкина и нашли отображение на тех страницах «Истории Пугачева», где речь идет о разгроме команды полковника Толстого, о конвоировании Пугачева из Симбирска в Москву, о содержании его в заключении на Монетном дворе (IX, 61, 78-79).

С начала 1870-х годов стали известны записки Павла Степановича Рунича (1750-1825), сослуживца Повало-Швейковского по «Пугачевской экспедиции». В ту пору оба они состояли в команде гвардии капитана Галахова, причем премьер-майор Рунич, будучи старшим по чину офицером. являлся ближайшим помощником Галахова и обладал более полной информацией относительно Пугачева, нежели Повало-Швейковский. По ряду разделов текста записки Рунича тематически близки к воспоминаниям Повало-Швейковского, но Рунич более подробно описал события, связанные с конвоированием Пугачева из Симбирска, с тюремным его содержанием в Москве и с казнью 10 января 1775 г. его самого и ближайших его сподвижников⁵⁸. Над этими записками Рунич работал во второй половине 1810-х годов, используя при этом сохранившиеся у него дневниковые записи 1774 г. и последующих лет. Пушкин ничего не знал о существовании этих записок, хранившихся в семейном архиве Руничей. И лишь много лет спустя потомки мемуариста решились на публикацию его записок, которые и были напечатаны в 1870 г. в трех номерах журнала «Русская старина»⁵⁹.

202

 $^{^*}$ Речь идет о полковнике Н.П.Толстом (1737-1774), погибшем в бою с пугачевцами 10 июля 1774 г.

Николай Захарьевич Повало-Швейковский с устными его рассказами-воспоминаниями о собственной причастности к событиям, происходившим во времена «пугачевщины», оставил по себе след в памяти земляков-смолян. Об этом свидетельствует очерк, опубликованный в 1862 г. литератором и мемуаристом Александром Акинфиевичем Кононовым (1804-1873). В очерке приведен рассказ Повало-Швейковского о том, как оказался он в плену у Пугачева и с какими приключениями посчастливилось ему спастись бегством и добраться до правительственного войска. Кононов пояснил что рассказ этот он слышал от самого Повало-Швейковского, который «до глубокой старости жил в своей деревне Смоленской губернии» и которого он. Кононов, хорошо знал, не раз встречался с ним и слушал его рассказы 60 . Возможность их встреч не вызывает сомнений: они были земляками, соседями-помешиками Духовшинского уезда, в котором Кононов одно время подвизался в должности предводителя дворянства 61. Известно, что Кононов был знаком и обшался с Пушкиным⁶². Но, судя по содержанию упомянутого выше очерка Кононова, не знал, что среди источников, собранных Пушкиным для «Истории Пугачева», находились и воспоминания Повало-Швейковского, записанные с его слов в марте 1834 г. Сергеем Петровичем Энгельгардтом.

¹ ОР ГБЛ. Собрание рукописей А.С.Пушкина. 2991. Л. 270-272. Ныне эта рукопись хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН: ПД. Ф. 244. Оп. 3. 1159. Л. 294-296.

² О В.В.Энгельгардте см.: Яцевич А. Пушкинский Петербург. Л., 1935. С. 300-308.

³ Оксман Ю.Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» // Литературное наследство. М.;Л., 1934. Вып. 16-18. С. 460.

⁴ Там же. С. 460-466.

⁵ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1938. С. 512.

Русский биографический словарь. СПб., 1912. Т. 24. С. 241-261.
 Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.Е.Ефрона. СПб., 1904. Т. 30. С. 736.

⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 126 об.-127, 129.

⁹ Восстание декабристов. Материалы и документы. Т. 8: Алфавит декабристов / Под редакцией Б.Л.Модзалевского и А.А.Сиверса. Л., 1925. С. 213, 429. Из этого издания материал о С.П.Энгельгардте повторно воспроизведен в справочнике: Декабристы: Биогра-

- фический справочник / Подгот. С.В.Мироненко; Под ред. М.В.Нечкиной. М., 1988. С. 342.
- 10 ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 126 об.-127, 129.
- 11 Тихонова А.В. Род Энгельгардтов в истории России XVII-XX вв.: Рукопись дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Прим. 2. Поколенная роспись смоленской ветви рода Энгельгардтов.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- 14 РГВИА. Ф. 490. Оп. 3. Д. 150. Л. 395.
- Речь идет о крупнейшей операции в ходе Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.: в июне 1771 г. войска 2-й армии (командующий генерал-аншеф князь В.М.Долгоруков), сломив сопротивление турок, овладели Крымом.
- 16 Перекопские укрепления были взяты русскими войсками в ходе штурма 1 июня 1771 г.
- 17 Н.З.Повало-Швейковский был произведен в чин капитана 3 августа 1771 г. с одновременным переводом на службу во 2-й гренадерский полк.
- ¹⁸ Город Кафа на южном берегу Крымского полуострова был взят русскими войсками 29 июня 1771 г.
- «Пугачевская экспедиция» так именовался комплекс карательных мероприятий правительства Екатерины II и армейского командования по подавлению Пугачевского восстания. В «Пугачевской экспедиции» участвовал и 2-й гренадерский полк, в котором служил Н.З.Повало-Швейковский. Полк этот в начале декабря 1773 г. был направлен из Нарвы на фронт борьбы с восставшими, к середине января 1774 г. прибыл в Казань и, находясь с того времени в составе авангардного корпуса генерала П.М.Голицына, подавлял очаги повстанческого сопротивления в Заволжье и Приуралье.
- В начале 1775 г., вскоре после казни Пугачева и его сподвижников, Екатерина II щедро наградила офицеров конвойной команды, стороживших Пугачева и других пленников. Земельными угодьями и крепостными душами были пожалованы гвардии капитан А.И.Галахов, премьер-майор П.С.Рунич, капитаны И.А.Карташев и Н.З.Повало-Швейковский, поручики И.Ершов и Д.Голенищев-Кутузов (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С. 37).
- 21 Высланная из Казани на разведку команда полковника Н.В.Толстого (100 гренадеров и 100 солдат местного гарнизонного батальона, с одной пушкой) была разгромлена авангардом пугачевского войска в бою 10 июля 1774 г. у села Высокие Горы (Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. 3. С. 32, 37).
- Чика прозвище яицкого казака Ивана Никифоровича Зарубина-Чики (1736-1775). Он был ближайшим сподвижником Пугачева, в декабре 1773 марте 1774 г. командовал повстанческими отрядами, осаждавшими Уфу, казнен 24 января 1775 г. в Уфе (Овчинников Р.В., Большаков Л.Н. Оренбургская пушкинская энциклопедия. Оренбург, 1997. С. 148-150). Повало-Швейковский

утверждал, будто Чика в начале июля 1774 г. находился в стане Пугачева под Казанью. На самом деле он с конца марта 1774 г. и до начала августа того же года содержался в тюремном заключении в Уфе.

²³ Творогов Иван Александрович (1742 — не ранее 1820), илецкий казак, пугачевский полковник, член повстанческой Военной коллегии; в середине августа 1774 г. стал одним из вожаков заговора против Пугачева и со своими сообщниками арестовал его 3 сентября в стане у реки Большой Узень (Овчинников Р.В., Большаков Л.Н. Указ. соч. С. 417-413).

²⁴ Перфильев Афанасий Петрович (1731-1775), яицкий казак, ближайший сподвижник Пугачева, полковник в его войске. Перфильев был казнен вместе с Пугачевым и с тремя другими его соратниками 10 января 1775 г. на Болотной площади в Москве (Овчинников Р.В., Большаков Л.Н. Указ. соч. С. 307-310). Н.З.Повало-Швейковский ошибочно свидетельствовал, будто бы Перфильев «нашей службы артиллерист», явно спутав его с другим видным пугачевским атаманом Иваном Наумовичем Белобородовым, долгое время до своей отставки служившем канонером в артиллерийских частях Выборгского гарнизона.

По свидетельству путачевского полковника Ф.Д.Минеева (бывшего подпоручика Казанского гарнизона), повстанцы привели в стан Пугачева более полусотни пленных солдат и офицеров из команды полковника Н.В.Толстова, разгромленной в бою 10 июля 1774 г. у села Высокие Горы под Казанью (протокол показаний Минеева на допросе в Казанской секретной комиссии 15 июля 1774 г. (IX, 703). В числе этих пленных находился и Н.З.Повало-Швейковский.

²⁶ Михелсон Иван Иванович (1740-1807), в марте-октябре 1774 г. командир сводного корпуса карательных войск, подавлявшего повстанческое движение на территории Приуралья, Урала и Поволжья. Михельсон энергично преследовал войско Пугачева, нанес ему ряд тяжелых поражений и окончательно разгромил в битве 25 августа 1774 г. в низовьях Волги, у Солениковой ватаги под Черным Яром (Овчинников Р.В., Большаков Л.Н. Указ. соч. С. 253-254). Вопреки свидетельству Н.З.Повало-Швейковского, Михельсон в середине июля 1774 г. имел чин не премьер-майора, а подполковника (этот чин он получал в марте 1772 г.).

27 Войско Пугачева дважды вступало в битву с корпусом И.И.Михельсона под Казанью, 12 и 15 июля 1774 г., и, будучи разгромлено во второй из них, бежало к Кокшайску, где и переправилось на правый берег Волги.

Речь идет об окончательном поражении войска Пугачева в битве 23 августа 1774 г. на правом берегу Волги, у Солениковой ватаги под Черным Яром.

Имеется в виду переправа остатков разгромленного войска Пугачева с правого берега Волги на левый, луговой ее берег; переправа эта проходила с вечера 25 августа 1774 г. Вопреки утверждению Н.З.Повало-Швейковского, с Пугачевым переправилось на левый берег Волги не 30 оставшихся с ним людей, а 164 че-

- ловека (протокол показаний Пугачева на допросе в Москве 4-13 ноября 1774 г.: Емельян Пугачев на следствии. М., 1997. С. 211).
- 30 «...скрылся в камыше» речь идет о поросших густыми зарослями камыша берегах степных рек Большой и Малый Узень в Заволжье, где укрывались оставшиеся с Пугачевым казаки из разгромленного его войска. Там Пугачев и был арестован 3 сентября 1774 г. группой заговорщиков и их сторонников, неделю спустя доставлен ими в Яицкий городок и передан в руки властей (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 31-38).
- 31 Суворов Александр Васильевич (1729-1800), в 1774 г. генерал-поручик, с начала сентября того же года возглавил авангардные войска карательной армии генерал-аншефа П.И.Панина и, переправившись с частью их на левый берег Волги, направился в погоню за Пугачевым, который с оставшимися у него людьми искал укрытия в заволжской степи (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 33-36).
- Утром 12 сентября 1774 г. А.В.Суворов дал приказание поджечь заросли камыша вдоль берегов рек Большой и Малый Узень, полагая, что в этих зарослях продолжают укрываться Пугачев с его людьми. Но в тот же день Суворов отменил свое распоряжение, узнав от передовых своих команд, что по полученным ими сведениям, заговорщики, арестовав Пугачева, повезли его от Узеней к Яицкому городку, куда вслед за ними поспешил и Суворов (Овчиников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 35-36).
- Пугачев был доставлен в Яицкий городок под конвоем арестовавших его заговорщиков вечером 14 сентября 1774 г., где он 16 сентября был допрошен секретной следственной комиссией. Прибывший в тот день в Яицкий городок А.В.Суворов сформировал здесь многочисленную воинскую команду (до 1000 человек конницы и пехоты и две батареи с восемью пушками) для конвоирования Пугачева в Симбирск. Эта команда, возглавленная самим Суворовым, выступила из Яицкого городка 13 сентября 1774 г. (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 56-58).
- 34 Конвойная команда А.В. Суворова доставила Пугачева в Симбирск 1 октября 1774 г., где и передала его командующему карательными войсками генерал-аншефу графу П.И.Панину, который в течение пяти дней, со 2 по 6 октября, производил здесь вместе с генералмайором П.С.Потемкиным следствие над Пугачевым (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 57-65).
- 35 Обернибесов (Абернибесов) Алексей Фомич (1728 не ранее 1789), в 1774 г. полковник, командир батальона Архангелогородского карабинерного полка, с середины января того же года принимал участие в карательных операциях по подавлению очагов повстанческого сопротивления в Заволжье и Прикамье (Овчинников Р.В., Большаков Л.Н. Указ. соч. С. 289).

36 Сводная команда полковника А.Ф.Обернибесова и подполковника С.В.Неклюдова в конце августа 1774 г. была направлена командованием из Казани в Симбирск, чтобы усилить оборону этого города и его округи от покушений со стороны отрядов восставших, среди которых особенно активно действовал отряд атамана Фирса Иванова, захвативший город Карсун и разгромивший в бою под ним 27 августа симбирскую гарнизонную команду полковника А.П.Рычкова. Подавив мятежнее выступления в этом краю, команда Обернибесова и Неклюдова (в которой служил Н.З.Повало-Швейковский) до конца октября 1774 г. оставалась в Симбирске.

Конвойная команда, сопровождавшая Пугачева из Симбирска в Москву, возглавлялась гвардии капитаном А.П.Галаховым и насчитывала в своем составе до 70 солдат, казаков и офицеров (в их числе находился и Н.З.Повало-Швейковский). Выступив из Симбирска 26 октября 1774 г., команда Галахова спустя десять дней, 4 ноября, доставила Пугачева в Москву (Овчинников

Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 87-88).

Запрещение вести разговоры с Пугачевым касалось всех конвойных офицеров, за исключением гвардии капитана А.П.Галахова и секунд-майора С.И.Рунича. Последний из них писал в своих мемуарах, что оставаясь наедине с Пугачевым в дорожной кибитке, он часто вступал в разговоры с ним, расспрашивал о его похождениях (Рунич П.С. Записки сенатора П.С.Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина. 1870. 10. С. 354-355).

Для обеспечения безопасности конвоирования Пугачева из Симбирска в Москву были назначены командованием отстоящие друг от друга в 60-ти верстах селения, в которых учреждались «станции» для конвойной команды и отводилась изба-«квартира» для Пугачева; «станции» охранялись одной-двумя армейскими ротами с пушками, эти же роты сопровождали команду Галахова до следующей «станции» (Овчинников Р.В.

Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 86-87).

40 Перед привозом в Москву Пугачева и других подследственных были проведены ремонтные работы в здании Монетного двора (находился он у Воскресенских ворот Китай-города, вблизи северо-западного угла Красной площади; ныне это здание стоит в глубине двора по адресу: Исторический проезд, дом 1). В Монетном дворе было устроено 37 тюремных камер для заключенных, а также т.н. судейская палата для следственной комиссии (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. C. 86-38).

41 Гренадеры-преображенцы из конвойной команды А.П.Галахова несли круглосуточную охрану внутри тюремной камеры Пугачева; двоим из этих солдат, Дебулину и Кузнецову, было дове-

рено приготовление и подача пищи Пугачеву.

42 Карташев Иван Андреевич, капитан 2-го карабинерного полка, находясь с этим полком в составе корпуса генерал-майора П.М.Голицына, участвовал в боях против отрядов восставших на территории Заволжья, особенно отличился при поражении войска Пугачева в битве 22 марта 1774 г. у Татищевой крепости. В октябре 1774 г. Карташев с ротой своих гренадер был включен в состав конвойной команды А.П.Галахова, охранявшей Пугачева.

Галахов Александр Павлович (1737-1793), в военную службу вступил в 1757 г., пожалован в чин капитана лейб-гвардии Преображенского полка 10 июля 1774 г. В начале августа того же года Екатерина II, доверившись вымыслу ржевского купцаавантюриста А.Т.Долгополова (Трифонова) относительно формировавшегося будто бы заговора против Пугачева среди людей из ближайшего его окружения, готовых за крупное денежное вознаграждение арестовать его и выдать в руки правительства. повелела снарядить во главе с Галаховым секретную комиссию и отправить ее к низовьям Волги, чтобы забрать Пугачева из рук заговорщиков. Миссия Галахова не увенчалась успехом. Пугачев был арестован и оказался в плену, но без какого-либо участия комиссии Галахова. 1 октября 1774 г. Галахов явился в Симбирск к командующему карательными войсками генераланшефу П.И.Панину, который в тот же день возложил на него охрану Пугачева. С того времени и до 10 января 1775 г. конвойная команда Галахова несла караульную службу при Пугачеве. За эту службу Галахов получил в награду от Екатерины II поместье с тремя сотнями крепостных (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 48-49, 62-63, 86-89).

44 Духовником Пугачева, сопровождавшим его на казнь, был протопоп московского Казанского собора Феодор.

Утверждение Н.З.Повало-Швейковского о том, что палач, будто бы своевольно нарушивший обряд казни Пугачева четвертованием, отрубив ему сперва голову, а уж потом руки и ноги, за что-де сам был наказан кнутом, — не соответствует действительности. На самом деле палач не был наказан, ибо он действовал в точном соответствии с тайным приказанием московского оберполицмейстера П.П.Архарова, а тот в свою очередь руководствовался повелением Екатерины II, переданным ему генералпрокурором князем А.А.Вяземским (Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И.Пугачевым. С. 182-185).

Вместе с Пугачевым 10 января 1775 г. были казнены ближайшие его сподвижники: А.П.Перфильев, М.Г.Шигаев, Т.И.Подуров и В.И.Торнов. Приговоренный вместе с ними к смерти Н.Н.Зарубин-Чика был отконвоирован для совершения казни над ним в Уфу, где его и казнили 24 января 1775 г.

47 Пугачев был казаком, уроженцем Зюловейской станицы на Лону.

48 Русские войска штурмом, предпринятым 16 сентября 1770 г., овладели крепостью Бендеры, в течение нескольких месяцев обороняемой многотысячным турецким гарнизоном.

⁴⁹ Генерал-аншеф граф П.И.Панин в 1770 г. был командующим 2-й русской армией, действующей в Приднестровье.

50 Значковый товарищ — младшая командная должность в украинских казачьих войсках, командир казачьей сотни. В российских казачьих войсках ему соответствовала должность хорунжего.

Пугачев сообщил при допросе, что в 1770 г. под Бендерами был произведен в чин хорунжего и получил в свою команду сотню казаков донского казачьего полка старшины Е.Д.Кутейникова (Емельян Пугачев на следствии. М., 1997. С. 130).

51 Первая жена Пугачева – донская казачка Пугачева (урожденная Недюжева) Софья Дмитриевна (1742 – не ранее 1804), умерла в ссылке в Кексгольме (ныне г. Приозерск в Ленинградской области).

52 Вторая жена Пугачева – яицкая казачка Пугачева (урожденная Кузнецова) Устинья Петровна (1752 — не ранее 1804), умерла в ссылке в Кексгольме.

- 53 Н.З.Повало-Швейковский по ошибке перенес фамилию отца Устиньи Кузнецовой на род его ремесленных занятий, хотя на самом деле тот кузнечеством не занимался, а всю жизнь служил казаком.
- 54 Семья Пугачева на Дону состояла из жены Софьи Дмитриевны (о ней см. выше прим. 51), сына Трофима (1764-1819), дочерей Аграфены (1768-1833) и Христины (1771-1826). Все они умерли в ссылке в Кексгольме.

55 Относительно А.П.Перфильева см.выше прим. 24.

- 56 Утверждение Н.З.Повало-Швейковокого о том, что численность артиллерии в войске Пугачева «едва ли доходила до 10-ти орудий», – не соответствует действительности. На самом деле в Главном войске восставших, находившемся под командованием Пугачева, насчитывалось до нескольких десятков пушек, а в декабре 1773 г. в пугачевском войске, осаждавшем Оренбург, находилось до сотни пушек и мортир. В отрядах атамана И.Н.Зарубина-Чики под Уфой было 25 пушек, столько же их было у атамана И.Н.Грязнова под Челябинском и т.д. (Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 491-498).
- 57 Емельян Пугачев на следствии. С. 199.
- 58 Рунич П.С. Записки сенатора П.С.Рунича о Пугачевском бунте // Русская старина. 1870. 10. С. 340-355.
- Русская старина. 1870. 8. С. 116-131; 9. С. 211-253; 10. С. 321-372.
- Кононов А.А. Два семейные предания // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских. 1862. Кн. 3. Отд. 5. С. 345-346.
- 61 *Брий Ив.* Анекдоты прошлого // Русский архив. 1914. 5-7. C. 258.
- *Черейский Л.А.* Указ. соч. С. 203-204.

РУССКИЕ ОФИЦЕРЫ — УЧАСТНИКИ БОРОДИНСКОГО СРАЖЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ)

Цель настоящей работы — представить модель социальной структуры офицерского корпуса регулярных воинских частей полевой русской армии эпохи Отечественной войны 1812 года. Данная модель строилась на базе обработки офицерских формулярных списков как массовых исторических источников. В исследование были включены только формуляры офицеров регулярных частей (по состоянию на конец 1812 г.), владельцы которых принимали участие в Бородинском сражении. Следует отметить, что нам впервые в отечественной историографии представилась возможность получить обобщенный социальный портрет русских офицеров, участников Бородинского сражения. А, исходя из того факта, что в этом сражении участвовало более половины регулярных воинских частей полевой русской армии, результаты обработки офицерских формуляров участников Бородинского сражения можно распространить на офицеров регулярных частей всей русской полевой армии 1812 года. Само собой, очевидно, сколь важно решение данной исследовательской задачи для изучения русской военной истории рубежа XVIII-XIX вв., самой Отечественной войны 1812 года и заграничных походов 1813-1814 гг., равно как и для понимания судеб русского офицерства в общественной и политической жизни эпохи, а также для решения более локальных исторических задач, например, связанных с Бородинским сражением.

Формулярные списки офицеров русской армии, участников Отечественной войны 1812 года, в (РГВИА) в фонде 489 до нашего времени предположительно сохранились не менее чем 2/3 всех формулярных списков офицеров и унтер-офицеров, служивших в войсках в 1812 году. Количество офицеров, участников Бородинского сражения, чьи формуляры выявлены нами в делах фонда 489 РГВИА и привлечены для исследования, весьма существенно — 2074 человек, что составило 52,0% от общего

количества офицеров регулярных войск русской армии, принявших участие в Бородинском сражении, и репрезентативно для генеральной совокупности офицерских формулярных списков участников битвы*. Следовательно, нам представилась возможность исследовать формулярные списки как массовый исторический источник и на основе такой обработки получить представление о социальных особенностях российского офицерства эпохи 1812 года. В частности, получили данные о сословном происхождении, образовательном уровне, семейном положении русских офицеров, а также об их военной карьере, а также сведения о частоте применения различных видов оружия как в войнах конца XVIII — начала XIX в., так и в Отечественной войне 1812 года и в Бородинском сражении. По нашему мнению, формулярные списки содержат уникальную в социально-историческом плане информацию, которая может, в частности, восполнить полностью отсутствующую на этот период социальную статистику русской армии¹.

Результаты обработки формулярных списков как массового источника в исследовании представлены в виде таблиц с абсолютными и относительными распределениями данных.

_

Мы остановились на общей численности русских офицеров участников Бородинского сражения в четыре тысячи человек, основываясь на данных «Дневного рапорта о числе войск 1-й Западной армии августа 25 дня, 1812 г.», «Рапорта о состоянии 2-й Западной армии 17 августа 1812 г.», по которым общую численность штаб- и обер-офицеров двух армий на начало 26 августа можно определить в 3948 человек1. Кроме того, с помощью данных в основном из формулярных и наградных списков, а также из списков убитых и раненых офицеров в Бородинском сражении² нам удалось поименно выявить 3984 офицера участника сражения, что составило, по нашим расчетам, 94,0-98,0% от общего количества офицеров в 4200 человек, принявших участие в битве. По нашему мнению, поименный список в 3984 офицеров нельзя считать абсолютно полным и окончательным, так как по 7 полкам мы располагаем явно не полными сведениями (по Каргопольскому драгунскому только на трех офицеров, по Нежинскому драгунскому — на четырех, по Польскому уланскому — на шестерых, по л.-гв. Драгунскому — на восьмерых, по л.гв. Казачьему — на девятерых, по Орловскому пехотному — на двенадцать, по л.-гв. Гусарскому — на семнадцать офицеров). Возможно, и по некоторым другим воинским частям мы располагаем не абсолютно полными сведениями. Следовательно, цифры в 3984 и 3948 русских офицеров, участников Бородинского сражения, не могут быть признаны абсолютно полными, и мы остановились на цифре в четыре тысячи офицеров, которая наиболее близка к действительной численности, но, вместе с тем, может быть подвергнута коррекции в сторону увеличения в пределах ста — максимум двухсот человек.

С помощью традиционных статистических методов и, в частности, с помощью многочисленных группировок данных из офицерских формулярных списков был получен достаточно большой объем новой содержательной информации по истории русского офицерского корпуса эпохи Отечественной войны 1812 года.

На основании результатов, полученных при обработке формулярных списков русских офицеров, участников Бородинского сражения, можно сделать определенные выводы, которые, как уже говорилось выше, вполне распространимы на всю регулярную полевую армию.

Так, на Бородинском поле в рядах русского офицерского корпуса были уроженцы всех регионов России, причем около половины офицеров были родом из великорусских губерний — 47,6%, из малороссийских губерний — 24,0%, из белорусских — 9,1%, остзейских — 7,1%, новороссийских губерний — 5,0%, литовских земель — 3,6%, зарубежных государств — 3,1% и Закавказья — 0,6%.

Сословное происхождение офицеров, принявших участие в Бородинском сражении в составе регулярных частей, было также весьма разнообразно. Подавляющее большинство офицерского корпуса хоть и составляли выходцы из дворянства, но среди меньшей части — 13,3% его состава мы находим выходцев практически из всех других сословий Российской империи от солдатских детей до крепостных крестьян, а также выходцев из недворянских сословий иностранных государств, в основном европейских (см. табл. 1).

Такой порядок чинопроизводства, при котором представителям всех сословий России на военной службе в принципе путь для достижения офицерских чинов не был закрыт, предопределялся петровскими преобразованиями в сфере социальной жизни государства, когда на первое место была поставлена служба государю, а «не порода». Кстати, в XVIII — начале XIX в. в русской армии при достижении первого офицерского чина выходец из любого сословия Российской империи или какого-либо зарубежного государства автоматически переходил в дворянское сословие.

Таблица 1 Сословное происхождение офицеров

Сословное происхождение	абс.	%
Из российских титулованных дворян	27	1,3
Из российских нетитулованных дворян	1552	74,8
Из остзейских баронов	9	0,4
Из остзейских дворян	80	3,9
Из польских дворян	70	3,4
Из дворян других национальных		
меньшинств Российской империи	10	0,5
Из иностранных дворян	45	2,2
Вольноопределяющиеся:		
из обер-офицерских детей	79	3,8
из других категорий	7	0,3
Из солдатских детей	94	4,5
Из духовенства	29	1,4
Из купцов	10	0,5
Из российских мещан	10	0,5
Из малороссийских казаков	4	0,2
Из однодворцев	4	0,2
Из российских крестьян	18	0,9
Из вольновступивших иностранцев	6	0,3
Из вольновступивших подданных	10	0,5
Из воинских поселенцев	5	0,2
Нет данных о сословном происхождении	5	0,2
ВСЕГО	2074	100,0

Правда, существовала система временных цензов, которая определяла разные сроки выслуги в унтер-офицерском чине (солдатское воинское звание, соответствующее современному сержанту) выходцам из различных сословий для того, чтобы быть удостоенным первого офицерского чина. Так, для дворян выслуга в унтер-офицерских чинах до получения первого офицерского звания не была определена. Они зачислялись в свои воинские части сразу унтер-офицерами, хотя первые три месяца должны были служить за рядового, а затем от нескольких месяцев до нескольких лет служили в

унтер-офицерских чинах до получения первого офицерского воинского звания — все зависело от наличия свободных офицерских вакансий в данной воинской части и от того, как претендент на обер-офицерский чин показал себя по службе.

Более или менее продолжительная служба офицеров недворянского происхождения в рядовых солдатах удлиняла срок их выслуги в нижних чинах до получения первого обер-офицерского звания, тем самым сильно сокращались шансы у офицеров недворянского происхождения сделать успешную военную карьеру и закончить службу в штабофицерских чинах, не говоря уже о генеральских. По нашим подсчетам, выходцев из недворянских сословий, за исключением офицеров, вступивших в службу на правах вольноопределяющихся, среди штаб-офицеров (майоров, подполковников и полковников) насчитывалось всего 5,0%.

В вопросе о сословном происхождении русских офицеров часто в литературе можно встретить неточности. В этом отношении показательно высказывание американских историков Р.Эрнеста и Тревора Н.Дюпюи о том, что в первой половине XIX века в комплектовании офицерского корпуса русской армии «проявлялся классовый подход» и он «состоял исключительно из дворян»². Но это утверждение верно только в том смысле, что все офицеры русской армии в то время являлись дворянами. Однако это обстоятельство не означало того, что они все были дворянами по происхождению, так как военнослужащий недворянского происхождения (из обер-офицерских детей, из солдатских детей, крепостных крестьян и т. п.) в случае присвоения ему первого, офицерского, чина автоматически получал потомственное или личное дворянство.

Основная часть офицеров рассматриваемого нами времени не обладала движимой и недвижимой собственностью — 77,0%. На долю офицеров-помещиков, по нашим данным, приходилось всего 3,8%, кроме того, еще 17,7% от общего количества офицеров являлись наследниками поместий. Причем основная часть офицеров-помещиков — 56,9% и наследников поместий — 59,0% лично владела или могла рассчитывать на обладание в будущем в своей собственности от одного до ста крепостных крестьян.

Незначительная часть офицеров являлись владельцами — 0,8% или наследниками недвижимости (в основном земельные наделы без крепостных крестьян) — 0,8%. Таким образом, можно утверждать, что для подавляющего большинства офицеров русской армии служба была основным источником доходов, кстати, скромно оплачиваемой. И как писали авторы истории лейб-гвардии Павловского полка об офицерах начала XIX в.: «Понятно, что при такой обстановке и при небольшом жаловании в описываемое время, не могло быть и речи о роскоши. Всякий жил службой и старался в ней более преуспеть»³.

По нашим данным, большинство офицеров, принявших участие в Бородинском сражении, начинали службу, разумеется, в разные годы, начиная с 1777 г. и заканчивая 1812 г., в основном в возрасте 17-20 лет. Таких насчитывалось более половины — 50,3%, немало их поступило в разные годы в возрасте 15-16 лет — 17,8%, в 21-25 лет — 15,7%. Следовательно, в возрасте 15-25 лет поступило на службу основное количество офицеров — 83,8%.

Начиная с царствования Павла I и заканчивая первыми годами царствования Александра I, практика формального зачисления малолетних дворянских недорослей на воинскую службу, под благовидным предлогом постижения военных наук в домашних условиях, была сведена на нет. Вместе с тем, некоторые офицеры начинали служить в 26-30 лет — 1,9% и даже в 31-40 лет: таких набралось 0,2%.

Наибольшая часть офицеров, служивших в 1812 г., находилась в возрастном промежутке 21-25 год —37,7% и 26-30 лет — 20,3%, т.е. более половины офицеров — 58,0% находилось в возрасте 21-30 лет. По нашим подсчетам, средний возраст прапорщиков и корнетов равнялся 24,0 годам, подпоручиков и поручиков — 25,0 годам, штабс-капитанов и штабс-ротмистров — 28,0 годам, капитанов и ротмистров — 30,0 годам, майоров — 34,0 годам, подполковников — 37,0 годам, полковников — 38,0 годам. Для сравнения — средний возраст полковника наполеоновской армии колебался от 40 до 42 лет, а 35-40 лет — обычный возраст батальонного командира⁴. В русской армии батальонами обычно командовали майоры и подполковники, так что средний возраст штаб-офицеров русской и французской армий в 1812 г. сильно не отличался.

Образовательный уровень большей части русских офицеров 1812 г. был невысоким, если считать критерием образовательный уровень выпускников Пажеского и 1-го и 2-го Кадетских корпусов. У половины офицеров в формулярах отмечено только наличие элементарной грамотности — «читать и писать умеет». С другой стороны, у меньшей части офицеров, которые служили главным образом в гвардии и артиллерии, образовательный уровень был весьма высоким и разносторонним. Так, если среди армейских офицеров знание французского языка было отмечено в формулярах 30,0% офицеров, то среди офицеров лейб-гвардии Семеновского полка — у 91,0%.

Более или менее систематическое среднее образование в начале XIX века офицеры могли получить главным образом в кадетских корпусах. Самый высокий процент офицеров, закончивших калетские корпуса, был в артиллерии — 67.6%. значительно ниже в пехоте — 21,6% (больше половины приходилось на воспитанников Дворянского полка, где общеобразовательный курс наук не преподавался), в гвардейской пехоте -21,2%, в гвардейской кавалерии -18,7% и в армейской кавалерии — 10,0% от общего количества офицеровкавалеристов. Таким образом, основная часть офицеров постигала военные науки на практике, начиная свою военную карьеру в солдатских чинах вне зависимости от сословного происхождения. Дворяне зачислялись в свои воинские части сразу унтер-офицерами, а затем от нескольких месяцев до нескольких лет служили в унтер-офицерских чинах до получения первого офицерского чина. Так, из 2074 офицеров, чьи формуляры мы исследовали, 80 (7,5%) офицеров из нетитулованных российских дворян не выслужили в унтерофицерских чинах и года, 134 (12,6%) — только год и 176 (16,5%) офицеров — два года. Разброс срока выслуги в унтер-офицерских чинах у дворян был существенен, некоторым из них приходилось тянуть унтер-офицерскую лямку весьма долгое время, значительно превосходившее 3-летний срок. Немалому количеству офицеров приходилось служить в унтер-офицерских чинах и четыре года, и пять, и шесть, и даже более восьми лет. Причем среди офицеров, происходивших из российских потомственных дворян, считая остзейских, польских и дворян национальных меньшинств России, чьи формуляры попали в исследование, насчитывалось 65 человек, что составляло 4,0% от общего количества офицеров дворянского происхождения, средняя выслуга в унтер-офицерском чине у которых составила 10 лет. Следует отметить, что по данным из формулярных списков, все эти 65 офицеров начинали свою службу в полку, а не в домашнем отпуске.

Большинство офицеров 1812 года было холостыми — 91,0%, а доля женатых составляла всего 9,0%. Скромное офицерское жалование, неустроенный быт, так как армейские воинские части, не имея постоянных гарнизонов, находились в беспрерывном движении, сменяя за год иногда по несколько раз место своей дислокации, частые войны — все это вместе взятое неблагоприятно сказывалось на семейной жизни, и большинство офицеров обзаводилось семьями уже после своей отставки.

Для многих офицеров 1812 года семейные узы заменял родной полк. Как писал В.В.Крестовский: «Офицеры в полку — это была одна семья, родные братья, у которых все было общее — честь, дух, время, труды, деньги, наслаждения, неприятности и опасность»⁵.

В формулярных списках много места отводилось для сведений об участии офицеров в боевых действиях различных военных кампаний, отсюда у нас оказалась разнообразная информация об этой стороне их военной карьеры.

55,4% русских офицеров, участников Бородинского сражения, до Отечественной войны 1812 года участвовали в различных военных походах и войнах. В том числе, по нашим подсчетам, 38,5% от общего количества офицеров участвовало в боевых действиях против французских и наполеоновских войск, включая Итальянский и Швейцарский походы Суворова 1799 г. Следовательно, значительная часть русского офицерского корпуса с наполеоновской армией в 1812 г. встретилась не в первый раз.

Вместе с тем, для 925 офицеров, что составило 44,6% от общего количества офицеров, чьи формулярные списки попали в исследование, Отечественная война 1812 года была их первой войной, в которой им довелось участвовать. В своем исследовании мы не ограничились данными из офицерских формуляров об участии их владельцев в сражениях только

1812 года, а учли общее количество сражений, включая и полученные в них ранения, в которых офицеры участвовали в течение всей службы по 31 декабря 1812 г. включительно, чтобы иметь более широкое представление о русском офицере «фронтовике» (т.е. о строевом офицере) 1812 года, чей боевой опыт не ограничивался только одной военной кампанией.

Накануне Бородинского сражения большая часть офицерского корпуса, принявшего в нем участие, обладала достаточно большим боевым опытом, так как в целом только для 10,3% из них это было первое сражение. Доля необстрелянных офицеров в гвардейских пехотных полках была значительно выше среднеармейских показателей — 46,9%. В целом у большинства русских офицеров, пришедших на Бородинское поле, за спиной было не одно сражение: больше половины из них (54,0%) уже участвовало более чем в трех сражениях. Кроме того, многим офицерам до Бородинского сражения довелось участвовать в крупных битвах против Наполеона. По нашим данным, 10,0% из них сражались под Аустерлицем, 11,0% — под Прейсиш-Эйлау, 11,0% — под Фридландом, 25,0% — под Витебском, 64,4% — под Смоленском.

Об участии в боевых действиях дают представление и данные из формуляров, занесенные в (СИП) «Русские генералы и офицеры, участники Бородинского сражения» о ранениях и контузиях офицеров, которые они получили за все время своей службы в различных военных кампаниях, считая и Отечественную войну 1812 года, а также Бородинское сражение.

Так, в Бородинском сражении наиболее чувствительные потери понес офицерский корпус, о чем и пишет начальник штаба 2-й Западной армии Э.Ф.Сен-При: «День 26 августа близ Бородина не был решительным ни для одной из двух сражавшихся там армий. Потеря с обеих сторон была приблизительно одинакова, и для русской армии она была чувствительна только по числу офицеров, выбывших из строя, и вызванной, вследствие этого, кратковременной дезорганизацией большинства полков» 6.

Удельный вес потерь в боевых действиях убитыми и раненьми у офицерского корпуса в то время был несколько выше, чем среди солдат, о чем свидетельствуют высказывания русских офицеров и генералов-участников Отечественной войны 1812 года. М.М.Петров, который в Бородинском

сражении командовал батальоном 1-го егерского полка, в своих воспоминаниях приводит разговор Великого князя Константина Павловича со своим полковым командиром М.И.Карпенковым, состоявшийся в конце 1812 года. В этом разговоре Великий князь говорит о потерях в офицерском корпусе: «Знаю, и государь знает, что они (русские офицеры. — \mathcal{J} . \mathcal{L} .) уж слишком даже стремительны к боевым отличиям, ибо несоразмерно втрое большая числом противу нижних чинов утрата офицеров ясно это доказывает...»⁷.

Из данных опубликованной «Ведомости о потерях 1-й Западной армии в сражении при Бородине» вычислили, что вся 1-я Западная армия потеряла убитыми 4,0% и ранеными 28.0% от обшего количества офицеров, а солдатские потери составили соответственно 7,0% и 15,0%. По «... Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армий в сражении при Бородино...» у количество погибших русских офицеров определено цифрой в 199 человек, а по нашим данным, оно составило 217, то есть доля безвозвратных потерь от общего количества русских офицеров, участников Бородинского сражения, составляла 5,0%. Ранеными и контуженными потери русской армии в сражении по данным этой же ведомости составили 1181 офицера регулярных частей или около 28,0% от общего количества офицеров. Поименно нами установлено количество раненых в Бородинском сражении офицеров - 1105 человек.

Вопрос о численности и потерях сторон в Бородинском сражении на сегодняшний день в историографии является одним из спорных и окончательно неразрешенных. В данной статье мы не будем касаться вопросов общей численности и потерь сторон в сражении, остановимся лишь на вопросе, связанном с потерями русского офицерского корпуса. Этот вопрос также нуждается в своем разрешении, так как зачастую потерям русского офицерского корпуса в литературе при учете общих потерь, понесенных в Бородинской битве, не уделяется должного внимания, а то и вовсе приводятся неверные цифры. Так, Н.А.Троицкий, ссылаясь на собранные Военно-ученым архивом Главного штаба «Списки убитыми, ранеными и награжденным воинским чинам в войну 1812-1814 гг.», настаивает на том, что в этом списке поименно названы все убитые и раненые в Бородинском сражении

русские генералы и офицеры (633 человека)¹⁰. Но, вопервых, эта цифра в два раза ниже, чем та, которая приведена в «... Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армий в сражении при Бородино...», а также противоречит данным из опубликованной «Ведомости о потерях 1-й Западной армии в сражении при Бородине», по которой генералитет и офицерский состав только этой армии потерял убитыми и ранеными 847 человек¹¹; во-вторых, опираясь на архивные и опубликованные материалы, нам поименно удалось выявить такое количество убитых и раненых в Бородинской битве русских офицеров, численность которых почти в два раза превосходит приведенную Н.А.Троицким цифру.

Работая с формулярными списками как с массовыми источниками, нам представилась возможность проанализировать не только количественные, но и качественные показатели из формуляров, связанные с ранениями, полученными офицерами за все время службы.

В расчетах количественных данных о характере ранений мы опирались на сведения из 2074 офицерских формуляров о 983 фактах ранений и контузий 808 офицеров за все время их службы и 470 фактах ранений и контузий 440 офицеров в Бородинском сражении. За один факт ранения или контузии мы считали ранение офицера в одном бою или сражении одним видом оружия или боеприпаса. Например, если офицер в одном бою получил два пулевых ранения, то мы считали их за один факт ранения от пули, если в одном бою офицер получил одно пулевое ранение и два сабельных ранения, то в расчет брался один факт пулевого ранения и один факт ранения, полученного от сабли.

В 2074 формулярах у 47,4% офицеров имелись записи, по состоянию на конец 1812 г., о ранениях и контузиях, которые они получили за все время своей воинской службы, у 21,2% офицеров имелись записи о ранениях и контузиях, полученных в Бородинском сражении. По записям в формулярных списках следует, что основная часть этих офицеров за всю службу была ранена или контужена не более одного раза — 39,0% от общего количества офицеров, два раза — 7,2%, три раза — 1,2%, четыре раза была ранена или контужена 0,05% от общего количества офицеров.

Таблица 2

Характер ранений, полученных офицерами за всю службу (по состоянию на конец 1812 г.)

	^	До		Отечес	твенная в	Отечественная война 1812 г.	r.		За всю	510
Характер ранений	Отечес войнь	Отечественной войны 1812 г.	В Бородинском сражении	лнском нии	Без у Бороди сраж	Без учета Бородинского сражения	3a 1 BOĎ	За всю войну	службу	6y
	aoc.	%	agc.	%	aoc.	%	a6c.	%	aoc.	%
1	2	3	4	5	9	7	8	6	10	11
Пулевые ранения	151	72,2	246	59,7	170	67,5	416	62,7	267	64,9
контузии от стрелкового оружия	9	2,9	23	5,6	13	5,2	36	5,4	42	4,8
Всего ранений и контузий от стрелкового оружия	157	75,1	269	65,3	183	72,6	452	68,1	609	8,69
Всего ранений и контузий ар- тиллерийскими боеприпасами	!		!	,		,	!	,		
В том числе:	35	16,7	122	29,6	57	22,6	179	27,0	214	24,5
контузии	16	7,7	70	17,0	38	15,1	108	16,3	124	14,2
ранения картечью	12	5,7	26	6,3	13	5,5	39	5,9	51	5,8
ранения околками гранат	9	2,9	15	3,6	3	1,2	18	2,7	24	2,7
ранения ядрами	1	0,5	11	2,7	3	1,2	14	2,1	15	1,7
Всего ранений холодным										
оружием	17	8,1	22	5,3	11	4,4	33	5,0	20	2,7

1	2	3	4	5	9	7	8	6	10	11
В том числе:										
палашом	2	1,0	5	1,2	I	I	5	8,0	7	8,0
пикой	I	. 1	3	0,7	3	1,2	9	6,0	9	0,7
саблей	4	1,9	12	2,9	_	2,8	19	2,9	23	2,6
стрелой	-	0,5	I	1		0,0	I	. 1	-	0,1
ШТЫКОМ	10	4,8	-	0,2	2	0,8	33	0,5	13	1,5
Всего ранений и контузий (данные об их характере в фор- мулярах имеются)	209	100,0	412	100,0	252	100,0		664 100,0	873	100,0
Количество ранений (данные об их характере в формулярах от-сутствуют)	19	8,3	58	12,3	33	11,6	91	12,1	110	11,2
Всего ранений и контузий	228	100,0	470	100,0	258	100,0	755	755 100,0	983	100,0

На первый взгляд доля раненых офицеров в одном сражении, хотя и очень упорном, и общая доля офицеров двух армий, имевших записи в формулярах о ранениях, полученных за всю службу, сильно не отличаются. Это обстоятельство можно объяснить тем, что из госпиталей после излечения от ранений и болезней в лучшем случае (данные приводятся по госпиталям, руководимым с 14 сентября 1812 г. по 25 мая 1813 г. известным профессором медицины Х.И.Лодером) во время военных кампаний начала XIX в. возвращалось в строй 60% офицеров, остальные переводились в нестроевую службу, выписывались на инвалидное содержание, отправлялись в длительные домашние отпуска. Умирали в госпиталях не менее 7% (общие данные по офицерам и солдатам)12. Кроме того, у офицеров, получивших ранения во время боевых действий. по окончании войны появлялась уважительная причина, к которой они нередко прибегали, подавая рапорт на увольнение с военной службы по причине ухудшения здоровья. Исходя из сведений об офицерах, получивших ранения в Бородинском сражении, можно обоснованно предположить, что от этих ран скончалось не более 5% раненых офицеров, а около 70% выздоровевших вернулись в строй, не воспользовавшись переводами в нестроевые части или в отставку по причине ухудшения здоровья. К такому выводу нас привел анализ данных на 440 офицеров, получивших ранения или контузии в Бородинском сражении, что составляло 21,2% от общего количества в 2074 офицеров, чьи формуляры были подвергнуты исследованию. По нашим расчетам данных из «... Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армий в сражении при Бородино...», доля раненых и контуженных русских составляла 30,0% офицеров от их общего количества. Формуляры, которыми мы воспользовались, составлялись после 1 января 1813 года, то есть на офицеров, которые по выздоровлении от ранений и контузий, полученных в Бородинской битве, вернулись в строевые части действующей армии. По нашим расчетам, не вернулись в строй 30% раненых офицеров, из не вернувшихся в строй не более 17% (или 5% от общего количества раненых) скончались от ран, а остальные, возможно, были переведены в нестроевые части, были выписаны на инвалидное содержание, ушли в отставку «по болезни». Эти показатели раненых офицеров, вернувшихся в строй, всего на 10% выше, чем по госпиталям, руководимым Х.И.Лодером, но здесь надо учитывать и то обстоятельство, что мы брали в расчет и легко раненых и контуженных офицеров, которые, как правило, не проходили лечения в госпиталях, оставаясь в строю.

Сведения о ранениях офицеров в формуляр записывались, как правило, очень подробно: в каком сражении, в какую часть тела и каким видом оружия был ранен тот или иной офицер. Следовательно, мы располагаем не только количественными данными о ранениях, но и данными о характере ранений.

Теперь рассмотрим полученную нами из формулярных списков информацию о характере ранений и контузий офицеров. В первую очередь хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что на долю огнестрельных ранений, полученных офицерами за всю службу, включая и контузии, приходилось 94,3% от общего количества ранений и контузий, а на ранения холодным оружием всего 5,7% (см. табл. 2).

Следовательно, в многочисленных войнах конца XVIII— начала XIX в., в которых принимала участие Россия, ведущая роль принадлежала огнестрельному оружию, а холодное играло лишь вспомогательную роль.

Данные о ранениях офицеров различными видами боеприпасов выявляют определенные закономерности. Среди огнестрельных ранений доля пулевых ранений, полученных за все время службы, у офицеров всех родов войск существенно преобладала над ранениями от артиллерийских боеприпасов, и Бородинское сражение не являлось в этом исключением. Так, доля пулевых ранений и контузий, полученных офицерами в различных войнах до 1812 года, в 4,5 раза, в Отечественную войну 1812 года, если не брать в расчет Бородинское сражение, в 3,2 раза, а в Бородинском сражении в 2,2 раза превосходила долю ранений и контузий, полученных от артиллерийских боеприпасов.

Обращает на себя внимание относительно низкая доля ранений и контузий от артиллерийских боеприпасов — 16,7%, полученная офицерами в различных войнах до Отечественной войны 1812 года, за всю Отечественную войну 1812 года — 27,0%, даже в Бородинском сражении она составила только 29,6% от всех ранений и контузий. Вместе с тем, мас-

совое применение огнестрельного оружия, главным образом пехотных ружей, делали рукопашные схватки с применением холодного оружия редкими, о чем говорит низкий удельный вес ранений, полученных офицерами от холодного оружия. Отсюда можно сделать вывод о том, что основные потери в сражениях Отечественной войны 1812 года и в войнах начала XIX века русский офицерский корпус нес от стрелкового оружия. Этот вывод можно распространить и на солдатские потери. Правда, здесь возможно услышать возражение, что от артиллерийских боеприпасов смертность в бою была намного выше, нежели от стрелкового оружия. Но на это замечание можно возразить с помощью следующих рассуждений. Мы знаем, что соотношение убитых к раненым русских офицеров в Бородинском сражении было примерно 1:6. С помошью несложных расчетов можно рассчитать, что на 440 раненых офицеров, данные на которых мы использовали в нашем исследовании, приходилось 73 убитых офицера. Если даже предположить, что 80% этих офицеров были убиты артиллерийскими снарядами, то и в этом случае доля убитых. раненых и контуженых от стрелкового оружия будет находиться в промежутке между 50-60%, а доля убитых, раненых и контуженых артиллерийскими снарядами в промежутке между 30-40%.

Таким образом, полученные систематизированные данные из формулярных списков офицеров, участников Бородинского сражения, на конец 1812 года позволяют получить новую информацию по истории русского офицерского корпуса начала XIX в. и заполнить пробел, имеющийся в истории русского офицерства эпохи Отечественной войны 1812 года.

¹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 3. Д. 852. Л. 70; Ф. 154. Оп. 1. Д. 84. Л. 22. См.: Там же. Ф. 29. Оп. 153 г. Св. 10. Д. 2, 3; Св. 20. Д. 13; Св. 23. Д. 24. Д. 31; Ф. 2580. Оп. 1. Д. 779; Ф. 14664. Оп. 1. Д. 199; Ф. 103. Оп. 208А. Д. 4. 4.2. Св. 0. Л. 3; Храм Христа Спасителя в Москве. Нью-Йорк, 1986.

² Эрнест Р. и Дюпюи Тревор Н. Всемирная история войн. СПб.;М., 1998. Кн. III. С. 113.

³ Воронов П., Бутовский В. История лейб-гвардии Павловского полка. СПб., 1875. С. 15.

⁴ Соколов О.В. Капитан N. // Родина. 1992. 6/7. С. 14.

- 5 Крестовский В.В. История 14-го уланского Ямбургского Ея Императорского Высочества Великой княжны Марии Александровны полка. СПб., 1874. С. 103.
- 6 *Сен-При Э.Ф.* Бумаги графа Сен-При // 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников / Сост. *В.Харкевич.* Вильно, 1900. Вып. І. С. 168.
- 7 Петров М.М. Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трех родных братьев его, зачавшейся с 1789 года. 1845 г. // 1812 г.: Воспоминания воинов русской армии. М., 1991. С. 212.
- 8 Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 200-201.
- 9 Ведомости потерь людьми и вещами некоторых воинских частей при Бородине, Смоленске, Малом Ярославце и Красном. Ведомости убитых генералов и офицеров 1-й и 2-й армии в сражении при Бородине... Ф. 103. Оп. 3/209 а. Д. 64. Л. 14.
- 10 *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 176.
- 11 Бородино. Документы, письма, воспоминания. С. 201.
- ¹² Страшун И.Д. Русский врач на войне. М., 1947. С. 106. С. 68.

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИЗДАНИЯ ПЕРЕПИСКИ В.Г.БЕЛИНСКОГО

Сохранившееся эпистолярное наследие Белинского представляет собою лишь часть его переписки — уникального автобиографического повествования представителя зарождавшейся русской интеллигенции. Спасение этой страницы отечественной культуры — подлинный научный подвиг историка общественной мысли А.Н.Пыпина.

Судьба многих писем Белинского складывалась необычно и до сих пор остается не вполне проясненной. Один из наиболее ценных комплексов эпистолярных материалов - переписка с В.П.Боткиным – стал расползаться по различным владельцам еще при его жизни. Сам Боткин рассказывал: «...в одно мое продолжительное отсутствие из Москвы родственник мой, бывший тогда студентом Московского университета, выпросил их у моей сестры... Многие стали просить у него эти письма и он... отдавал их»¹. Значительная часть писем Боткину и ряду других лиц была затем приобретена издателем первого собрания сочинений Белинского К.Т.Солдатенковым.

В отличие от путешествующих писем к Боткину другой, не менее значимый комплекс — письма М.А.Бакунину — в основном компактно хранился в имении Бакуниных Прямухино. Однако и с ним связан ряд загадок. Еще в феврале 1840 г. Белинский сообщил Боткину о возвращении ему Бакуниным его писем второй половины 1838 г. (Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. XI. С. 459. В дальнейшем: ПСС). Если речь шла о дошедших до нас письмах, возникает вопрос, когда и каким образом они вновь попали в Прямухинский архив? Если же Белинскому досталась от Бакунина ныне утраченная часть переписки (в этом случае он скорее всего сам сжег ее в 1848 г.), трудно объяснить, почему он написал Боткину о возвращении «всей перепалки» с Бакуниным, не заметив, что тот отдал ему лишь отдельные ее куски.

Из Прямухина семейный архив был отправлен братом М.Бакунина — П.А.Бакуниным и его женой — Н.С.Бакуниной в их крымское имение «Горная щель». Именно в Крыму создавал свою работу о переписке Белинского, опубликованную первоначально в «Русских ведомостях» (1895-1896 гг.), П.Н.Милюков, вспоминавший, как «в уединенном ялтинском домике и на него пахнуло атмосферой Прямухина, очаровавшей когда-то Белинского»².

В 1905 г. вдова П.А.Бакунина перевезла архив в имение известного деятеля кадетской партии М.И.Петрункевича «Машук» (Тверской губернии), где с 1907 г. его разбирал историк русского общественного движения А.А.Корнилов³.

В 1912 г. после смерти организатора Московского исторического музея П.И.Щукина (его мать происходила из рода Боткиных) в музей вместе с огромной документальной коллекцией попали и материалы Белинского⁴. В следующем году Н.С.Бакунина через А.И.Станкевича (племянника сотрудника музея А.В.Станкевича) передала туда же автографы Белинского⁵. В архиве Бакуниных, перешедшем позднее к Корнилову, остались копии отправленных в музей писем⁶.

Письма Белинского к родным, собранные в середине 1870-х гг. издателем журнала «Русская старина» М.И.Семевским с помощью драматурга И.Н.Захарьина и чембарского уездного предводителя дворянства Н.Н.Енгалычева, затерялись в редакционном архиве⁷. Долгое время они оставались известны по отрывкам, опубликованным Енгалычевым (Русская старина. 1876. № 1-2), и лишь в 1943 г. были обнаружены в фонде журнала Н.И.Мордовченко и изданы им в «Литературном наследстве» (Т. 57).

В настоящее время письма Белинского хранятся в Историческом музее, в Пушкинском доме⁸, в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁹ и в других хранилищах.

С 1856 г. — времени снятия запрета с имени Белинского — и до первой половины 1870-х гг. — начала собирания Пыпиным материалов о нем было опубликовано (в основном в отрывках) 32 письма критика; из них 25 — самими адресатами: А.И.Герценом, И.И.Панаевым, И.С.Тургеневым, А.А.Краевским; остальные же — И.И.Лажечниковым (Псс. № 10), младшим чиновником особых поручений при пензенском военном губер-

наторе И.Ф.Островидовым (№ 9, 16, 17, 22), братом Н.В.Станкевича — А.В.Станкевичем (№ 124) и Пыпиным (предположительно) (№ 316). Последнее — письмо Белинского к Боткину от 4-8 ноября 1847 г. было затем в более полном виде воспроизведено Н.Скандовским в «Санкт-Петербургских ведомостях» с примечанием, что копия письма куплена в Москве у Сухаревой башни. П.В.Анненков вспоминал о чтении им этой публикации смертельно больному Боткину в Ахене; тот несколько раз останавливал чтеца: «Погодите... дайте отдохнуть... это меня ужасно волнует... Господи, как интересно!... Если б вы знали, какое это было славное время» 10 .

Процесс приобретения Пыпиным писем Белинского у знакомых критика и коллекционеров освещен в работе Т.Ухмыловой «Материалы о Белинском из архива А.Н.Пыпина» (Литературное наследство. Т. 57). Прежде возвращения автографов (многие из которых, в частности, вся коллекция Солдатенкова, были позднее утрачены) владельцам исследователь снял с них копии¹¹. Цитаты и отрывки из этого собрания были обнародованы Пыпиным в работе «Белинский, его жизнь и переписка» (Вестник Европы. 1874-1875; отдельной книгой — 1876 г.). Второе ее издание (1908 г.) было дополнено новыми фрагментами писем зятем Пыпина Е.А.Ляцким.

С начала 1880-х по 1914 г. шла активная публикация писем Белинского, отраженная в комментариях XI и XII томов Псс. Из бумаг К.С.Аксакова его братом И.С.Аксаковым было извлечено 6 писем Белинского (Русь. 1881. № 8. С. 14). Ряд писем к М.Бакунину опубликовал в отрывках в 1891 г. редактор журнала «Русская мысль» В.А.Гольцев (предоставленные ему П.А.Бакуниным)12. Дополнения к публикациям писем Боткину внес в 1892 г. литературовед, впоорганизатор Пушкинского дома Н.А.Котляслелствии ревский ¹³. Один из издателей «Русских ведомостей», юрист и публицист Г.А.Джаншиев напечатал в ряде изданий письма Белинского к невесте и жене (они были предоставлены ему свояченицей Белинского А.В.Орловой в 1894 г., одно – прислано дочерью критика в 1891 г.)14. Два письма Белинского к К.Д.Кавелину опубликовал в «Русской мысли» (1892 г.) профессор Казанского университета, хранитель архива Кавелина – Д.А.Корсаков. Письма Краевскому и В.Ф.Одоевскому издал полностью хранитель Отделения рукописей Публичной библиотеки в Петербурге, составлявший опись бумаг Краевского, – И.А.Бычков¹⁵. Записки Белинского к А.П.Ефремову сообщил в редакцию сборника «Памяти В.Г.Белинского» племянник Ефремова Н.В.Шаховской 16. Отдельные письма появились в различных изданиях усилиями друга Белинского Анненкова, критика А.Д.Галахова, общественного деятеля В.Е.Якушкина, публициста С.Н.Кривенко, А.В.Станкевича, исследователя деятельности М.Н.Каткова – С.Неведенского, историков В.И.Семевского, П.Е.Щеголева. литературоведа В.И.Шенрока, издателя Л.Э.Бухгейма и др. Послания к Бакунину и Боткину были в расширенном в сравнении с прежними публикациями виде даны в работе Р.В.Иванова-Разумника «Великие искания» (1912 г.). В книге «Молодые годы Михаила Бакунина» (Русская мысль. 1912-1913, отдельное издание 1915 г.) Корнилов дополнил новыми фрагментами и напечатал полностью 10 писем Белинского к М.Бакунину и другим лицам.

В 1914 г. на базе архива Пыпина и указанных публикаций было предпринято первое 3-томное издание писем Белинского. В позднейшем «белинсковедении» оно, в связи с политической конъюнктурой (его составитель — Ляцкий был либеральным историком, эмигрантом), оценивалось негативно: акцент ставился не на заслугах исследователя, собравшего воедино более 300 источников и тем исчерпавшего почти весь имеющийся их запас, а на немногочисленных их пропусках, включении в издание двух фальшивок, неправильностях в датировке и комментариях.

Собирание, изучение и публикация эпистолярного наследия Белинского в советское время (до конца 1940-х гг.) освещены в работе Ю.Г.Оксмана «Переписка Белинского» 17: в научный оборот вошло 10 вновь найденных или реставрированных писем. Оксман не учел лишь приписку Белинского к письму Панаева К.Аксакову от 8 декабря 1839 г. (Псс. № 128). Еще в 1948 г. Оксману удалось уточнить даты писем Белинского К.Аксакову (от 16-20 ноября 1837 г.) и М.Бакунину (от 3 января 1838 г.) 18. Указанная статья Оксма-

на в «Литературном наследстве» во многом подготовила полное академическое издание писем Белинского. Достаточно сказать, что автор предложил 17 уточнений в их датировке, 13 из которых были приняты в Псс; расшифровал упоминаемые в источниках имена и факты; исследовал корреспонденцию, полученную Белинским. Ряд писем (М.Бакунину — № 84, 86, 95, 119, Боткину — № 111, 112, Ефремову — № 59, К.Белинскому — № 87, П.Клюшникову — № 94) вошли в Псс с датами, предложенными В.Г.Березиной 19. Она же точно датировала 13-м августа приписку Белинского к письму Боткина М.Бакунину от 2 августа 1838 г. 20

В 1955 г. вышло 2 тома избранных 173-х писем Белинского с примечаниями Мордовченко и Березиной; в следующем году появились XI и XII тома Псс (содержащие 326 писем), включившие в себя огромную работу составителей по освещению истории публикации и комментированию эпистолярных произведений Белинского и поныне являющиеся источниковедческой базой их исследования. Эта работа была продолжена при подготовке 9 тома нового собрания сочинений критика (М., 1982) (179 писем). Единственное его исправление в датировке — записки Ф.М.Достоевскому — подтверждает добротность датировки писем, предпринятой в 1940-1950-х гг.

326 сохранившихся писем (в том числе «диссертаций» размером с небольшую повесть), записок, фрагментов — много это или мало? Составители Псс насчитали 153 (почти половина от имеющегося эпистолярного наследия) утраченных, но известных нам по упоминанию в других источниках писем Белинского (список их приведен в XII томе Псс). Однако его можно продолжить. Отметим, что по непонятной причине в него не включены многие письма Белинского, упоминаемые в других его посланиях и отмеченные как пропавшие в примечаниях Псс к каждому отдельному письму.

Публикуя письмо родственницы Белинского Е.П.Ивановой в Москву и датируя его началом января 1831 г., Мордовченко заметил, что это — ответ на неизвестное послание Белинского от декабря 1830 г.²¹ Но это ошибка, т.к. в следующем своем письме (от второй половины января 1831 г.) Иванова упрекает корреспондента, что он в продолжение 4

месяцев ни строчки не прислал в Чембар. Скорее всего Белинский отправил письмо Ивановой 24 сентября 1830 г. (вместе с письмом к родителям), после чего в переписке с родными наступил долгий перерыв.

В письме Ивановой, датированном в «Литературном наследстве» второй половиной января 1831 г., упоминается утерянное ныне письмо Белинского, якобы от 17 сентября 1830 г., где он, по словам Ивановой, сетовал на неудачу с определением в московскую гимназию брата Константина. Об этом Белинский сообщал и родителям 24 сентября 1830 г., извиняясь, что не мог писать раньше по ряду внешних обстоятельств. Те же препятствия не позволили бы ему до 24 сентября переписываться с чембарскими родственниками. Отсюда следует, что дата письма Белинского, указанная Ивановой, неверна (она не имела его под рукой, т.к., вероятно, по просьбе Белинского, отослала обратно в Москву): неизвестное письмо, в котором Белинский сокрушался о судьбе брата — это, скорее всего, все то же письмо к Ивановой от 24 сентября 1830 г.

В письме Ивановой Белинскому от 7 октября 1833 г. упоминается о недошедшем до нас послании Белинского с просьбой к корреспондентке уговорить его мать не слишком тревожиться (вероятно, в связи с его исключением из университета)²². Это письмо могло быть отправлено Белинским между 21 мая (в этот день он сообщил родителям, что не является более студентом) и второй половиной сентября 1833 г.

В 1834-1838 гг. Белинский много переписывался с учившимся тогда в Петербурге будущим выдающимся востоковедом П.Я.Петровым. В Псс приведены сведения об этих утраченных посланиях, почерпнутые из ответов Петрова. Возможно, в их число входило и письмо второй половины июля — начала августа 1834 г., где Белинский напоминал корреспонденту о необходимости чаще сообщать о себе оставшейся в Москве матери²³.

Оксман в «Летописи жизни и творчества В.Г.Белинского» (М., 1958) отметил наличие приписок критика и М.А.Языкова к несохранившемуся письму Н.Х.Кетчера Н.П.Огареву (около 20 февраля 1845 г.), на которые последний отвечал:

«Кланяюсь Виссариону и Михаилу Александровичу. Спасибо за приписку, которая их мне олицетворила»²⁴.

В письме Боткину от 10-16 февраля 1839 г. Белинский упоминает о своем письме тому же адресату по поводу возможности брака с А.М.Щепкиной: оно могло быть написано в ноябре-декабре 1838 г., т.к. Боткин, читавший его вместе с Д.М.Щепкиным, уже 3 января 1839 г. уехал на месяц из Москвы в Харьков²⁵.

Утерянное письмо Белинского Боткину с объявлением разрыва их отношений составители Псс и Оксман (в «Летописи») датируют 16-31 марта 1839 г. Однако сам Белинский сообщал Станкевичу, что написал это «в высшей степени» оскорбительное для Боткина послание после приезда в Москву Панаева (Псс. Т. XI. С. 400) (т.е. после 14 апреля); Боткин же известил о нем Бакунина 9 мая²⁶. Не прав ли скорее Корнилов, который отнес ссору Белинского и Боткина к началу мая (можно датировать ее и второй половиной апреля).

В список утраченной корреспонденции в Псс почему-то не попало и письмо Белинского Боткину с предложением не расходиться окончательно, «но остаться в отношениях хороших знакомых...» (Псс. Т. XI. С. 403), полученное Боткиным не ранее 9 мая; он сообщил о нем 13 мая Бакунину и Ефремову: «Белинский прислал мне письмо..., что мы вовсе не друзья, но можем быть хорошими приятелями — и я с ним совершенно согласен»²⁷.

Вызывает недоумение, что в 9 томе собрания сочинений это письмо отождествляется с опубликованным письмом Белинского Боткину от 10-16 февраля 1839 г. (С. 754).

Вместе с тем есть все основания сократить на одну единицу список утраченных писем Белинского к Боткину, опубликованный в XII томе Псс. Отвечая 5 сентября 1840 г. на недошедшее до нас послание последнего, Белинский с удивлением спрашивал: «С чего ты, о Боткин, взял, что мое письмо к тебе (в Нижний) написано в сердцах на тебя?» (Псс. Т. XI С. 551). Боткин принял на свой счет упреки за веру в разумность бытия, направленные Белинским более всего в собственный адрес (в письме от 12 августа того же года с сообщением о смерти Станкевича). Как правильно

полагают составители сборника «Избранные письма» (Т. 2. С. 406) и 9 тома собрания сочинений (С. 772), в данном звене переписки утрачено лишь письмо Боткина; между тем, комментаторы Псс сочли «сердитое» письмо Белинского неким неизвестным посланием, отправленным Боткину в июле-августе 1840 г. (Т. XII. С. 586).

Таким образом, пробелы в имеющейся ныне переписке весьма велики. Особенно мало писем сохранилось за периоды 1835 — первой половины 1837 г. (11 небольших писем и записок) и конца 1843-1845 гг. (всего 5). Из 4 комплексов писем, различных по тематике и тональности: 1) родным, 2) невесте и жене, 3) корреспонденция, посвященная деловым, финансовым и издательским вопросам, следует особо выделить четвертый – письма друзьям. Наиболее полно сохранились письма М.Бакунину (23 единицы и не менее 7 утрат) и Боткину (67 и не менее 13 пропаж). Существовали другие столь же солидные группы: послания Станкевичу, Герцену (от которых остались по сути лишь «обломки»), А.В.Кольцову (почти все исчезнувшие). Оксман («Переписка Белинского». С. 202) и составители Псс (Т. XI. С. 5) назвали лиц, письма к которым либо в большей своей части, либо полэтому перечню можно ностью погибли. К Я.М.Неверова, художника К.А.Горбунова, И.А.Гончарова, чембарских и пензенских знакомых Белинского. Более обширной была также переписка с К.С.Аксаковым, Н.А.Полевым, Катковым, Краевским, семьями Бакуниных и Щепкиных.

К названным потерям следует прибавить условную единицу размером до 6 книжных страниц, составленную из купюр в XI и XII томах Псс (строки и целые куски текста изъяты почти из 50 писем). Несколько экземпляров собрания писем под редакцией Ляцкого без сокращений являются недоступной читателю библиографической редкостью²⁸.

Письма, свободные от стеснений в выборе выражений, составляли как бы особый эпистолярный жанр. По стремлению к раскованности в переписке Белинский охотно прибегал к нему и при интимных признаниях и при характеристике общественных и литературных дел. Не предлагая вводить непечатную лексику в будущие публикации, хотелось бы призвать к бережному отношению к тексту и считать

впредь недопустимыми выбрасывание целых фраз и фрагментов и смысловые искажения, сопровождающие препарирование писем. Понятия о приличном и допустимом со временем меняются: нынешний читатель с удивлением смотрит на «загадочные» «с... с...» в сборнике Ляцкого: невинное словосочетание «сукин сын» публикатор счел неупотребительным. Зато фрагмент письма Боткину от 7 ноября 1842 г., сохраненный в собрании писем 1914 г., в Псс отсутствует (хотя в нем нет нецензурных слов): вероятно, моральные порицания в виде выразительных умолчаний казались Ляцкому невозможными. Полностью напечатанные у Ляцкого «рискованные» советы Белинского Н.А.Бакунину о покорении прекрасного пола (письмо от 6-8 апреля 1841 г.) были изъяты в Псс, но восстановлены в 9 томе собрания сочинений (С. 460).

Письма Белинского изобилуют скрытыми цитатами (без кавычек и, как правило, без отсылок к источнику); выявление их потребовало от составителей публикаций серьезных исследований. Задача будущих издателей переписки продолжить их и свести воедино все комментарии. Так, любуясь выражением глаз Татьяны Бакуниной, Белинский вспоминал взгляд полячки из «Тараса Бульбы» «долгий как вечность» (у Гоголя «долгий как постоянство»). Цитата раскрыта в «Избранных письмах» (Т. 1. С. 130), но не оговорена в Псс (Т. XI. С. 247).

Авторская принадлежность многих воспроизводимых Белинским строк установлена в 9 томе собрания сочинений. Впервые раскрыт источник одной из любимых в кружке Станкевича фраз, означавшей конфуз в отвлеченных суждениях: «О философия! Ты срезала меня!» (строка Н.И.Хмельницкого из комедии А.А.Шаховского, А.С.Грибоедова и Хмельницкого «Своя семья или замужняя невеста» (С. 745). Выяснено, что в письме Боткину от 16-21 апреля 1840 г. Белинский привел отрывок из стихотворения В.И.Красова «Молитва» (С. 386, 766); что четверостишье в письме ему же от 30 декабря 1840 — 22 января 1841 гг. — из стихотворения И.П.Клюшникова «Разлука» (С. 436, 776). Оговорено часто встречающееся в письмах предостережение Поприщина «Молчание!» из «Записок сумасшедшего» — ироничный на-

мек на романтические чувства, о коих нельзя поведать вслух. О тщательности в обнаружении ссылок Белинского на литературные источники говорит факт установления в том же издании, что шутливое обращение к Герцену (в письме от 26 января 1845 г.): «Сударь ты мой» — повторение присловья почтмейстера в «Мертвых душах» (С. 573, 802). Наконец, лишь в данной публикации раскрывается цитирование Белинским библейских текстов.

В письме М.Бакунину от 12-24 октября 1838 г. Белинский, с юмором вспоминая их отъезд из Прямухино в ноябре 1836 г. и имея, вероятно, в виду недовольство хозяина усадьбы А.М.Бакунина его тогдашними суждениями и неприятности, ожидавшие его в Москве в связи с закрытием «Телескопа», писал: «Мы уехали торжественно; для нас был от сей стороны гром и от той стороны гром...» (Псс. Т. XI. С. 333). Публикуя письмо Боткина Бакунину от 21 сентября 1838 г., Б.Ф.Егоров отметил, что строки: «От сей страны гром, от той страны гром! Смутно в воздухе, ужасно в ухе» — принадлежат В.К.Тредиаковскому («Описание грозы, бывшая в Гаге». 1726 г.)²⁹.

Однако некоторые литературные заимствования остались непроясненными ни в одном издании. Так, М.Бакунина в бестактных намеках на безответное свое чувство к Александре Бакуниной, Белинский с горькой самоиронией признается: «Конечно, это правда, но зачем же было это говорить, зная мои отношения к этой особе, как будто бы оно и без того так не стояло?» (Псс. Т. XI. С. 337). Это парафраз протеста городничего («Ревизор», действие V, явление VIII) против неоднократного прочтения его характеристики («Городничий – глуп, как сивый мерин») из письма Хлестакова: «О черт возьми! нужно еще повторять! как будто оно там и без того не стоит». Тем же парафразом Белинский в письме Боткину подтверждал свое неосуществимое желание лично познакомиться с харьковской поклонницей его таланта С.И.Кронеберг (Псс. Т. XI. С. 450).

Обсуждая с Боткиным увлечение Каткова М.Л.Огаревой, Белинский несколько раз прибегает к словам Бобчинского о Хлестакове: «Престранно себя аттестует» (Псс. Т. XII. С. 424, 426, 441). Думается, отсылка к «Ревизору» требуется и здесь.

Поздравляя 28 ноября 1842 г. Николая Бакунина с помолькой, Белинский подшучивает над страхом мужчин перед брачными узами: «Я думаю, вы вынете карман из платка (вероятно, ошибочная перестановка слов. — E.T.) — и в кармане жена и в платке жена... Я бы на вашем месте умер с голоду — не стал бы ничего есть, боясь в каждом куске видеть жену» (Псс. Т. XII. С. 118-119). Это вольное изложение отрывка из неоконченной повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», где герою снится кошмарный сон: «Он снял шляпу, видит: и в шляпе сидит жена... Полез в карман за платком — и в кармане жена; вынул из уха хлопчатую бумагу — и там сидит жена...»

Хотелось бы также остановиться на сомнительных моментах в комментариях к письмам Белинского. Не повезло посланию к М.Бакунину от 16 августа 1837 г., где оправдывалась апатия, овладевшая Станкевичем после решения расторгнуть помолвку с Л.Бакуниной, о котором он не объявлял, однако, во всеуслышанье. Из солидарности Бакунин также скрывал правду от сестер и родителей. По этому поводу и имея в виду сестер Мишеля, как верно отмечено у Ляцкого (Т. 1. С. 398) и в «Избранных письмах» (Т. 1. С. 302), Белинский писал Бакунину: «Твое положение к известным лицам есть счастие, блаженство в сравнении с его (Станкевича. - E.T.) положением к ним, а твое положение всетаки ужасно...» (Псс. Т. XI. С.1 64). Раскрытие «известных лиц» как сестер Н. и А.Беер в Псс (Т. XI. С. 627) и в 9 томе собрания сочинений (С. 731) является неправомерным усложнением напрашивающегося вывода.

Затруднения вызвал у комментаторов и отрывок письма к М.Бакунину от 12-24 октября 1838 г. с высказанной Белинским догадкой, что идея всегда была для его корреспондента дороже человека. На эту мысль навело Белинского одно воспоминание: «Я вспомнил, что за разность убеждений ты очень легко разрывал и не такие (как между ними и Бакуниным. — E.T.) связи... (отточия Белинского. — E.T.) вспомнил одно письмо... обморок... удовольствие, с каким ты писал это письмо и читал его мне...» (Псс. Т. XI. С. 336). Итак, речь шла о некоем послании Бакунина, получив которое, адресатка лишилась чувств. Все комментаторы предположи-

ли, что объектом критики Бакунина была его близкая знакомая, питавшая к нему более чем дружескую симпатию, Н.А.Беер. С этим, однако, трудно согласиться. При романтическом культе женщины, царившем в кружках молодежи 1830-х гг., мужчина, столь бесцеремонно очернивший влюбленную в него девушку, был бы подвергнут остракизму, и Белинскому не пришлось бы долго размышлять (что явствует из письма) прежде, чем осудить его поступок. Сам Бакунин слишком дорожил отношениями с сестрами Беер, чтобы подвергнуть их опасности разрыва. Наконец, отождествление корреспондентки Бакунина с кем-либо из сестер Беер исключается словами Белинского: «и не такие связи», т.е. связи самые прочные, самые святые. Не слишком интересуясь сестрами Беер, Белинский преуменьшал значение дружбы с ними в жизни Бакунина (вряд ли он имел возможность, охоту и терпение читать чуть ли не каждодневную их переписку). Совсем иное место занимали в его душе сестры Бакунина, на которых и должно направить внимание комментатора, подчеркивание Белинским сокровенности связей, разрушаемых Мишелем. Заглянув в его переписку, можно предположить, что «распеканию» подверглась любимая сестра Бакунина Татьяна. В начале 1836 г., поссорившись с отцом из-за нежелания служить и посещать тверской «свет», Бакунин, как новый Карл Моор, убежал из родового имения в Москву. Сестры, стоявшие в то время на стороне родителей, с нежными упреками заклинали его покориться отцу³⁰. В досаде Мишель послал Т.Бакуниной раздраженный ответ³¹, вызвавший испуг и слезы: «разве я это заслужила? что я тебе сделала?»³² Сестры даже предупреждали Бакунина, что подобная переписка подорвет здоровье Татьяны. Возможно, что это послание и было показано им Белинскому, несмотря на кратковременность их тогдашнего знакомства; известно, что Бакунин легко вводил окружающих во внутрисемейные конфликты.

Грубая ошибка была допущена в Псс, а затем и в 9 томе собрания сочинений в примечаниях к письму Боткину от 14-15 марта 1840 г. Незадолго до этого Белинский попенял московским друзьям за непонимание литературно-коммерческих реалий, поводом к чему послужило нежелание А.И.Кро-

неберга печатать перевод шекспировского «Ричарда II» в журнале и согласие с ним Боткина. Белинский возражал, что публика не покупает отдельных изданий Шекспира, но, заплатив за журнал, прочтет его от корки до корки. «Вообще у тебя, Боткин, — продолжал он, — есть какая-то прекраснодушная враждебность и ни на чем не основанное презрение к литературе и журналу» (Псс. Т. XI .C. 452-453).

В несохранившемся ответе Боткин просил «отвязаться» от него с подобными разговорами, что глубоко задело Белинского: «Тяжело пали на мое сердце две твои строки по поводу "Ричарда II". Отвяжись! — пишешь ты... для тебя самое слово "литература" огажено и пошло... мой другой удел... Каково же, Боткин, сосредоточить всю жизнь свою, все свои страдания в двух-трех вопросах и услышать на них "отвяжись"?» (Псс. Т. XI. С. 493). Боткин, видимо, попросил прощения за неосмотрительные слова и в письме от 16-21 апреля Белинский закрыл эту тему: «Спасибо тебе за объяснение по случаю "отвяжись"... только теперь я знаю, что ты понимаешь меня» (Псс. Т. XI. С. 503). Так и откоментирована эта переписка в «Избранных письмах» (Т. 2. С. 400).

Составители двух последующих публикаций почему-то решили искать упоминание хроники Шекспира не в письмах, а в статьях Белинского и на свою беду нашли таковое в рецензии на сочинение Ф.Н.Глинки «Очерки Бородинского сражения». Приводя слова Ричарда II о божественном происхождении царской власти, Белинский выступает против утверждения французских «абстрактных голов» о ее социальной природе. Искусственность вывода комментаторов о том, что Боткин принял критику Белинским «абстрактных голов» на свой счет (хотя в статье прямо говорится о «французском говоруне», «либеральном аббатике-французе»), из чего и проистекла вся размолвка (Псс. Т. XI. С. 687; Собр. соч. Т. 9. С. 763-764), тем более очевидна, что взгляды Боткина в то время не расходились с настроениями Белинского.

В примечания к письмам 9 тома собрания сочинений был внесен (в сравнении с Псс) ряд дополнений. Следует согласиться с объяснением обещания Белинского (в письме Анненкову от 1/13 марта 1847 г.) при личной встрече осветить многие новости с иной точки зрения, чем Боткин: речь идет,

конечно, не о подготовке ликвидации крепостного права (как сказано в Псс. Т. XII. С. 554), а о прохладном отношении московских западников к «Современнику» (Собр. соч. Т. 9. С. 816). Но не все поправки последнего издания писем можно счесть удачными. Довольно курьезно звучит примечание к одной из строк письма М.Бакунину от 15-20 ноября 1837 г. Назвав однажды Бакунина Хлестаковым (как порой его дразнили в кружке), Белинский, оговорившись, произнес вместо Иван Александрович — Александр Иванович. В связи с этим комментаторы решили дополнить биографию гоголевского героя, поведав, что упомянутый Александр Иванович является сыном Хлестакова (С. 107, 736).

В письме М.Бакунину от 16 августа 1837 г. Белинский констатировал, что кружок их утратил очарование единства из-за «несчастной тайны, нам троим (Белинскому, Бакунину и Станкевичу. — E.T.) известной» (т.е. из-за решения Станкевича отказаться от брака с Л.Бакуниной), которая отдалила их от И.Клюшникова. Слова эти снабжены в собрании сочинений странным пояснением, что «несчастная тайна» — это «скрываемая» (кем и от кого?) болезнь Клюшникова (С. 67, 731).

14 января 1838 г. Белинский сообщал Бакунину о полученном им «письмеце» Станкевича «на мое, твое и Клюшникова имя. Оно написано очень забавно, да жаль, что преисполнено обидными личностями на мою особу». Комментаторы собрания сочинений утверждают (С. 124, 737), что речь идет о письме Станкевича Бакунину и Белинскому от 25 декабря 1837 г. Но это письмо Станкевича (как справедливо отмечено в Псс. Т. XI. С. 636) по содержанию не соответствует характеристике Белинского. Вероятно, «письмецо» Станкевича не сохранилось.

Страстное увлечение «прекрасной девушкой», о котором Белинский вспомнил в письме Боткину от 16 декабря 1839 г. — 10 февраля 1840 г., вопреки мнению составителей 9 тома собрания сочинений (С. 293, 756), не имеет связи с чисто платоническими его отношениями с А.М.Щепкиной; речь идет (как верно сказано в Псс. Т. XI. С. 756) о романе 1836 г. с «гризеткой».

В письме от 3-10 февраля 1840 г. Белинский делился с Боткиным восторгом, вызванным чтением лермонтовского «Терека»: «Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника». Собрание сочинений поясняет: «третий русский поэт — после Пушкина и Кольцова» (С. 305, 759). Но, как ни ценил Белинский творчество Кольцова, он не поставил бы его в один ряд с поэзией Пушкина. Вероятно, слово «поэт» употреблено здесь в значении «художник», и Лермонтов провозглашен третьим (по времени появления) литературным гением вслед за Пушкиным и Гоголем.

В письме от 16-[21] апреля 1840 г. Белинский просил Боткина: «... бога ради, чтобы в твоих письмах ни слова не было об Entsagung и о подобных вздорах» (Собр. соч. Т. 9. С. 368). Немецкое слово «Entsagung» («отречение») комментаторы раскрыли в узко-личном значении: как отказ Боткина от любви к А.А.Бакуниной (С. 766). Однако протест Белинского против отречения личности от своих прав во имя Общего не имеет касательства к неудавшемуся роману Боткина; речь идет о пересмотре общемировоззренческих позиций, о расставании с гегелевским Молохом Идеи, попирающим индивидуально-конкретное.

23 августа 1840 г., получив от Ефремова известие о смерти Станкевича, Белинский просил его перед лицом этой трагедии забыть о когда-то возникших между ними недоразумениях. Составители 9 тома собрания сочинений сочли, что расхождения Белинского с Ефремовым относились ко времени их совместной поездки на Кавказ летом 1837 г. (С. 395, 771). Но тогдашние отзывы о Ефремове и шутливый тон их пикировки говорят о доверии в отношениях. «Старые глупости», на которые досадовал Белинский в 1840 г., скорее всего имели место весной 1839 г., когда Ефремов оказался втянутым в конфликт Белинского с Боткиным.

Издания эпистолярного наследия Белинского внесли огромный вклад в изучение русской общественной мысли. Однако будущие публикации переписки потребуют как пересмотра идеологических оценок, так и ряда смысловых уточнений, необходимых для более адекватного восприятия заложенной в письмах информации, для проникновения в

подсознание автора, в интуитивное осмысление им реальности, в сам творческий строй его личности.

1 Санкт-Петербургские ведомости. 1869. 6 (18) августа. 214.

⁴ См.: *Горбушина Н.В.* П.И.Шукин и его документальная коллекция // Труды ГИМ. М., 1993. Вып. 84: Письменные источники в собрании ГИМ. Ч. 2. С. 119-120.

5 См.: Петров Ф.А., Афанасьев А.К., Сафронова Т.В. Музейная коллекция документов по истории отечественной культуры и науки // Там же. С. 27-28.

6 См.: Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. М., 1915. С. 233-234; Русская мысль. 1914. Кн. 6. Раздел: В России и за границей. С. 20 Рецензия Корнилова на «Письма» В.Г.Белинского под редакцией Е.А.Ляцкого.

7 См.: Розенблюм Н. Материалы о Белинском из архива «Русской

старины» // Литературное наследство. М., 1951. Т. 57.

8 См.: Григорьян К.Н. Рукописи В.Г.Белинского в Институте русской литературы (Пушкинском доме) Академии наук СССР // Институт русской литературы. Бюллетени рукописного отдела. М.; Л., 1950.

9 См.: Рукописи и переписка В.Г.Белинского. Каталог / Составила Р.П.Маторина; Под редакцией Н.Л.Бродского. М., 1948.

¹⁰ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1869. 187-188, 282.

11 В первом томе «Писем» В.Г.Белинского под редакцией Е.А.Ляцкого (СПб., 1914) указывается, от кого были получены Пыпиным письма к тем или иным корреспондентам.

12 См.: Сборник общества любителей российской словесности на 1891 год. М., 1891. С. 277-278.

- 13 См.: Помощь голодающим; Научно-литературный сборник. М., 1892. С. 420-439.
- 14 В сборнике «Почин» (М., 1896) предисловие к ним было написано П.Н.Милюковым.
- 15 См.: Отчет императорской Публичной библиотеки за 1889 год. СПб., 1893; Русская старина. 1904. 8.
- 16 См.: Памяти В.Г.Белинского. М., 1899. С. 113-118; Калантырская И. Фонды деятелей науки и культуры XVIII-XIX вв. // Письменные источники в собрании ГИМ. М., 1958. Ч. 1. С. 107.

¹⁷ Литературное наследство. М., 1950. Т. 56.

- 18 См.: Оксман Ю.Г. Из розысканий в области биографии Белинского // Учен. зап. / Саратовский ун-т. Саратов, 1948. Т. 20.
- 19 См.: Березина В.Г. Белинский и Бакунин в 1830-е годы // Учен. зап. / ЛГУ. Л., 1952. Т. 17. 158.

² *Милюков П.Н.* Из истории русской интеллигенции. Сборник статей и этюлов. СПб., 1902. С. 82.

³ См.: Корнилов А.А. Воспоминания // Вопросы истории. 1994. 7. С. 130-131; Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А.Корнилов. М., 1982. С. 127.

- ²⁰ См.: *Березина В.Г.* К переписке Белинского // Там же. Л., 1957. 229.
- ²¹ См.: Литературное наследство. Т. 57. С. 58-60.
- ²² См.: Там же. С. 154.
- ²³ См.: В.Г.Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 231.
- ²⁴ *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 2. С. 377.
- ²⁵ См.: *Егоров Б.Ф.* В.П.Боткин литератор и критик // Учен. зап. / Тартусский ун-т. Тарту, 1963. Вып. 139 (хронологическая таблица).
- ²⁶ См.: *Корнилов А.А.* Молодые годы Михаила Бакунина. С. 519.
- ²⁷ Там же. С. 522.
- ²⁸ Такой экземпляр хранится в библиотеке Российской Академии наук (см.: Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М., 1941. С. 497).
- ²⁹ См.: Éжегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1978 год. Л., 1980.
- ³⁰ См.: *Корнилов А.А.* Молодые годы Михаила Бакунина. С. 165-167.
- 31 См.: Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. 1828-1876. М., 1934. Т. 1. С. 193-194.
- 32 См.: Корнилов А.А. Молодые годы Михаила Бакунина. С. 169.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ В.А.АЛЕКСАНДРОВА

Вадим Александрович Александров (известный ученый историк) занял вилное место в советской науке своими трулами по истории России. Один из первых учеников М.Н.Тихомирова, его воспитанник по Истфаку МГУ, он начал свою научную леятельность вскоре после окончания Великой Отечественной войны. Первую работу (1947 г.) посвятил знаменитой гвардии Петра I¹. За ней последовали историографические обзоры², работа по истории физической культуры в нашей стране³, рецензии, публикации исторических источников; исследования и научно-популярные работы по общероссийской проблематике охватили время от эпохи восточного славянства до российской истории XVII столетия. Спустя десятилетие после появления первого труда Вадим Александрович заявляет о себе, как сибиривед – вслед за многочисленными статьями по разным проблемам истории Сибири XVII в. публикуются его фундаментальные монографии по этой тематике. Прошло еще одно десятилетие, и в сферу научных интересов Александрова включаются новые важные проблемы – сельская община, обычное право в России; им он посвящает новые монографии и статьи. Одновременно, и в указанные годы, и позднее, В.А. разрабатывал также вопросы этнографии, источниковедения, историографии, много писал для обобщающих трудов по русской истории, справочных изданий (БСЭ и др.); столь же активно и творчески рецензировал и редактировал труды коллег по начке. Список его научных трудов превышает 200 названий.

В.А.Александров участвовал в подборе новых источников для хрестоматии по отечественной истории, опубликованной в конце 1940-х гг.⁴; подготовил к печати для двух других хрестоматий источники по истории России и ее связях со странами Западной и Центральной Европы в XVI-XVII вв.; источники о социально-экономическом развитии, классовой борьбе, культуре России XVII в., присоединении Сибири. Особо нужно отметить публикацию памфлета XVII в. на род Сухотиных — навет (донос) на представителей этой фами-

лии, описывающий события с начала этого столетия («Смута») до 1660-х гг. Наиболее интересна, по заключению В.А.Александрова, и с ним нельзя не согласиться, первая «воровства», часть извета – описание т.e. измены. Ф.В.Сухотина, оказавшегося в числе других дворян юга России в лагере «царевича Петра», т.е. принявшего участие в восстании И.И.Болотникова, затем в рядах сторонников «тушинского вора» - Лжедмитрия II. После «Смуты» Сухотины служили новой династии. По наблюдениям автора, памфлет составлен в 1668-1669 гг. представителем фамилии Хрущевых, враждовавших с Сухотиными со времен «Смуты» (гибель в Путивле в 1605 г. П.Л.Хрущева, соперничество в Тульском уезде, где располагались поместья тех и других)5.

В ряде исследований В.А. освещает проблемы восточного славянства и древнерусской народности⁶; в соавторстве о А.И.Осиповым и Н.И.Гольдбергом написана книга об Афанасии Никитине и его «Хождении за три моря», где авторы пишут о состоянии Руси и Индии в XV в., показывают уровень географических знаний русских людей того времени⁷.

Очень важны и интересны две статьи В.А.Александрова о социальной истории, сословном строе России XVII в. В одной из них автор показал на примере стрелецкого населения южных городов страны (Новый и Старый Оскол, Ливны, Лебедянь, Хотмыжск, Шацк, Верхососенск, Усерд и др.) — как оно рекрутировалось из представителей тяглых сословий (беглые крестьяне, посадские люди по прибору, городовые казаки и др.), а впоследствии влилось в сословие государственных крестьян. Автор пишет об их обеспечении землей, денежным и хлебным жалованьем, их эксплуатации феодальным государством (десятинная пашня, «струговое дело», другие «поделки», сбор хлеба и др.). Их положение, как показано в работе, было близко к положению крестьян. В статье использованы, что важно отметить, новые архивные источники⁸.

В другой статье подробно проанализированы данные источников и специальной литературы о составе, численности, хозяйственных занятиях стрелецкого населения тех же южно-русских городов. Автор отметил, что приборные люди играли немаловажную роль в экономике края (например, в городской и внегородской торговле), и южно-русские города

отнюдь нельзя рассматривать, как это делали многие дореволюционные исследователи, только как пограничные крепости, военные поселения. Для них было характерно развитие экономики, хозяйственных связей, хотя, конечно, и менее заметное, чем в центре Европейской России⁹.

В особой работе В.А. характеризует организацию обороны указанного региона от крымских и турецких нападений (возведение засечных черт — оборонительных линий, выдвижение войск по южным рубежам, ремонтные работы на засеках) 10 .

Перу В.А. принадлежат очерк о культуре России XVII столетия (научные знания и навыки, духовная жизнь), статья о докладе известного художника А.М.Васнецова о московском Кремле времени Ивана Калиты¹¹.

Преобладающее место в научном творчестве В.А. заняла, уже в конце 50-х годов, сибирская тематика. В течение более трех десятилетий он углубленно, с привлечением огромного материала из архивов изучает проблемы хозяйственного освоения русскими необъятных сибирских пространств, состава и занятий русского населения, социально-экономической жизни Сибири, классовой борьбы ее жителей. Цикл его исследований посвящен присоединению к России Енисейского края, его русскому населению, хозяйственным занятиям, семейному строю последнего и др. 12

Эти исследования обобщены в фундаментальной монографии¹³. Прежде всего следует отметить, что книга основана на комплексном изучении огромного массива источников, прежде всего архивных. Автор убедительно показывает, что русское население, пришедшее, главным образом, из Приморья, сыграло большую роль в колонизации Сибири, ее хозяйственном освоении. Оно оседало в северных и южных районах, вводило в хозяйственный оборот местные земли. Крестьяне-переселенцы попадали в кабалу к государству и монастырям. Крестьянское землевладение, как пишет автор, носило индивидуальный и коллективный характер. Но крестьяне, несмотря на усиление нажима на них, имевшего по существу крепостнический характер (десятинная пашня на казну, работа на монастыри, оброки в пользу той и других), сохранили за собой право распоряжения своими участками земли. Важны его наблюдения о побегах си-

бирских крестьян — так они стремились избавиться от усиления крепостнических порядков.

Развитие Енисейского края, по заключению В.А., шло теми же путями, что и в европейской части страны. Это относится к развитию и сельского хозяйства, и торговли — в Сибири начинается формирование областного рынка, связанного о общероссийским рынком; происходит накопление капитала у местных промышленников, торговцев (пушные, рыбные промыслы, ремесло, торгово-промышленное предпринимательство); появляется имущественная и социальная дифференциация; формируется сельская буржуазия. Для Сибири XVII в. Александров фиксирует появление «крупных предпринимателей, соперничавших по экономическим оборотам с именитым купечеством Москвы и других крупнейших торгово-ремесленных центров» 14. Таковы, например, торговцы и промышленники Ушаковы, Жилины (солеварение, торговля хлебом, рыбой, солью и др.)

Поразительны результаты русской колонизации Енисейского края. За какое-нибудь столетие с лишним в Мангазейском, Енисейском и Красноярском уездах русские стали преобладающей частью населения (около 30 тыс. чел.; коренных жителей — около 24,5 тыс. чел.). Они оседали по северному и среднему течению Енисея; нижнее его течение привлекало их меньше, так как те места были бедны в промысловом отношении (пушнина), к тому же здесь им оказали противодействие енисейские киргизы и джунгары.

Колонизация носила характер массового народного движения. Русские промысловые люди, помимо ознакомления с природными богатствами края, их освоения и использования, сыграли неоценимую роль в сделанных в Сибири географических открытиях, которые «составили славную страницу в истории русской культуры XVII в.».

Приводимый в книге из источников материал убедительно доказывает, что «десятинная пашня» не могла удовлетворить даже потребности одной казны в хлебе; только личные хозяйства земледельцев сделали Енисейский уезд хлебопроизводящей базой, второй после тобольско-верхотурской.

Ремесленные товары, как доказывается в книге, привозили из Европейской России и изготовляли в самом Енисейском крае — в нем сложились такие отрасли ремесленного

производства, как железоделательное, кожевенное, мукомольное, судостроительное, соляное.

К этому циклу трудов Александрова примыкает ряд статей. Одни из них посвящены Ирбитской слободе и Ирбитской ярмарке. Слободу В.А. характеризовал как крестьянское поселение, которое сыграло немалую роль в земледельческом освоении Сибири, начиная с XVII в. Ирбитская слобода, основанная в 1632 г. при слиянии р. Ирбита с р. Ницей, в 160 верстах к юго-востоку от гор. Верхотурья, стала центром поселений, появлявшихся вокруг нее. Ее жители занимались земледелием и животноводством, промыслами и торговлей. Широкую известность приобрела Ирбитская ярмарка, деятельность которой отражена в сохранившихся таможенных книгах. С их помощью автор выявил предметы торговли на ярмарке (хлеб, скот, рыба и др.), изучил материальную культуру местных жителей (производство тканей разных видов, металлоизделий, обуви и иных кожаных изделий, галантереи, съестного), потребителей этих товаров, цены на них¹⁵.

В некоторых трудах Александрова сибирская история рассматривается на восточно- или общесибирском материале. Так, промысловой деятельности русских людей в Якутии В.А. посвятил особую работу¹⁶.

В соавторстве с Е.В.Чистяковой им была опубликована статья о таможенной политике в Сибири второй половины XVII в. На примере местных торгов (Тобольск, Верхотурье, Ирбит, Енисейск, Иркутск, Нерчинск, Илимск) с их оживленной торговлей (хлеб, пушнина, русские ремесленные изделия, восточные ткани) авторы выявили торгово-экономические связи Сибири с центральной частью России. Русские купцы получали огромные барыши от торговли мехами, поступавшими из «златокипящего царства». Столь же большие выгоды давала торговля с соседними странами — Китаем, Джунгарией, Монголией.

Торговые операции обогащали таких воротил, как Филатьевы, Ушаковы, И.Микляев и др. Русское правительство, заинтересованное в развитии сибирской торговли, которая давала немалую прибыль казне (10%-ная пошлина), внимательно следило за ее развитием, регулировало с помощью указов систему таможенных сборов в Сибири. Явления, связанные с созданием сибирского областного рынка, первоначальным накоплением капиталов, политикой меркантилизма, способствовали включению обширного региона в систему формировавшегося общероссийского рынка¹⁷.

В особой статье В.А. анализировал состав служилого «войска» в Сибири XVII в. (стрельцы, казаки, дети боярские, «черкасы» — украинцы, прочие «выходцы», «перелеты», ссыльные и прочие люди), его службу, положение. Оно составляло особую корпорацию с определенными правами, привилегиями (винокурение, продажа вина, пушной промысел, торговля, отвоз «мягкой рухляди» в Москву и др.); их нарушения, ликвидация имели следствием столкновения с местной властью. «Войско» боролось за сохранение своего сословного статуса, что приводило к участию его представителей в народных восстаниях¹⁸.

С изучением классовой борьбы в Сибири связано несколько исследований Александрова. В большой статье он рассматривал отдельные восстания, «вспышки», по его определению, второй половины XVII столетия, особо подробно останавливался на широком народном движении 1695-1698 гг. Автор характеризовал занятия местных жителей, их положение, притеснения администрации и служилой верхушки (недоплата жалованья, наказания, принуждение к работам на себя), гнет государства. Далее описывались восстания и волнения в Мангазее 1631 г., Якутске – 1647 г., 1650 г., Томске – 1637-1638 гг., 1648 г., Нарыме – 1648 г., в острогах по р. Лене – в 1650-е, 1660-е гг. Постоянно «волновались» во второй половине века служилые люди Нерчинска, Якутска и Албазина. А в 1690-е гг. восстания прокатились по многим сибирским городам, от Красноярска до Нерчинска. Все эти народные движения В.А. подробно анализировал по данным архивных источников (фонды Сибирского приказа, Иркутской приказной избы и др.).

Особенности народных выступлений в Сибири, по Александрову, — в том, что их участники поначалу, вступая в конфликт с местной администрацией, уходили в новые, необжитые еще русскими места. К концу же столетия, когда они дошли до восточных пределов Сибири, а феодальный гнет абсолютистского государства заметно усилился, повстанцы вместо бегства от насилий воевод переходят к борьбе со своими притеснителями, их изгнанию, расправе с ними.

В «едином антифеодальном движении» конца столетия объединились все слои русского населения Сибири. Вместе с русскими против властей, ясачного режима выступают буряты и татары, тунгусы и якуты. Важен вывод автора о роли местных служилых людей, наиболее активной части восставших: если до 1690-х гг. их выступления против воевод и их окружения, помимо социального протеста, содержали элементы борьбы за участие в грабеже коренного (нерусского) населения, то с этого времени они, стоя на позициях социального протеста, отражали в своей программе, помимо собственных, и чаяния местных жителей.

Интересно также, что в ходе движения его умеренно настроенные участники стремились к смене «лихих» воевод; «радикалы» же — к ограничению или даже уничтожению их власти, к местному самоуправлению, но без отделения от России (в духе борьбы казацких «войск» или посадов Европейской России за самоуправление). В ходе восстаний вводились элементы казачьего самоуправления (круги, «советы»), сторонниками которых показали себя плебейские элементы из числа тех же служилых людей, их союзников — гулящих людей, крестьян, посадских людей. Богатые служилые и посадские люди выступали с соглашательских позиций.

Восставшие в отдельных районах, зачастую удаленных друг от друга на большие расстояния, поддерживали связь между собой посредством «грамоток», гонцов. Составляли «договоры» о взаимной помощи, «выборы» — документы об избрании представителей самоуправления. Свое управление, после смещения «лихих» воевод, они вводили и в городах, и в уездах. Несмотря на стихийность и локальность, сибирские восстания показали довольно высокий для того времени уровень сознания народных низов¹⁹. Об этом рассказывает подготовленная В.А. большая подборка документов о восстаниях конца столетия в Сибири. Они, по словам автора, дают отчетливое представление «об идеологии восставших, их целях и задачах, о движущих силах и организации движения»; причем, что очень существенно, документы вышли в значительной части из самой повстанческой среды (письма, «грамотки», «договоры», «выборы»)²⁰.

В.А. написал особую работу о народном движении в одном из 21 поморских городов²¹.

Несколько трудов имеют предметом изучения материальную культуру русского населения Сибири XVII — начала XX в.: русское жилище в восточной части региона (тип северорусского жилища — «хоромного строения», принесенный переселенцами из Поморья), сравнительное изучение материальной культуры (доказательство необходимости повсеместного исследования Сибири, выявления архивных источников для изучения традиционной культуры русских — их жилищ, одежды, бытовых предметов и др., ее взаимодействия с культурой коренного населения), итогов и перспектив ее изучения (в дооктябрьской и советской историографии, издании источников, подготовки историко-этнографических атласов по регионам, картографировании)²².

В нескольких работах В.А. ставил и решал общие вопросы — освоение и заселение Сибири, особенности государственного феодализма в сибирском регионе. В них подчеркивался переломный характер русского заселения Сибири в ее истории, судьбах местных народов. Были прослежены этапы освоения Сибири (промысловое предпринимательство; сельскохозяйственное освоение; появление промышленности — в Нерчинске, на Алтае; начало формирования рабочего класса), колонизационные и миграционные движения; хозяйственно-культурные взаимоотношения между народами; функционирование системы государственного феодализма; внешнеполитические аспекты присоединения Сибири к России²³.

Характеризуя систему общественных отношений в Сибири в эпоху ее заселения и освоения русскими, Александров отмечал, что коренное население, кочевое или полукочевое, находилось на разных стадиях родового и племенного строя, вовлекалось ускоренно в феодальные отношения; в среде русских переселенцев устанавливались отношения, характерные для системы государственного феодализма. Отсутствовали личное прикрепление крестьян, барщинно-крепостнические порядки. Местные земледельцы пользовались правом сдачи тягла, перемещения с места на место, освоения новых земель. Это были порядки, напоминавшие те, которые имелись у черносошных крестьян в европейском Поморье. Существовала (до отмены в 1760-х гг.) государства десятинная пашня; крестьян заставляли работать на казенных заводах (приписки, посессии); подвергались они и нажиму

со стороны местной администрации, - все это включало их, нередко в грубой и жестокой форме, в систему «феодальных обязательств». Но все же их положение отличалось в лучшую сторону от положения крестьянства Европейской России; «своеобразие системы "государственного феодализма" в Сибири заключалось в бытовании, наряду с государственными, обычноправовых земельных норм, в сочетании барщины с правом сдачи тягол и перемещения». Автор указывал причины того, что в Сибири не прижилась отработочная рента, прикрепление крестьянина к земельному участку – обилие земли, переложная заимочно-захватная система землепользования, слабость аппарата управления на местах, сильная миграция, борьба переселенцев-поморов за привычные им условия жизни, хозяйствования. Но при всем том феодальная собственность на землю находилась в руках государства; отсюда разные формы проявления «несвободы», навязываемые сибирскому крестьянству²⁴.

Ту же обширную сибирскую тему В.А.Александров разрабатывал по материалам, касающимся восточной части региона, точнее – Забайкалья и Приамурья. Проблеме заселения русскими этого края после его присоединения в середине XVII в., хозяйственного освоения, взаимоотношений с соседними странами посвящены два издания известной книги Александрова, получившей положительное отклики в нашей стране и за рубежом. Монография основана на тщательном изучении документов Сибирского приказа, Иркутской и Нерчинской приказных изб, хранящихся в ЦГАДА. Автор детально проследил развитие земледелия, промыслов в этом регионе, торговых связей с Европейской Россией, другими районами Сибири, внешними контрагентами, начало горных разработок, появление городов. Все это способствовало развитию производительных сил Сибири, ее втягиванию в общероссийский рынок. Особо нужно отметить вывод автора, что, несмотря на «ясашный» режим, насилия местных властей, «присоединение к России (несмотря на все тяготы феодального гнета), не нарушило их (коренных народов. -B.Б.) этнического развития».

Особое внимание отводится в книге дипломатическим отношенииям России с Цинским Китаем, Северной Монголией, Джунгарией, пограничному размежеванию с Китаем на

Дальнем Востоке. С большим интересом читаются разделы о манчжурских нападениях на Приамурье и Забайкалье, их обороне русскими поселенцами, стремлении местных коренных жителей сохранить русское подданство. Провал совместного наступления манчжурских и части монгольских феодалов на русские остроги создал необходимые благоприятные условия для переговоров и заключения мирного договора в Нерчинске (1689 г.). По его условиям, носившим, правда, временный характер, произошло «насильственное ограничение дальневосточных границ России», а по экономическому и административно-политическому развитию региона был нанесен ощутимый удар. Но все же России удалось отстоять свои забайкальские рубежи. В конце книги освещается вопрос о русско-китайской торговле через Нерчинск после заключения договора²⁵.

Рецензенты справедливо отмечали комплексный подход автора к освещению проблемы — рассмотрение во взаимосвязи ее внутриполитических и внешнеполитических аспектов, широкое привлечение источников, прежде всего новых, неопубликованных 26 .

С начала 70-х годов появляются первые специальные исследования Александрова о русской сельской общине — об историографии проблемы²⁷; общине и вотчине, рекрутчине; общинном самоуправлении²⁸, земельно-передельном типе общины²⁹. В 1976 г. появилась в свет фундаментальная монография, в которой были обобщены предыдущие исследования автора 30 . В ее основе — детальная проработка большого архивного материала из ЦГАДА, опубликованных источников и литературы; среди них – до 50 помещичьих инструк-(П.А.Румянцева. управлению имениями пий ПО П.Б.Шереметева, И.И.Шувалова и др.), около 500 мирских приговоров разных общин, рапорты и донесения сельских старост, прошения крестьян, учетные и отчетные ведомости и др. Анализ этих источников, в частности хронологическая и типологическая типизация помещичьих инструкций, позволил В.А. осветить проблему складывания и функционирования частнофеодального права.

Автор исследовал структуру общинных органов управления, их взаимоотношения с вотчинной администрацией; особое внимание уделял, и это понятно, мирскому сходу, его

составу, полномочиям, комиссиям, его деятельности в целом. Рассматривая проблему компетенции мирских сходов, Александров показывал в форме таблицы, что они рассматривали такие вопросы, как: выбор общинной администрации и комиссий, их деятельность; частнофеодальные повинности и тяглое обложение; поставка рекрут и другие натуральные повинности в пользу государства (дорожная, постойная и др.); разбор жалоб, исков, просьб крестьян (имущественных, семейных, судебных); церковные дела и др.³¹

Несмотря на то, что помещики мелочно и дотошно регламентировали жизнь своих крестьян, общинная организация, по наблюдениям В.А., давала последним возможность защищать свои интересы, противостоять феодалам, даже игнорировать их распоряжения. Но та же община подавляла «индивидуальные протесты общинников, выполняя функцию, предусмотренную частнофеодальным кодексом»; и в этом, как подчеркивал автор, — дуализм сельской общины³².

В одной из глав подробно исследуется земельное хозяйство в общине — распределение угодий между крестьянскими дворами, тяглое обложение последних; выясняется, что представление об «общественной» земле уживалось у крестьян с мнением о возможности внутри общины частной земельной собственности.

Тяжелое впечатление оставляют разделы монографии, рисующие подневольное положение крестьян, самоуправство, самодурство помещиков (торговля, спекуляция рекрутами, расправа с «провинившимися» крестьянами), неправедные действия мирских органов (стремление избавиться от «нежелательных», «беспокойных» крестьян, брать рекрутов с мало-имущих, малосемейных дворов).

То же можно сказать и о вмешательстве помещиков и общины в семейные дела крестьян — о них в книге собран и проанализирован богатый и интересный материал.

В контексте общего социально-экономического развития страны сельская община, с одной стороны, консервировала феодальные отношения (обязательное наделение крестьян землей, создание препятствий их пауперизации или превращения в предпринимателей); с другой, — способствовала втягиванию крестьян в товарно-денежные отношения (отход, рекрутский денежный налог и др.).

К темам, связанным с сельской общиной, В.А. обращался и впоследствии. Ему принадлежат обобщающие работы о типологии общины 33 ; проникновении сельской черносошной общины в Сибирь 34 ; роли общины в сохранении и изменении традиций (ведения хозяйства, поведения в быту, общественном и семейном) 35 ; ему же принадлежит очерк о сельской общине в коллективном труде о традиционной культуре восточных славян 36 .

С проблемой общины тесно связана проблема обычного права, столь же плодотворно разрабатываемая В.А. Ей посвящены его статьи — по историографии³⁷, о земельном обычном праве³⁸, типологии крестьянской семьи и семейномущественных отношениях³⁹; наконец, монография, содержащая разработку всех этих проблем⁴⁰. В ней рассмотрены вопросы, мало или недостаточно исследованные в научночисторической литературе. Основываясь прежде всего на архивных данных, охватывающих крестьянские общины Европейской России, автор прослеживает по ним повседневную практику общинной, семейной жизни крестьян. Именно таким путем можно изучить нормы обычного права, так как их письменная фиксация в XVIII — начале XIX в. не произволилась.

Рассматривая типологию крестьянской семьи, В.А. основными показателями для ее отнесения к тому или иному типу считал поколенный, поло-возрастной и семейный состав и учитывал при этом климатические особенности каждого региона, характерные черты ведения хозяйства, социальноисторические факторы. Статистически обобщая полученные данные, Александров приходил к выводу, что численный состав крестьянской семьи не претерпел особых изменений с конца XV в. до середины XIX в. (в начале XVIII в.: в Поволжье -6.6 душ; в Западном районе -10.8 душ). Столь же убедителен вывод о преобладании малой семьи в сравнении с неразделенной (отцовской, братской и др.); причем на основе малой семьи обычно создавалась неразделенная семья, которая впоследствии делилась на малые. Как правило, малые семьи, отчасти и средние, существовали у бедных крестьян, неразделенные семьи – у средних и зажиточных.

Малая семья, по мысли автора, лежит в основе подворнонаследственной, или подворно-потомственной, сельской

общины, единственной для времени до конца XVI столетия. На смену последней приходит существование двух общин: подворно-наследственной и уравнительно-передельной, или земельно-передельной. Оба этих типа отнюдь не подвергались «вековому разложению». Обычно-правовое регулирование земельных, тягловых и семейно-имущественных отношений в общине, приводившее к относительному выравниванию хозяйственных возможностей ее членов, имело следствием важное явление: буржуазное расслоение проникало в крестьянскую среду очень медленно. В ходе борьбы индивидуального и мирского начала внутри общины верх брало второе из них.

Весьма интересны наблюдения по поводу земельнотяглового регулирования. В оброчных имениях обеспечение крестьян землей соответствовало их тяглоспособности; достигалось это путем условно-временных «сдач-передач»; в барщинных имениях господствовало жестко уравнительное перераспределение земли (на каждое тягло в любой деревне данной вотчины выделялось равное количество тяглой и нетяглой земли). Механизм условно-временных внутриобщинных земельных поравнений («сдачи-передачи» части угодий от одного двора к другому), его зависимость от совместной тягловой ответственности перед помещиком, социальная замкнутость общины вели к тому, что личное право на тяглую землю носило характер скорее престижный, чем фактический; права отдельных крестьянских дворов тем самым сильно сужались⁴¹. Разделы земли вносили в жизнь крестьянского двора немалые трудности, сопровождались тяжелыми переживаниями и потерями для его членов (резкое понижение статуса деда, отца, и др. в связи с переходом в разряд нетяглоспособных - выделение им минимальной доли двора, огорода и др.).

При разделе имущества опять торжествовал принцип тягло-способности — свои равные доли получали лишь тягло-способные мужчины (сыновья, племянники, братья, примаки и др.); другие члены семьи этого права не имели. Лишь имущество, приобретенное «на стороне» (напр., в результате промыслового отхода), рассматривалось как личное, а не общесемейное и могло быть произвольно передано в наследство по завещанию; впрочем, доля личного имущества в

сравнении с общесемейным была незначительной, да и принадлежало оно, как правило, зажиточным крестьянам.

Нетяглоспособный крестьянин передавал свою тяглую пашню в общину; двор же, постройки и усадебную землю мог продать лишь члену своей общины.

В барщинных имениях рассматриваемого времени получает развитие практика общих переделов земли. То же происходило и в черносошной деревне.

Все эти особенности, стеснения в области обычноправового регулирования земельных, имущественных отношений делают понятными, по мысли автора, замедленность процессов разложения сельской общины, социального расслоения русского крестьянства.

В.А.Александров – автор глав и разделов ряда коллективных трудов по отечественной истории. Так, в двух томах «Очерков истории СССР» им написаны разделы по историографии «Смуты» начала XVII вв., о восстаниях в Сибири конца XVII в., «борьбе с реакционной оппозицией», Персидском походе Петра I, отношениях России с Китаем⁴²; во втором томе «Истории Сибири» – введение (совместно с В.Г.Мирзоевым, В.И.Шунковым) и разделы о присоединении и заселении Восточной Сибири, классовой борьбе⁴³; в труде о сибирском крестьянстве – о колонизации Сибири, материальной культуре русского крестьянства⁴⁴; в «Истории крестьянства Европы» - глава о российском крестьянстве середины XVII – середины XIX в. 45 В.А. принял участие в написании обобщающей статьи о крестьянстве СССР дооктябрьского периода⁴⁶. В одной из работ он формулирует проблемы и задачи этнографии славян⁴⁷. Ему принадлежит около полутора сотен статей во втором издании «Большой Советской энциклопедии».

В статьях историографического профиля В.А. освещал работу научных конференций, Института этнографии АН СССР; некоторые работы были посвящены научному творчеству В.О.Ключевского⁴⁸, М.О.Косвена⁴⁹, М.Н.Тихомирова⁵⁰, В.И.Шункова⁵¹. Напомним также об аналитических обзорах по историографии русской общины, обычного права, «Смуты» и др. Ему же принадлежат два десятка рецензий на коллективные труды, монографии по истории, этнографии, на публикации источников. Александров был ответст-

венным редактором, членом редколлегий более четырех десятков монографий, коллективных трудов, сборников статей.

Краткий обзор обширного научного творчества В.А.Александрова убеждает в том, что им созданы выдающиеся научные исследования по отечественной истории с древнейших времен до XX столетия. Его четыре монографии, многочисленные статьи и главы в коллективных трудах, сборниках, публикации источников – весомый вклад ученого в изучение прошлого России; особо следует отметить значительный цикл трудов по истории Сибири, ее западного и восточного регионов. Для В.А. характерно стремление к скрупулезному, фундаментальному изучению таких «трудоемких» научных проблем, как народонаселение (на примере южных регионов Европейской России, Западной Сибири), хозяйственное освоение сибирских пространств, сословный строй, государственное управление, народные движения: наконец. - сельская община и обычное право в феодальной России. Обширность документальной базы, комплексный подход к изучению всей суммы источников, фундаментальность научного исследования, обоснованность и осмотрительность в выводах – характерные черты научного стиля, своеобразного и глубокого таланта Александрова, и в этом залог долговечности его трудов.

⁴ Хрестоматия по истории СССР. 3-е изд. М.: Учпедгиз. 1949. — То же. 4-е изд. М., 1951. Т. 1 / Составители В.И.Лебедев, М.Н. Тихомиров. В.Е.Сыроечковский; Хрестоматия по истории средних веков. М., 1950. Т. III. С. 305-340; Хрестоматия по ис-

¹ *Александров В.А.* Гвардейцы — доверенные люди Петра І. М., 1947.

² Александров В.А., Попов Б.С., Шмидт С.О. Работа секции истории конференции Московского ордена Ленина Гос. Ун-та им. М.В.Ломоносова, посвященной современным проблемам науки // Доклады и сообщения Исторического фак-та МГУ. М., 1945. Вып. 3. С. 53-59.

 ³ Александров В.А. М.В.Фрунзе о физической подготовке воина // Теория и практика физической культуры. 1950. № 2. С. 98-104; Александров В.А., Жукова Н.Х. О совещании по истории физической культуры // Там же. 1953. № 7. С. 477-480; Александров В.А., Крадман Д.А. Физическая культура в России в период разложения феодализма и начала развития капиталистических отношений (с начала XVIII в. до середины XIX в.) // История физической культуры: Учебное пособие. М., 1956. С. 27-43.
 ⁴ Хрестоматия по истории СССР. 3-е изд. М.: Учпедгиз. 1949. —

тории СССР XVI-XVII вв. М., 1962. Гл. 10-15. (Глава 9 – совместно с В.И.Корецким). С. 355-587.

Александров В.А. Памфлет на род Сухотиных (XVII в.) // Исто-

рия СССР. 1971. № 5. С. 114-122.

⁶ Александров В.А. Восточные славяне // Книга для чтения по истории средних веков. М., 1951. Ч. 1. С. 36-50; Он же. Древнерусская народность // Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968. С. 56-60.

Осипов А.М., Александров В.А., Гольдберг Н.М. Афанасий Никитин

и его время. М., 1951.

- 8 Александров В.А. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян // ВИ. 1950. № 10. С. 86-95.
- ⁹ *Александров В.А.* Стрелецкое население южных городов России в XVII в. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 235-250.

⁰ Александров В.А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI-XVII вв. // Россия, Польша

и Причерноморье в XV-XVIII вв. М., 1979. С. 159-173.

- 11 Александров В.А. Культура Русского государства в XVII в. // Преподавание истории в школе. 1952. № 2. С. 18-39; Он же. О докладе А.М.Васнецова «Кремль при Иване Калите» // Аполлинарий Васнецов. К столетию со дня рождения. М., 1957. С. 167-168. (Труды / Музей истории и реконструкции Москвы; Вып. VII).
- Александров В.А. Начало хозяйственного освоения и присоединения к России северной части Енисейского края. // Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Сибирь XVII-XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 7-29; Он же. Русское население Мангазейско-Туруханского края в XVII первой четверти XVIII в. // Краткие сообщения / Ин-т этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая, М., 1960. Вып. XXXV. С. 14-24; Его же. Происхождение русского населения Енисейского края в XVII в. // Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Вып. IV. С. 9-29; Он же. Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII начала XVIII в. // Там же. М.;Л., 1960. Вып. III. С. 3-26.
- 13 Александров В.А. Русское население Сибири XVII начала XVIII вв. (Енисейский край). М., 1963.

¹⁴ Там же. С. 298-299.

- Александров В.А. Ирбитская слобода в XVII в. // Вопросы истории Сибири. Томск, 1982. Вып. 11: Из истории крестьянства Сибири. С. 5-10; Он же. Таможенные книги Ирбитской ярмарки как этнографический источник (конец XVII начало XVIII вв.). // Советская этнография (СЭ). 1978. № 3. С. 131-138. Его же. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР. 1974. № 6. С. 36-57; Он же. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 131-150; Он же. Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. М., 1962. Т. 71. С. 158-195.
- 16 Александров В.А. Русские промышленники в Якутии до образования Якутского воеводства (1641 г.) // Проблемы общественно-

- политической истории России и славянских стран. М, 1963. С. 236-241.
- ¹⁷ Александров В.А., Чистякова Е.В. К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // ВИ. 1959. № 2. С. 132-143.
- 18 *Александров В.А.* «Войско» организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94-113.
- ¹⁹ Александров В.А. Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в. // ИЗ. 1957. Т. 59. С. 255-309.
- 20 Александров В.А. Материалы о народных движения в Сибири в конце XVII в. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 345-386.
- ²¹ Александров В.А. Народное движение в Кайгородке в середине 30-х годов XVII в. // Русское население Поморья в Сибири. (Период феодализма). М., 1973. С. 60-71.
- ²² Александров В.А. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII начале XVIII в. // СЭ. 1960. № 2. С. 44-56; Он же. Проблемы сравнительного изучения материальной культуры русского населения Сибири (XVII начало XX в.) // Проблемы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 7-21; Он же. Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири. М., 1974. С. 21; Он же. Итоги и перспективы изучения материальной культуры русского населения Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 57-75.
- ²³ Александров В.А. Российское государство и освоение Сибири (конец XVI начало XIX в.) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции, 13-15 октября 1981 г. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 3-5; Он же. Заселение Сибири русскими в конце XVI-XVIII в. // Русские старожилы Сибири: Историко-антропологический очерк. М., 1973. С. 7-49.
- ²⁴ Александров В.А. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) // ВИ. 1973. № 8. С. 39-58; Он же. Проблематика системы государственного феодализма в Сибири XVII в. // ИС СССР. 1977. № 1. С. 97-108.
- 25 Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. То же. 2-е изд. Хабаровск, 1984. См. также: Он же. Из истории русско-китайских экономических связей перед Нерчинским миром 1689 г. // ИС СССР. 1957. № 5. С. 203-208; Он же. Русско-китайская торговля и Нерчинский торг в конце XVII в. К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII-XVIII вв.): Сб. статей. М., 1958. С. 422-464.
- ²⁶ См. напр.: Народы Азии и Африки. 1974. № 2. С. 207-209 (Н.Ф.Демидова); ИС СССР. 1985. № 6. С. 175-178 (В.С.Мясников) и др.
- 27 Александров В.А. В.И.Ленин о сельской общине в крепостной России // СЭ. 1970. № 1. С. 59-71; Он же. В.И.Ленин о сельской общине в позднефеодальной и капиталистической России

- (XVII начало XX вв.) // Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987. С. 82-96; *Он же.* Общинное землевладение в феодальной России (Основные историографические аспекты вопроса) // ИС СССР. 1983. № 6. С. 89-106.
- ²⁸ Александров В.А. Сельская община и вотчина в России (XVII начало XIX в.) // ИЗ. М., 1972. Т. 89. С. 231-294; Он же. Рекрутская повинность и община крепостной деревни в России XVIII начала XIX в. // Тезисы докладов и сообщений XV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 1974. Вып. 2. С. 159-164; Он же. Общинное самоуправление в помещичьих имениях XVIII начала XIX в. Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 104-113.
- 29 Александров В.А. Земельно-передельный тип сельской общины в позднефеодальной России // ВИ. 1975. № 10. С. 53-70.
- ³⁰ Александров В.А. Сельская община в России (XVII начало XIX в.). М., 1976.
- 31 Там же. С. 139.
- 32 Там же. С. 179.
- ³³ Александров В.А. Типы сельской общины в позднефеодальной России (XVII – начало XIX в.) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 92-104.
- 34 Александров В.А. Возникновение сельской общины в Сибири (XVII в.) // ИС СССР. 1987. № 1. С. 54-68; Александров В.А., По-кровский Н.Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII в. // ИС СССР. 1986. № 1. С. 47-68.
- 35 Выступление на обсуждении статьи: *Громыко М.М.* Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1986. № 6. С. 51-53.
- 36 Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 372-379.
- 37 Александров В.А. Обычное право в России в отечественной науке XIX начала XX в. // ВИ. 1981. № 11. С. 41-55; Он же. Отечественная наука XIX начала XX в. об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 6-18.
- 38 Александров В.А. Эволюция земельного обычного права в русской позднефеодальной крепостной деревне (XVIII начало XIX вв.) //СЭ. 1984. № 2. С. 27-38.
- ³⁹ Александров В.А. Семейно-имущественные отношения по обычному праву в русской крепостной деревне XVIII начала XIX в. // ИС СССР. 1979. № 6. С. 37-54; *Он же*. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма. // ИС СССР. 1981. № 3. С. 78-96.
- ⁴⁰ Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России. XVII начало XIX в. М., 1984.
- 41 Там же. С. 141.

- ⁴² Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV начало XVII в. М., 1955. С. 444-452; То же. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра І. М., 1954. С. 230-240, 412-431, 618-623.
- ⁴³ История Сибири. Л., 1968. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. С. 9-22, 41-55, 138-152, 357-364.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
 С. 224-232, 354-389. (В соавторстве).
- ⁴⁵ История крестьянства Европы. М., 1986. Т. 3.
- ⁴⁶ Некоторые проблемы истории крестьянства СССР дооктябрьского периода // ИС СССР. 1979. № 3. С. 49-70.
- 47 Александров В.А., Токарев С.А. Основные проблемы славянской этнографии // История, фольклор, искусство славянских народов. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 218-232.
- 48 Ключевский В.О. Соч. М., 1956-1959. Т. 1-8. (Подготовка к печати, комментарии; в соавторстве с А.А.Зиминым, Р.А.Киреевой); Александров В.А. Ключевский В.О. // СИЭ. М., 1965. Т. 7; Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1-5. (Предисловие к Т. 1 совместно с В.Л.Яниным; послесловия к Т. 1-5; комментарии к тем же пяти томам совместно с В.Г. Зиминой).
- ⁴⁹ Александров В.А. Косвен М.О.: (К 80-летию со дня рождения) // СЭ. 1965. № 2. (В соавторстве с Л.И.Лавровым); Он же. Предисловие к кн.: Косвен М.О. Местная этнография Сибири в XVIII в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1974. Вып. VI.
- ⁵⁰ Александров В.А. Памяти академика М.Н.Тихомирова // СЭ. 1965. № 6. С. 138-141; Он же. Принципы научно-педагогической деятельности М.Н.Тихомирова // Археографический ежегодник № АЕФ за 1968 г. М., 1970. С. 325-336; Он же. Народный быт в исследованиях М.Н.Тихомирова // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 207-211
- 51 Александров В.А. Творческий путь Виктора Ивановича Шункова // Русское население Поморья и Сибири периода феодализма. М., 1973. С. 10-23; Он же. Виктор Иванович Шунков // АЕ за 1975 г. М., 1976. С. 184-188.

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти А.Г.Тартаковского	3
Малето Е.И. Образ Богородицы в русском средневековом соз-	
нании и его эволюция (по материалам хождений XII-	
XV BB.)	9
Лисейцев Д.В. Приемы делопроизводственной работы служа-	
щих Посольского приказа начала XVII века	24
Новохатко О.В. Записные разрядные книги XVII века о жизни	
государева двора: царские и патриаршие «столы»	52
Беляков А.В. К вопросу о вероисповедании служащих Посоль-	
ского приказа второй половины XVII века	64
Загородняя И.А. Дипломатические дары русским царям из Ре-	
чи Посполитой (по материалам книг приездов польских	
великих послов второй половины XVII в.)	71
Куненков Б.А. Структура Посольского приказа во второй	
четверти XVII века	99
Шамин С.М. Доставка и обработка в Посольском приказе	
иностранных газет в царствование Федора Алексеевича	121
Булгаков М.Б. «Ценовные росписи» кабаков XVII века	135
Захаров А.В. Уникальный источник начала XVIII века: Боярский	
список 1706 года	154
Гуськов А.Г. Источники и приемы составления посольских	
книг Великого посольства Петра I	160
Ефремова Е.Н. Судебно-следственные дела как источник изу-	
чения купечества	178
Овчинников Р.В. Из комментариев к одному из мемуарных	
источников пушкинской «Истории Пугачева»	193
<i>Целорунго Д.Г.</i> Русские офицеры – участники Бородинского	
сражения (по материалам формулярных списков)	210
Тихонова Е.Ю. О некоторых источниковедческих аспектах	
издания переписки В.Г.Белинского	227
Буганов В.И. Отечественная история в трудах В.А.Александ-	
рова	244

Корректор О.А.Пруцкова

Компьютерный набор и верстка Л.Г. Сапрыкиной

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 04.12.03. Формат 60х84/_{16.} Заказ № 34 . Тираж 300 экз. 16,5 п.л. 13,61 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19